

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Саратовская государственная юридическая академия»

На правах рукописи

Татоян Арам Артурович

**НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ ОПЕРАЦИЙ
С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ:
СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель –
доктор юридических наук, профессор
Разгильдиева Маргарита Бяшировна

Саратов – 2025

Содержание

ВВЕДЕНИЕ	3
Глава 1. ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ В ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ	22
1.1. Цифровые финансовые и иные криптоактивы в зарубежном правовом регулировании и его современные модели	22
1.2. Цифровые финансовые активы: экономическая и юридическая сущность	45
1.3. Цифровые финансовые активы и иные финансовые инструменты в российском правовом регулировании.....	62
1.4. Финансово-правовое регулирование операций с цифровыми финансовыми активами	81
Глава 2. НАЛОГОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ	106
2.1. Операции с цифровыми финансовыми активами: субъекты, виды, содержание.....	106
2.1.1. Субъекты операций с цифровыми финансовыми активами.....	107
2.1.2. Виды операций с цифровыми финансовыми активами	115
2.1.3. Содержание операций с цифровыми финансовыми активами.....	125
2.2. Учет доходов, расходов и убытков по операциям с цифровыми финансовыми активами в целях налогообложения в Российской Федерации	134
2.3. Проблемы налогового контроля за операциями с цифровыми финансовыми активами	164
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	178
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	200

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Цифровые финансовые активы (далее – ЦФА) являются одним из новейших инструментов финансового рынка России, правовая регламентация которого формируется на основе принятого в 2020 году Федерального закона «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон о ЦФА).

ЦФА, выполняя инвестиционный и иной функционал, дополняет традиционный инструментарий финансового рынка, однако имеет существенные особенности, обусловленные спецификой технологической среды, в которой ЦФА возникают и обращаются. Различия в оценках особенностей нового явления определяют сложившееся в современной правовой науке разнообразие взглядов на сущность ЦФА, их правовую природу, объем финансово-правового регулирования. Решение этих вопросов является базовым для научного осмысления сформированного в Российской Федерации правового регулирования о налогообложении операций с ЦФА и их финансовых результатов.

Процесс формирования правил налогообложения операций с ЦФА идет почти параллельно с легитимацией правил совершения самих операций, однако все же требуется научное осмысление должной степени их согласования в части единого понятийно-категориального аппарата Закона о ЦФА и Налогового кодекса РФ. Актуальность теоретико-правовых разработок терминологического ряда в данной сфере правового регулирования определяется, прежде всего, потребностями практической реализации правил налогообложения операций с ЦФА. В данном контексте нуждаются в уточнении и во-

¹ Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 25 октября 2024 г.) // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018; 2024. № 44. Ст. 6489.

просы, связанные со спецификой субъектно-содержательного состава правоотношений, складывающихся по поводу выпуска и обращения ЦФА как предопределяющих особенности налогово-правового регулирования операций с ними.

Современная зарубежная практика демонстрирует многообразный опыт правового регулирования выпуска и обращения криптоактивов. Каждая страна по-разному определяет рамки и масштабы развития подобных финансовых инструментов, однако постепенно вырабатываются эффективные приемы правового регулирования, которые активно заимствуются и со временем формируют общую направленность правовой регламентации. Актуальной научной задачей в этой связи выступает обобщение и анализ формируемых в мировом масштабе практик и приемов, поиск наиболее эффективных из них с точки зрения соответствия особенностям национальной юрисдикции.

Зарубежные подходы к регламентации налогообложения операций с криптоинструментами, в целом, основываются на тезисе, что на новые финансовые инструменты распространяются условия налогообложения, применяемые и к традиционным финансовым продуктам аналогичной функциональности. В этом контексте вырисовывается значимость сравнительно-правового сопоставления режима налогообложения операций с ЦФА с режимом налогообложения операций с ценными бумагами, прежде всего, по законодательству Российской Федерации.

Перечисленные аспекты определяют актуальность исследования финансово-правового регулирования операций с ЦФА в различных сравнительно-правовых контекстах (в сравнении с зарубежным опытом и в сопоставлении с режимом налогообложения операций с ценными бумагами по российскому законодательству), а также содержательную структуру данного исследования.

Степень разработанности темы. ЦФА являются, как и криптоактивы

в целом, предметом интенсивного исследования в различных науках. В настоящее время широкий спектр разработок связан с исследованием экономических и цивилистических аспектов отношений, возникающих в связи с выпуском и обращением ЦФА и других цифровых прав. Формируя теоретико-правовую базу для развития правового регулирования в этой области, данные исследования не направлены на уяснение особенностей финансово-правовых аспектов такого регулирования как в части его содержания, так и пределов.

Финансово-правовая наука также активно изучает новые финансовые инструменты и технологии. Так, проводились комплексные исследования финансово-правового регулирования внедрения систем распределенного реестра в национальную платежную систему (Е.Ю. Баракина, 2020 г.), выпуска и обращения ЦФА (К.Б. Раздорожный, 2021 г.) и финансовых технологий (Г.Т. Папаскуа, 2021 г.). Эти исследования сформировали отдельные теоретико-правовые положения относительно сущности ЦФА, содержательных границ данного понятия, объема предмета финансового права в сфере выпуска и обращения ЦФА, которые имеют дискуссионный характер и могут быть уточнены. Кроме того, в них не рассматривались содержательно-субъектные аспекты операций ЦФА как базовые для формирования правил налогообложения, а также не проводился анализ сформированной в российском законодательстве модели налогообложения таких операций на предмет ее соответствия инвестиционной функциональности ЦФА.

Объектом исследования выступают общественные отношения, возникающие в связи с налогообложением операций с ЦФА и их результатов.

Предметом исследования являются положения законодательства о выпуске и обращении ЦФА, о налогах и сборах в Российской Федерации, правовых актов международных организаций и зарубежных государств, регламентирующих отношения, возникающие в связи с выпуском и обращени-

ем криптоактивов и налогообложения операций с ними, правоприменительные акты и акты разъяснительного характера российских и зарубежных уполномоченных органов, в том числе судебных инстанций, данные, представленные на официальных сайтах российских и иностранных органов власти, общественных организаций, аккумулирующих статистические, аналитические и иные сведения об операциях с криптоактивами и их налогообложении, а также научные концепции и доктринальные положения по избранной и смежной проблематике, развивающиеся в российской и иностранной юридической науке.

Цель и задачи диссертационной работы. Целью исследования является формирование комплекса теоретико-правовых положений о правовом регулировании налогообложения операций с ЦФА и их финансовых результатов, способных выступать основой для разработки научно обоснованных предложений по совершенствованию налогово-правового регулирования операций с ЦФА и практики его применения.

Указанная цель достигается путем решения следующих **задач**:

- проверить достаточность сложившегося терминологического ряда, обозначающего в российской и зарубежной теории разные типы финансовых инструментов, основанных на технологии распределенного реестра, с позиции обеспечения задач как правового регулирования операций с ЦФА, в том числе налогообложения, так и формирования его теоретической основы;
- выявить и обобщить существенные характеристики ЦФА, позволяющие определять соотношение этого инструмента со смежными: производными финансовыми инструментами, электронными деньгами, ценными бумагами, иными криптоактивами;
- систематизировать подходы к правовому регулированию операций с ЦФА, сложившиеся в зарубежной практике, определить особенности российской модели правового регулирования таких операций;

- выявить типы зарубежного правового регулирования в отношении криптоактивов, обладающих функциональностью, аналогичной функциональности ЦФА по российском законодательству;
- сформировать научно-обоснованную базу для решения вопроса о пределах финансово-правового регулирования в сфере выпуска и обращения ЦФА;
- систематизировать финансово-правовые средства, которые используются в регламентации выпуска и обращения ЦФА в Российской Федерации и выявить возможные направления их расширения на основе изучения зарубежного опыта;
- уяснить специфику субъектно-содержательного состава правоотношений, возникающих в связи с выпуском и обращением ЦФА в целях налогообложения;
- проверить согласованность терминологических рядов, используемых в нормативной регламентации операций с ЦФА в Законе о ЦФА и Налоговом кодексе РФ в целях налогообложения таких операций и их результатов;
- определить сформированную в Российской Федерации модель налогообложения операций с ЦФА и их результатов и проверить ее на предмет обеспечения функциональности ЦФА как инвестиционного инструмента;
- выявить особенности учета доходов, расходов и убытков по операциям с ЦФА в целях налогообложения в Российской Федерации;
- сопоставить модель налогообложения операций с ЦФА и их результатов с моделью налогообложения операций с ценными бумагами как наиболее сходного с ЦФА финансового инструмента;
- выявить проблемы налогового контроля за операциями с ЦФА;
- разработать научно обоснованные предложения по дальнейшему развитию правового регулирования налогообложения операций с ЦФА.

Методологическая основа исследования. Для достижения цели исследования, применялись общенаучные и особенно научные (специально-правовые) методы познания.

Применение общенаучных методов (анализа, синтеза, индукции, дедукции, абстрагирования) позволило выявить сущностные и содержательные характеристики новых понятий (криптоактивы, цифровые финансовые активы, цифровые права); установить соотношение с уже существующими понятиями (производные финансовые инструменты, электронные деньги, ценные бумаги, в том числе бездокументарные); сформулировать предложения о введении в научный оборот новых понятий (цифровые финансовые инструменты, обращающиеся и не обращающиеся ЦФА). На основе этих методов в исследовании были реализованы такие специально-правовые методы как сравнительно-правовой, формально-логический, формально-юридический, функциональный, а также методы систематизации правовых явлений и правового моделирования.

Сравнительно-правовой метод применялся при исследовании подходов к правовой регламентации иностранными юрисдикциями отношений, связанных с оборотом криптоактивов, в том числе налогообложения доходов по операциям, имеющим инвестиционную направленность. Этот метод также был реализован при сопоставлении моделей налогообложения операций с ценными бумагами и ЦФА по российскому законодательству.

Формально-юридический метод использовался в системе с *формально-логическим* при анализе современного нормативно-правового регулирования выпуска и операций с ЦФА, а также налогообложения их результатов, что позволило выявить различия в терминологических рядах, сформированных Законом о ЦФА и Налоговым кодексом РФ. Формально-юридический метод в системе с *функциональным* позволил определить экономико-юридическую функциональность ЦФА как финансового инструмента и установить пробле-

мы соответствия данной функциональности и сформированной в Российской Федерации модели налогообложения операций с ЦФА. *Метод правового моделирования* использовался для формирования выводов о: моделях правового регулирования операций с криптоактивами и ЦФА; модели налогообложения операций с ЦФА по законодательству Российской Федерации; а также о возможных моделях налогового контроля за такими операциями. Реализация *системного подхода к анализу правовых явлений* проявилась в системном анализе положений Налогового кодекса РФ и Закона о ЦФА в части налогообложения операций с ними, а также стала основой для систематизации финансово-правовых средств в сфере правового регулирования операций с ЦФА и выводов о классификационных видах операций с ЦФА, в том числе предложения о разграничении ЦФА в целях налогообложения на обращающиеся и необрачающиеся.

Использование вышеназванных методов позволило уяснить правовое регулирование в сфере налогообложения операций с ЦФА, конкретизировать и развить теоретико-правовые аспекты данного регулирования.

Теоретическая основа исследования. Выявлению особенностей налогово-правового регулирования цифровых финансовых активов способствовали научные труды ученых, разрабатывающих теоретические и прикладные аспекты финансового права: Л.Л. Арзумановой, А.З. Арсланбековой, О.Ю. Бакаевой, Е.Ю. Баракиной, Е.Г. Беликова, И.В. Бит-Шабо, Е.Ю. Грачевой, М.В. Гудковой, А.Г. Гузнова, С.В. Запольского, В.А. Кинсбургской, Д.А. Красикова, М.Н. Кобзарь-Фроловой, Ю.М. Литвиновой, Р.Э. Мустафаева, Г.Т. Папаскуа, С.Г. Пепеляева, Е.В. Покачаловой, К.Б. Раздорожного, Т.Э. Рождественской, И.В. Рукавишниковой, М.Н. Садчикова, Т.А. Серебряковой, И.А. Силантьевой, А.А. Ситник, И.А. Цинделиани, А.В. Шамраева и других.

Уяснение правовой природы цифровых прав и иных аспектов

гражданско-правового регулирования в сфере выпуска и обращения ЦФА осуществлялось на основе трудов гражданско-правового профиля таких ученых, как: К.И. Артемьев, В.С. Белых, С.П. Гришаев, М.А. Егорова, Л.Г. Ефимова, В.А. Канашевский, Л.А. Новоселова, В.А. Садков и др.

Для определения экономической сущности и функциональности ЦФА были использованы научные изыскания А.А. Аюпова, Н.В. Балихиной, С.В. Барулина, О.С. Беломытцовой, И.Н. Богатой, А.В. Бодяко, Д.М. Братцева, Е.А. Васильевой, М.С. Гарькуши, В.С. Горшкова, Е.И. Дюдиковой, А.Е. Иванова, В.А. Лутченко, А.В. Новикова, И.М. Пожарицкой и др.

Содержательные аспекты зарубежной правовой и экономической теории в сфере обращения криптоактивов изучались на основе работ таких авторов как: Т. Пикетти, Ф. Фабоцци, Н. Appel, А. Bal, А. Blandin, G. Hileman, Y.L. Chow, К.К. Tan, P. Kowalski, А.К. Layr, G. Lim, Sh. Yiu, Sh. Parsons, А. Sharma, S.S. Bhanawat, R.B. Sharma и др.

Нормативную основу диссертационного исследования составляют Конституция РФ, Налоговый кодекс РФ, Закон о ЦФА, иные федеральные законы и подзаконные нормативные правовые акты, определяющие порядок выпуска и обращения ЦФА, а также правила налогообложения операций с ними.

Эмпирическую базу исследования составили сведения, содержащиеся на официальных сайтах органов публичной власти Российской Федерации: Федерального собрания РФ, Министерства финансов РФ, Федеральной службы статистики, Центрального банка РФ; материалы судебной практики Конституционного Суда РФ, Верховного суда РФ, арбитражных судов и судов общей юрисдикции. В работе использованы данные зарубежных органов власти (Австралийского налогового управления, Валютного управления Сингапура), международных (Всемирный банк, Совет по финансовой стабильности) и общественных организаций (Банк международных расчетов, Целевая

группа по финансовым мероприятиям (ФАТФ)), аккумулирующих информацию о современных тенденциях развития экономических отношений по поводу цифровых финансовых продуктов и их правового регулирования.

Научная новизна диссертационного исследования заключается в том, что в нем на основе теоретического, нормативного и эмпирического материала сформирован комплекс научно-обоснованных положений о правовом регулировании учета в целях налогообложения операций по выпуску и обращению ЦФА, а также налогообложению финансовых результатов таких операций. В частности, конкретизировано место ЦФА в системе иных криптоактивов; аргументирована допустимость использования в качестве обобщающего понятия «цифровые финансовые инструменты» и уточнены его содержательные аспекты; выявлено соотношение ЦФА со смежными экономико-юридическими понятиями (производные финансовые инструменты, электронные деньги, ценные бумаги, в том числе бездокументарные, цифровое право, в том числе утилитарное, цифровая валюта); уточнены результаты предыдущих научных разработок о моделях зарубежного и российского правового регулирования операций с криптоактивами, а также об инструментах, используемых государствами в рамках разрешительной политики в отношении криптоактивов, в том числе в целях налогообложения операций с ними; разработаны теоретико-правовые положения о критериях, определяющих необходимость финансово-правового регулирования отношений по выпуску и обращению ЦФА и его пределах, а также систематизированы финансово-правовые средства, применяемые в российском регулировании операций с ЦФА; выявлены свойства ЦФА, а также содержательные характеристики операций с ними, имеющие значение для формирования правил налогообложения; сформированы классификации операций с ЦФА по различным основаниям, позволяющие учесть их особенности в целях налогообложения.

Научная новизна выражается в следующих положениях, выноси-

мых на защиту:

1. Понятие «цифровые финансовые инструменты» охватывает производные финансовые инструменты, бездокументарные ценные бумаги, цифровые финансовые активы, утилитарные цифровые права и цифровую валюту. «Цифровые финансовые инструменты» дифференцированы на две подгруппы: 1) финансовые инструменты, основанные на технологии распределенного реестра (криптоактивы); 2) финансовые инструменты, основанные на иных технологических решениях (производные финансовые инструменты, бездокументарные ценные бумаги).

2. ЦФА обладают финансово-технологической сущностью, определяющей особенности правового регулирования их выпуска и обращения, а также налогообложения операций с ними. Финансовая сущность ЦФА характеризуется их функциональностью как инвестиционного инструмента; технологическая сущность определяется тем, что данная функциональность может быть реализована только в специфичной технологической среде (специальная информационная система и иные технические средства).

ЦФА рассматриваются как новая юридическая конструкция для уже известных имущественных прав обязательственного типа, юридическая функциональность которой аналогична функциональности ценных бумаг, что не означает тождественности ЦФА и ценных бумаг, в том числе бездокументарных.

3. Российскую модель правового регулирования криптоактивов (цифровых финансовых инструментов, основанных на технологии распределенного реестра) можно определить как ограничительно-разрешительную, поскольку сформирован комплекс правил для выпуска и обращения ЦФА и утилитарных цифровых прав, но при этом выпуск и обращение цифровых валют имеют лишь частичную легитимизацию.

Российская модель правового регулирования операций с ЦФА может

быть обозначена как разрешительная, т.к. нормативно выпуск ЦФА не ограничен, они могут быть связаны с любыми видами денежных обязательств.

4. Разрешительная модель правового регулирования в мировой практике проявляет себя по-разному: регуляторы адаптируют уже действующее законодательство к применению новых инструментов и/или формируют новое и данные подходы часто применяются одновременно, что определяется разнообразием криптоактивов.

В Российской Федерации для ЦФА (токенов инвестиционной функциональности) характерно формирование новых правил, а не распространение тех, которые действуют на рынке ценных бумаг, однако новые правила формируются по модели правового регулирования выпуска и операций с ценными бумагами.

5. Операции с ЦФА являются предметом комплексного правового регулирования нормами гражданского и финансового права. Публично-правовое регулирование ЦФА определяется обусловленными ими рисками: для стабильности финансовой системы; недостаточного обеспечения прав и законных интересов потребителей финансовых услуг; использования в преступной деятельности.

Финансово-правовые средства, применяемые в целях нейтрализации угроз от совершения операций с ЦФА, систематизированы по следующим группам и видам:

- финансово-правовые средства, обеспечивающие снижение рисков дестабилизации финансовой системы, подразделены на: 1) требования императивного характера к операциям с ЦФА; 2) меры, обеспечивающие финансовую стабильность инфраструктуры, формируемой для осуществления операций с ЦФА;

- финансово-правовые средства нейтрализации угрозы нарушения прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, связанных с выпус-

ком и обращением ЦФА, дифференцированы на: 1) меры, предусмотренные Законом о ЦФА или вытекающие из его содержания; 2) иные меры и мероприятия, реализуемые Банком России и другими уполномоченными субъектами;

- инструментарий, направленный на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, с целью нейтрализации рисков, связанных с использованием ЦФА в преступной деятельности.

6. Признаками ЦФА, имеющими значение для формирования налогового правового регулирования являются: способность ЦФА быть объектом гражданских прав и предметом сделок, а также объектом налогообложения как имущественных прав; сделки с ЦФА связаны с осуществлением расходов, получением доходов/убытков, что должно учитываться в целях налогообложения; волатильность стоимости ЦФА предопределяет, что в целях налогообложения должен учитываться финансовый результат по операциям с ЦФА.

7. Раскрыты содержательные характеристики операций с ЦФА:

- отношения, связанные с выпуском и обращением ЦФА, относятся к операциям с ними; учет операций с ЦФА рассматривать в качестве операции (денежной или с иным имуществом) нет оснований;

- характер операции (денежной или с иным имуществом) имеет выкуп ЦФА; погашение ЦФА не может рассматриваться как операция с такими активами, поскольку является действием в системе учета таких операций. Выкуп ЦФА представляет собой операцию с ЦФА, обуславливающую их погашение в системе учета информационной системы.

8. Операции с ЦФА систематизированы в целях налогообложения: в соответствии с Законом о ЦФА; как налогооблагаемые события; в зависимости от субъектов операции с ЦФА; от стадии «жизненного цикла» ЦФА; по признаку возмездности; по наличию ограничений на реализацию.

Предложено ввести в теоретико-правовой оборот разграничение операций с обращающимися и не обращающимися ЦФА в зависимости от отсутствия или наличия запрета на их реализацию первым обладателем.

9. Сформированные правила относительно учета доходов от операций с ЦФА в отдельной налоговой базе совместно с необращающимися ценными бумагами, а также ограничения на учет убытков в целях налогообложения доходов по таким операциям не соответствуют общегосударственной задаче по мобилизации внутренних резервов российской экономики, в том числе средств населения, в качестве инвестиционных ресурсов.

Проведенное исследование послужило основанием для формулирования следующих предложений по совершенствованию действующего законодательства:

1. Внести уточнения в текст подпункта 3 пункта 1 статьи 3 Закона о ЦФА абзацы второй и третий следующего содержания:

«порядок исполнения обязательств лица, выпускающего цифровые финансовые активы и (или) цифровые права, включающие одновременно цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, удостоверенных выпускаемым цифровым финансовым активом и (или) цифровым правом, включающим одновременно цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, путем выкупа или в иной форме;

под выкупом цифрового финансового актива и (или) цифрового права, включающего одновременно цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, понимается операция по исполнению лицом, выпустившим эти цифровой финансовый актив и (или) цифровое право, своего обязательства, удостоверенного этими цифровым финансовым активом и (или) цифровым правом, путем выплаты денежных средств либо передачи ценных бумаг, товаров, иного имущества (выполнения работ, оказания услуг, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или)

прав использования результатов интеллектуальной деятельности) в соответствии с условиями решения о выпуске этих цифрового финансового актива и (или) цифрового права».

2. В пункт 1 статьи 5 Закона о ЦФА внести изменения и изложить его в следующей редакции:

«1. Оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, может быть включенное в реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов (далее – реестр операторов информационных систем), юридическое лицо, личным законом которого является российское право, а размер уставного капитала на день подачи ходатайства о включении в реестр операторов информационных систем составляет не менее 50 миллионов рублей (в том числе кредитная организация, лицо, имеющее право осуществлять депозитарную деятельность, лицо, имеющее право осуществлять деятельность организатора торговли)»;

3. Дополнить пункт 3 статьи 5 Закона о ЦФА подпунктом 11.1 следующего содержания: «11.1) меры по минимизации рисков совершения сделок с цифровыми финансовыми активами».

4. Пункт 1 статьи 13 Закона о ЦФА изложить в следующей редакции: «1. Запрещается выпуск цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале публичного акционерного общества (акции публичного акционерного общества, выпущенные в виде цифровых финансовых активов). Запрещается выпуск акций непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов, если ранее была осуществлена эмиссия акций данного общества не в виде цифровых финансовых активов».

5. Дополнить в абзац второй пункта 2 статьи 38 НК РФ и изложить его в следующей редакции: «2. Для целей настоящего Кодекса не признаются имуществом имущественные права, за исключением безналичных денежных

средств, бездокументарных ценных бумаг, цифровых финансовых активов и утилитарных цифровых прав».

6. Внести уточнение в подпункт 38 пункта 2 статьи 149 НК РФ и изложить его в следующей редакции: «38) цифровых финансовых активов, в том числе в составе цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права;».

7. Пункт первый статьи 282.2 НК РФ изложить в следующей редакции:

«1. Налоговая база по операциям с цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, определяется совокупно с операциями с необращающимися ценными бумагами и необращающимися производными финансовыми инструментами в порядке, установленном настоящей статьей и статьей 304 настоящего Кодекса, и отдельно от общей налоговой базы, если условиями выпуска цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, установлен запрет на их реализацию или обмен первым обладателем таких цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, если иное не предусмотрено настоящей статьей.»;

8. Дополнить статью 282.2 НК РФ пунктом 5.1 следующего содержания: «5.1. Доходы (расходы) по операциям с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, учитываются в общеустановленном порядке в общей налоговой базе.

В целях налогообложения цифровые финансовые активы и (или) цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права признаются обращающимися при одновремен-

ном соблюдении следующих условий:

1) если условия их выпуска не содержат запрет на их реализацию и обмен в информационных системах, обеспечивающих обмен цифровыми правами в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) если информация об их ценах публикуется в средствах массовой информации (в том числе электронных) либо может быть представлена оператором обмена или иным уполномоченным лицом любому заинтересованному лицу в течение трех лет после даты совершения операций с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права в информационных системах, обеспечивающих обмен цифровыми правами в соответствии с законодательством Российской Федерации;

3) если по ним в течение последовательных трех месяцев, предшествующих дате совершения налогоплательщиком сделки с этими цифровыми правами, хотя бы один раз рассчитывалась рыночная цена.

Если иное не установлено настоящей статьей или статьей 304 настоящего Кодекса, доходы, полученные от операций с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, за отчетный (налоговый) период, не могут быть уменьшены на расходы либо убытки от операций с необрацающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.»;

9. Абзац 6 пункта 6 статьи 214.11 НК РФ изложить в следующей редакции:

«Перенос на будущие периоды убытков, полученных по операциям с необрацающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и ути-

литарные цифровые права, не допускается.»;

10. Пункт 6 статьи 214.11 НК РФ дополнить абзацем седьмым следующего содержания:

«Перенос на будущие периоды убытков, полученных по операциям с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) обращающимися цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, осуществляется по правилам учета убытков по операциям с ценными бумагами в порядке, установленном пунктом 12 статьи 214.1 и статьей 220.1 настоящего Кодекса».

Теоретическая и практическая значимость диссертационного исследования. Теоретическая значимость исследования определяется разработкой комплекса научно обоснованных положений, развивающих научные представления о сущности ЦФА и операций с ними, обуславливающие особенности финансово-правового регулирования в сфере выпуска и обращения ЦФА, в том числе налогообложения операций с ЦФА и их финансовых результатов. Сформированные в работе теоретические выводы, авторские уточнения понятийно-терминологического ряда, систематизации и обобщения создают теоретико-правовую основу налогово-правового регулирования операций с ЦФА и могут быть использованы в исследованиях, посвященных юридическим аспектам иных криптоактивов, расширению функциональности ЦФА, а также иным вопросам смежной проблематики.

Практическая значимость исследования определяется его направленностью на совершенствование законодательства Российской Федерации о налогах и сборах в части регламентации налогообложения операций с ЦФА и их финансовых результатов, а также правового регулирования выпуска и обращения ЦФА. Результаты диссертационного исследования могут быть учтены при формировании налогово-правовой политики в Российской Федерации в части обращения ЦФА и налогообложения операций с ними. Немаловажным

аспектом практической значимости является нацеленность исследования на совершенствование правоприменительной практики на основе уточнения и разъяснения сущности ЦФА, обусловленных ею особенностей правового регулирования операций с ними и подлежащих учету в целях налогообложения.

Содержащиеся в диссертации теоретические выводы и практические рекомендации могут быть использованы в процессе преподавания финансового, налогового права и иных дисциплин, связанных с правовым регулированием операций с ЦФА и иных криптоактивов по различным направлениям подготовки и специальностям.

Достоверность результатов исследования подтверждается результативным использованием научной методологии, адекватной поставленной цели и задачам исследования; широкого круга научных и правовых источников, а также эмпирических данных, на основе которых сформирована система аргументации результатов исследования; а также апробацией положений и выводов, обоснованных в работе.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация обсуждена и одобрена кафедрой финансового, банковского и таможенного права имени профессора Нины Ивановны Химичевой ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия». Апробация результатов исследования осуществлялась в процессе преподавания дисциплин финансово-правового цикла на кафедре таможенного, административного и финансового права юридического факультета ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского».

Результаты диссертационного исследования также апробированы посредством выступлений на международных и всероссийских научно-практических конференциях: «Трансформация права и правоохранительной

деятельности в условиях развития цифровых технологий в России, странах СНГ и Европейского союза: проблемы законодательства и социальной эффективности» (Саратов, 2021 г., 2022 г.); «Трансформация правовых институтов и методов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза» (Саратов, 2021 г., 2023 г.); «10 лет ЕАЭС: основные тренды таможенного регулирования» (Саратов, 2024 г.); «Эмиссионная деятельность в сфере публичных и частных финансов: современное состояние и перспективы правового регулирования» (Москва, 2024 г.); «Направления обеспечения экономической безопасности в различных сферах функционирования государства и экономики: новые вызовы, современные инструменты, стратегии развития» (Саратов, 2024 г.); «Актуальные проблемы административного и финансового права» (Казань, 2024 г.); «Модернизация конституционных категорий современных государств» (Саратов, 2024 г.).

Результаты диссертационного исследования отражены в 11 научных публикациях по теме исследования, общим объемом 4 а.л., из которых 5 опубликованы в ведущих рецензируемых научных журналах, включенных Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ в список изданий, рекомендуемых для опубликования основных научных результатов диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Структура диссертационного исследования predeterminedена объектом, целью и задачами исследования и отражает его логику. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих семь параграфов, три подпараграфа, заключения, списка использованных источников.

Глава 1. ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ В ЗАРУБЕЖНОМ И РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ

1.1. Цифровые финансовые и иные криптоактивы в зарубежном правовом регулировании и его современные модели

В законодательстве и различных руководящих документах зарубежных стран используется множество различных терминов применительно к тому, что в целом можно назвать криптоактивами, и во многих случаях они включают определения используемой терминологии, относящиеся к конкретной юрисдикции. К числу таких терминов относятся криптоактивы (crypto assets), токены (tokens), цифровые активы (digital assets), виртуальные активы (virtual assets). Термин криптовалюта (cryptocurrency) первоначально тоже широко использовался как обобщающий. Сейчас он остается распространенным термином, но в аспекте только отдельной разновидности криптоактивов – цифровой валюты. Отказ от использования термина криптовалюта как обобщающего произошел, поскольку, во-первых, его применение в таком значении создает потенциально вводящее в заблуждение предположение о том, что криптовалюта может быть официально одобрена как представляющая фиатную валюту, если используется в официальной документации. Во-вторых, термин «криптоактив» в отличие от криптовалюты включает в себя множество различных инструментов¹.

Под криптоактивом обычно понимается цифровой актив, предназначенный для использования в качестве средства обмена и хранилища стоимости, который использует технологию распределенного реестра, позволяющую всем участникам совершать сделки друг с другом без необходимости

¹ См.: CP19/3: Guidance on Cryptoassets (January 2019). URL: <https://www.fca.org.uk/publication/consultation/cp19-03.pdf> (дата обращения: 26.03.2023).

центральной координирующей организации¹.

Такие активы с момента их появления выступали объектом пристального внимания со стороны международных финансовых организаций², которые выделяли их характеристики в целях идентификации и поиска правовых средств регламентации. Так, Базельский комитет по банковскому надзору, Совет по финансовой стабильности выделяет такие признаки, как: цифровая природа актива, доверие к криптографии и зависимость от нее как части воспринимаемой или присущей стоимости актива, использование технологии распределенного реестра (Distributed Ledger Technology, DLT)³. Группа разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (ФАТФ) к таким признакам отнесла: цифровое представление стоимости, способность обращаться или переводиться, использоваться для целей платежа или инвестиций⁴.

На этой основе, а также автономно от нее многие государства стали формировать национальное правовое регулирование. В числе первых оно было сформировано во Франции, Лихтенштейне, Мальте, Объединенных Арабских Эмиратах.

Так, согласно французскому законодательству, токен был определен как «любое нематериальное имущество, представленное в цифровой форме, одно или несколько прав, которые могут быть выпущены, записаны, сохранены или переданы с помощью распределенного электронного записывающего устройства, позволяющего идентифицировать непосредственно или

¹ См.: *Franklin R. Edwards, Kathleen Hanley, Robert Litan & Roman L. Weil. Crypto Assets Require Better Regulation: Statement of the Financial Economists Roundtable on Crypto Assets. 02 Apr 2019 URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0015198X.2019.1593766> (дата обращения 21.11.2022).*

² См. подробнее: *Татоян А.А. Характеристики цифровых финансовых активов по законодательству зарубежных стран // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 218-220.*

³ См.: *Crypto-assets. Work underway, regulatory approaches and potential gaps. 31 May 2019. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P310519.pdf> (дата обращения: 10.08.2021); Designing a prudential treatment for crypto-assets. URL: <https://www.bis.org/bcbs/publ/d490pdf> (дата обращения: 10.08.2021).*

⁴ URL: <https://www.fatf-gafi.org/glossary/u-z/> (дата обращения: 10.08.2021).

косвенно владельца указанного имущества»¹.

В Законе Лихтенштейна о токенах и поставщиках услуг доверенных технологий токен определен как часть информации в системе обработки транзакций, посредством которой с помощью доверенной технологии обеспечивается безопасность хранения и передачи токенов, а также предоставления связанных с ними услуг, которая может выступать в качестве претензии или права участников к другому лицу, прав собственности, других абсолютных или относительных прав, которые передаются одному или нескольким идентификаторам системы².

На Мальте был принят Закон о виртуальных финансовых активах, который определяет виртуальный финансовый актив как любую форму записи цифрового носителя, используемого в качестве средства обмена, учета или хранения стоимости, которая не является электронными деньгами, финансовым инструментом или виртуальным токеном³. Виртуальный токен – утилитарный токен, полезность, ценность или применение которого ограничено исключительно приобретением товаров (услуг) или исключительно платформой (сетью платформ), основанной на технологии распределенного реестра, в рамках которой (которых) был выпущен токен.

В Великобритании в 2018 г. был издан заключительный отчет целевой группы по криптоактивам (Cryptoassets Taskforce: final report), определивший, что под криптоактивом понимается защищенное криптографически цифровое представление стоимости или договорных прав, которые можно передавать,

¹ См.: LOI № 2019-486 du 22 mai 2019 relative à la croissance et la transformation des entreprises. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038496102/> (дата обращения: 17.08.2021).

² См.: Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG). URL: <https://perma.cc/H2GT-88CN> (дата обращения: 10.08.2021).

³ См.: Virtual financial assets act. <https://legislation.mt/eli/cap/590/eng/pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

хранить или торговать ими в электронном виде¹.

В Республике Казахстан цифровой актив рассматривается как имущество, созданное в электронно-цифровой форме с применением средств криптографии и компьютерных вычислений, не являющееся финансовым инструментом, а также электронно-цифровая форма удостоверения имущественных прав (ст. 33-1 Закона об информатизации²). К виду цифровых активов казахстанский законодатель относит цифровой токен, являющийся цифровым средством учета, обмена и удостоверения имущественных прав. Цифровые активы, согласно законодательства Республики Казахстан, могут быть обеспеченные и необеспеченные, при этом обеспеченными активами считаются те, что являются цифровым средством удостоверения имущественных прав на товары и (или) услуги, выпускаемые лицом, выпустившим обеспеченный цифровой актив, а необеспеченными – цифровые токены, полученные как вознаграждение за участие в поддержании консенсуса в блокчейне, в порядке, установленном законодательством.

В Республике Беларусь 21 декабря 2017 г. был принят Декрет № 8 «О развитии цифровой экономики»³, регламентировавший создание условий для внедрения в национальную экономику технологии реестра блоков транзакций (блокчейн). Однако в указанном правовом акте отсутствует термин цифрового финансового актива. Декрет устанавливает особенности обращения цифровых знаков (токенов), под которыми понимается «запись в реестре блоков транзакций (блокчейне), иной распределенной информационной системе, которая удостоверяет наличие у владельца цифрового знака (токена) прав на объекты гражданских прав и (или) является криптовалютой».

¹ Cryptoassets Taskforce: final report. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/752070/cryptoassets_taskforce_final_report_final_web.pdf (дата обращения: 17.02.2022),

² Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 г. № 418-V ЗРК «Об информатизации» (в ред. от 20.08.2024 г.) // Ведомости Парламента РК. 2015. № 22-V. Ст. 155.

³ URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 10.08.2021).

Удачной для формирования понимания природы и характеристик токена как единицы криптоактива выступает его пояснение в работе А.К. Лайар: с технической точки зрения токен это просто часть информации в распределенной базе данных. В соответствии с законодательными определениями токены являются юридическими объектами, которые не создают новых прав, но могут как «контейнер» представлять или обрамлять различные виды прав, такие как права членства, собственности, права интеллектуальной собственности, ваучеры, права использования или права удержания¹.

Таким образом, в основной своей массе зарубежные страны определяют криптоактив как утилитарный инструмент, направленный на извлечение непосредственной материальной выгоды, т.е. допускаемый в рамках экономического оборота. Обобщая представленные выше понятия, можно выделить признаки криптоактивов: удостоверяют определенные права у их обладателя; использование криптографических средств при их создании; оборот осуществляется с помощью технологии распределенного реестра; имеют имущественный характер; выражены в электронно-цифровой форме; не являются платежным средством, однако могут применяться для расчетов, если это не запрещено действующим регулированием.

Поскольку использование криптоактивов расширяется во всем мире, странам все чаще приходится определять и устанавливать соответствующие правовые рамки для этих финансовых инструментов. Законодатели стремятся, с одной стороны, ограничить вредное или рискованное использование новой технологии, но, с другой, они не хотят негативно влиять на скорость развития этой технологии, обоснованно полагая, что технология распределенного реестра является перспективной основой для формирования новых видов

¹ См.: *Layr A.K. Tokenization of assets: security tokens in Liechtenstein and Switzerland // Milan Law Review. 2021. Т. 2. №. 1. С. 64. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/milanlawreview/article/view/16475/14552> (дата обращения: 03.07.2022).*

деловой активности и бизнес-моделей, что должно вести к экономическому росту и расширению возможностей трудоустройства¹.

Государства идут разными путями в этом направлении: одни юрисдикции развивают специальные законы для того, чтобы управлять новой сферой, другие придерживаются выжидательной позиции, пытаясь формировать правовую определенность путем выборочной адаптации действующих правил и установления запретов или относительно некоторых видов услуг или криптовалют или в целом².

Есть также группа стран, политика которых основывается на полном запрете использования криптоактивов.

Так, на материковом Китае во избежание мошеннических действий, обхода норм законодательства, регулирующего рынок ценных бумаг, установлен запрет на использование криптоактивов³. В отличие от Гонконга Народный Банк КНР исключает предоставление защиты любым инвесторам, использующим криптоактивы, а также предусматривает наказание для финансовых организаций, осуществляющих операции с ними. Однако граждане могут осуществлять операции с криптоактивами на свой страх и риск⁴, т.е. этот вид деятельности не преследуется санкциями.

В 2017 году компетентные органы Китая выпустили Циркуляр по предупреждению финансовых рисков, связанных с предложением виртуальных монет (ICO), который сохраняет свои руководящие начала и в настоящее

¹ См.: p. (2) Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 (MiCA).

² См.: *Layr A.K.* Tokenization of assets: security tokens in Liechtenstein and Switzerland // *Milan Law Review*. 2021. Т. 2. №. 1. P. 45, 66-67. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/milanlawreview/article/view/16475/14552> (дата обращения: 03.07.2022).

³ См.: Regulation of Bitcoin in Selected Jurisdictions. P. 6 // The Law Library of Congress. January 2014 // URL: <https://www.loc.gov/law/help/bitcoin-survey/regulation-of-bitcoin.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).

⁴ См.: *Zhang L.* Regulation of Cryptocurrency: China. In Library of Congress, Regulation of Cryptocurrency in Selected Jurisdictions. Jun 2018. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/index.php> (дата обращения: 29.12.2022).

время. Согласно этому документу, выпуск токенов для получения финансирования от инвесторов является несанкционированной и незаконной деятельностью, все виды финансирования токенов прямо запрещены, а уже запущенные проекты должны быть завершены. Финансовым организациям или платежным фирмам не разрешается оказывать прямые или косвенные услуги по выпуску токенов или их финансированию, включая открытие счета, регистрацию, клиринг или расчеты. Кроме того, финансовые организации обязаны отчитываться перед компетентными органами, если обнаружат какую-либо незаконную деятельность по финансированию токенов. Ожидается, что в краткосрочной перспективе данная тенденция жесткого запрета сохранится, поскольку регуляторика направлена на предотвращение системных финансовых рисков и сдерживание виртуальных валютных спекуляций, а также деятельности по отмыванию денег¹.

Запреты на криптоактивы и другие ограничения могут иметь различный характер: тотальный запрет на выпуск и обращение любых криптоактивов или запрет частичный.

В отдельных странах установлен общий запрет на любые операции, связанные с виртуальными валютами, т.е. их использование в качестве средства платежа категорически не допускается. К юрисдикциям с такими запретами относятся: Бангладеш, Боливия, Ирак, Марокко, Непал, Северная Македония². В некоторых юрисдикциях за нарушение этого запрета устанавливаются специальные санкции, например, законодательство Алжира прямо за-

¹ См.: The Virtual Regulation Review. Fifth Edition. Law Reviews, 2022. China. P. 79-93. URL: <https://www.hankunlaw.com/upload/portal/20221008/ab0b36fc53656a8b3269e6ee6d965dd4.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).

² См.: The Law Library of Congress, G. (2018), Regulation of Cryptocurrency Around the World. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf> (дата обращения: 26.03.2023).

крепляет, что владение виртуальными валютами является неправомерным¹. Как было отмечено выше, в Китае характер ограничения другой: выпуск и обращение криптоактивов будет квалифицироваться как незаконная деятельность на финансовом рынке.

К частичному запрету можно отнести ограничения, действующие в Индонезии, на обмен или использование криптоактивов, которые не были специально разрешены к обращению компетентным органом (Индонезийским агентством по регулированию торговли товарными фьючерсами). В эту же группу можно отнести подход, когда сделки с участием виртуальных валют как таковых не запрещаются, но не допускается функционирование коммерческих торговых платформ для таких сделок².

Другая модель отношения к криптоактивам – разрешительная.

В некоторых странах (например, США, Канада) оборот криптоактивов не запрещается и признается легальным, даже при отсутствии специального регулирования. Обычно в таких государствах на новые криптоинструменты распространяется уже действующее законодательство о ценных бумагах и биржах или иных финансовых инструментах.

Другой подход в правовой регламентации операций с криптоактивами представлен странами, в которых формируется специальное законодательство. Так, с 2017 г. Япония активно развивает законодательную базу по регулированию криптоактивов, согласно которой все биржи криптоактивов должны быть зарегистрированы, а сами криптоактивы являются законным

¹ См.: Banco Central de Bolivia (2017), Comunicado. URL: https://www.bcb.gob.bo/webdocs/11_comunicados/04_2017_COMUNICADO_Uso_monedas.pdf (дата обращения: 26.03.2023).

² См.: Indonesia regulator says financial firms banned from facilitating crypto sales. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indonesia-regulator-says-financial-firms-banned-facilitating-crypto-sales-2022-01-25/> (дата обращения: 26.03.2023).

виртуальным платежным средством¹. При этом в Японии выдвинуты весьма обременительные требования к бизнесу, в частности, «для работы с цифровыми активами, юридическим лицам необходимо иметь резервный фонд (от 100 тыс. долл. США) и регулярно отчитываться в налоговый орган»².

Данному примеру последовал и Сингапур, где деятельность поставщиков услуг цифровых платежных токенов регулируется законом о платежных услугах³. В стране максимально упрощена процедура открытия фирмы для выпуска токенов, власти в целом лояльны к блокчейн-стартапам, а вывод полученных денег в фиатные деньги прост и прозрачен⁴.

В Швейцарии в 2019 г. был принят Blockchain Act, легализовавший свободный оборот криптовалют. Отличительной чертой регулирования криптоактивов в Швейцарии является обращение к методу «мягкого права», согласно которому государственные органы посредством разработки правил, стандартов, рекомендаций и т.д. лишь информируют граждан о рисках, с которыми связано инвестирование средств в ICO и криптовалюты⁵.

Законодательство Лихтенштейна регулирует выпуск и обращение токенов с использованием технологий распределенного реестра. Закон о токенах направлен на установление нормативной определенности, повышенную защиту инвесторов, борьбу с отмыванием денег, стимулирование дальнейше-

¹ См.: Japan Implements Significant Changes to Cryptocurrency Regulation Today. URL: <https://news.bitcoin.com/japan-changes-cryptocurrency-regulation/> (дата обращения: 10.08.2021).

² См.: *Егорова М.А.* Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткоина, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 2. С. 56.

³ См.: Payment Services Act 2019. URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/acts/paymentservices-act> (дата обращения: 10.08.2021).

⁴ См.: *Карпенко О.А.* Выбор юрисдикции для проведения ICO // Russian economic bulletin. 2021. Т. 4. № 1. С. 241.

⁵ См.: *Пономаренко В.Е., Дибина Д.В.* Правовое регулирование криптоактивов в передовых криптоюрисдикциях Европы: Мальта, Лихтенштейн, Швейцария // Журнал юридических исследований. 2021. Т.6. № 2. С. 113.

го развития новых финансовых технологий и экономики токенов¹.

Законодательство Европейского союза до апреля 2023 г. не содержало единого подхода к регулированию криптоактивов, в связи с чем каждое государство-член ЕС стремилось к разработке собственных правовых основ в рассматриваемой сфере. Европейское банковское управление в 2019 г. заявляло о том, что деятельность, связанная с криптоактивами, не подпадает под действие финансового законодательства ЕС, и требует установления соответствующих правил для защиты инвесторов, поскольку подвержена большому риску². При этом, как отмечает Й. Хатри, некоторые криптоактивы подпадают под действие Директивы ЕС о рынках финансовых инструментов³, а, следовательно, классифицируются как финансовые инструменты.

Европейский союз планирует в 2024 г. всецело реализовать потенциал криптоактивов и блокчейна для их использования в системе международных платежей и финансовом секторе, для чего сформирована соответствующая нормативно-правовая база: принят Регламент ЕС «О рынках криптоактивов» (Закон MiCa)⁴, основная цель которого – предоставить больше возможностей в сфере финансовых услуг, обеспечивая при этом финансовую стабильность и правовую определенность на всей территории ЕС. В соответствии с названным документом к услугам по криптоактивам относятся безопасное хранение криптоактивов клиентов и средств доступа к ним (криптографических ключей), прием и исполнение поручений клиентов на обмен (посредством совершения сделок купли-продажи) криптоактивов на фиатные валю-

¹ См.: Понамаренко В.Е., Дибина Д.В. Указ. работа. С. 112.

² См.: Report with advice for the European Commission on crypto-assets. URL: <https://eba.europa.eu/documents/10180/2545547/EBA+Report+on+crypto+assets.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).

³ См.: Директива № 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О рынках финансовых инструментов и об изменении Директивы 2002/92/ЕС и Директивы 2011/61/ЕС (в новой редакции)» (Принята в г. Брюсселе 15.05.2014) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 (MiCA).

ты и другие криптоактивы, на приобретение криптоактивов путем подписки, а также управление торговыми платформами, обеспечивающими размещение и обмен криптоактивов¹. При этом на криптоактивы, соответствующие ценным бумагам, данный акт не распространяется, т.к. их выпуск и оборот определяются регулированием финансового рынка, директивой № 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О рынках финансовых инструментов и об изменении Директивы 2002/92/ЕС и Директивы 2011/61/ЕС (в новой редакции)».

Обобщая изложенное, можем заметить, что на выпуск и обращение криптоактивов часто распространяется правовое регулирование, регламентирующее отношения на финансовых рынках этих государств: кредитного и ценных бумаг.

Несмотря на то, что явление под названием криптоактивы выросло на основе криптовалюты (биткойн), тем не менее новые цифровые продукты имели разную заложенную в них функциональность, что позволило регулятором изначально провести их дифференциацию в целях поиска приемов их регламентации и контроля.

В докладе по виртуальным валютам, выпущенным Федеральным советом Швейцарии в 2014 г., отмечалось, что виртуальные валюты являются маргинальным явлением и не находятся в правовом вакууме, к ним может применяться действующее правовое регулирование. Федеральный совет пришел к выводу об отсутствии необходимости принятия законодательных мер на момент выхода этого доклада. В частности, было определено, что виртуальные валюты в силу их торгуемости могут быть классифицированы как актив, однако торговля ими подпадает под действие законодательства о банковской деятельности и финансовых рынках лишь при определенных условиях. Использование биткойна в качестве платежного средства для при-

¹ См.: *Шамраев А.В.* Международное финансовое регулирование: финансовые технологии: монография. М., 2021. С. 86.

обретения товаров и услуг не приравнивается к традиционной банковской деятельности ни в отношении лица, осуществляющего платежи в биткоинах, ни в отношении лица, принимающего оплату в биткоинах. В таких случаях принятые биткоины считаются вознаграждением за покупку имущества или за оказание услуги. Однако, если лицо принимает биткоины для будущих биржевых сделок, оно может быть квалифицировано как дилер, при условии, что клиент этого лица не может распоряжаться переданными биткоинами без привлечения этого лица. Такого рода деятельность подпадает под действие акта о банковской деятельности и требует наличия лицензии и соблюдения иных ограничений, распространяющихся на банковскую деятельность. Продавцы биткойна могут попадать под действие закона о фондовой бирже (Stock Exchange Act), если продаваемый ими финансовый продукт, использующий биткойн в качестве базового актива, будет квалифицирован как производный финансовый инструмент. Авторы доклада подчеркивали, что биткойн не является ценной бумагой и не закрепляет права как ценная бумага, однако возможность того, что новый цифровой продукт может выходить за рамки криптовалюты была обозначена уже на начальном этапе развития криптоинструментов. Далее отмечалось, что вопрос о том, распространяется или нет законодательство о финансовом рынке на конкретную бизнес-модель, связанную с предложением биткойна или иного продукта на его основе, должен решаться уполномоченным органом, осуществляющим надзор на финансовом рынке¹, в каждом конкретном случае².

В дальнейшем в странах, реализующих разрешительную политику относительно криптовалюты и других криптоинструментов, обозначенный выше подход стал общим: некоторые бизнес-модели, основанные на виртуаль-

¹ Swiss Financial Market Supervisory Authority (FINMA).

² См.: Federal Council report on virtual currencies in response to the Schwaab (13.3687) and Weibel (13.4070) postulates. URL: <https://perma.cc/7VAB-FNBJ> (дата обращения: 10.08.2021).

ных валютах, должны подчиняться действующим на финансовом рынке правилам, если предлагаемый продукт обладает свойствами ценных бумаг или иных финансовых инструментов.

В Гонконге в случаях, когда криптоактив обладает признаками ценных бумаг или фьючерсов, Комиссия по ценным бумагам и фьючерсам (SFC) применяет в отношении них положения законодательства о рынке ценных бумаг¹ и осуществляет лицензирование криптовалютных бирж и организаций, осуществляющих управление ЦФА. Специального законодательства, регулирующего цифровые финансовые активы, в Гонконге до настоящего времени не принято².

Особенно ярко такой подход реализован в США, где Комиссия по ценным бумагам и биржам США (SEC) в каждом конкретном случае определяет, является ли токен ценной бумагой или нет. Обосновывается это тем, что форма не должна превалировать над сущностью, и основное внимание должно уделяться экономическому смыслу сделки, а не ее названию. Если в сделке присутствуют признаки инвестиционного контракта, то независимо от ее названия выпуск такого актива должен подчиняться правилам выпуска и обращения ценных бумаг, т.к. они в максимальной степени направлены на обеспечение интересов инвесторов. Суть контракта (инвестиционный он или нет) в отношении планируемого или уже осуществленного выпуска токенов (ICO³) определяется на основе так называемого теста *Howey*. В частности, токен соответствует ценной бумаге, если вложение в его приобретение для инвестора представляет собой вложение в общее предприятие с расчетом на

¹ См.: Securities and Futures Ordinance (Cap. 571). Originally 5 of 2002 — L.N. 106 of 2002. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap571> (дата обращения: 26.10.2021).

² См.: *Lim G., Yiu Sh.* Hong Kong // *The Virtual Currency Regulation Review*. Ed. 2 / Editors: M.S. Sackheim and N.A. Howell. Law Business Research Ltd, 2019. P. 145.

³ ICO (Initial Coin Offering) - форма привлечения инвестиций через выпуск и продажу инвесторам цифровых токенов за фиатные денежные средства или иные криптовалюты

прибыль в будущем преимущественно от усилий других людей¹. Можно подчеркнуть, что в течение последних лет Комиссия по ценным бумагам и биржам (SEC) инициировала много исков в адрес различных криптопроектов, мотивируя их тем, что во всех них присутствуют признаки инвестиционного контракта и отсутствуют они только в таких абсолютно криптовалютных проектах как биткойн (Bitcoin) и эфириум (Ethereum), поскольку это действительно децентрализованные блокчейн системы, в которых отсутствует лицо, имеющее денежные обязательства перед участниками этих систем².

Данное разграничение основано на дифференциации функционала, который закладывается в криптоинструмент при его создании. В развитых странах криптоактив может выполнять функции легального платежного средства, но при этом не исключается и возможность их использования и в качестве средства частного капитала, в том числе спекулятивного характера³.

На современном этапе токены подразделяются на валютные, инвестиционные, утилитарные и гибридные. Утилитарные активы предоставляют обладателям определенные права на получение товара или услуги. Валютные или платежные криптоактивы используются в качестве платежного средства, выступая аналогом виртуальной валюты. Инвестиционные криптоактивы являются аналогом ценных бумаг и используются в качестве инвестиционного инструмента. В современной научной литературе подчеркивается, что валютные и утилитарные токены, в отличие от инвестиционных, не обладают

¹ URL: https://www.coinbase.com/legal/securities-law-framework.pdf?clickId=TAAnQt1W0pxyOW4%3AwUx0Mo3EWUki1h-wdNSc9Wk0&utm_source=affiliate&utm_medium=cpc&utm_campaign=Viglink%20Primary&utm_conte (дата обращения: 10.08.2021).

² См.: Release № 81207 / July 25, 2017 Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO. URL: <https://www.sec.gov/files/litigation/investreport/34-81207.pdf> (дата обращения: 17.05.2021).

³ См.: Japan Implements Significant Changes to Cryptocurrency Regulation Today. URL: <https://news.bitcoin.com/japan-changes-cryptocurrency-regulation/> (дата обращения: 10.08.2021).

признаками финансовых инструментов¹, что делает их использование и регулирование отличным от токенов, предназначенных для привлечения инвестиций. Поэтому инвестиционные токены, как правило, подпадают под действие законодательства о рынке ценных бумаг, а в отношении валютных и утилитарных формируются специальные правила. Но сложность квалификации криптоактива заключается в том, что он может иметь гибридный формат, т.е. сочетать в себе функциональность разных видов, поэтому оценка должна осуществляться в каждом конкретном случае. В этой связи регуляторы призывают к ответственному поведению лиц, планирующих выпуск криптоактива, которые несут основную ответственность за правильную классификацию активов, которая может быть оспорена компетентными органами как до даты публикации, так и в любой момент после нее².

Сходство инвестиционных токенов с ценными бумагами действительно прослеживается.

В своем большинстве выпуск криптоинструментов (ICO) выступает как альтернативная и инновационная форма финансирования для компаний на основе блокчейна³. Токены выпускаются с целью привлечения капитала, вместо размещения акций в рамках первичного публичного размещения акций на традиционном рынке ценных бумаг. Инициаторы ICO обычно объясняют детали и функции токенов в документе, так называемой белой книге, которую можно сравнить с проспектом по ценным бумагам. Инвесторы платят либо криптовалютами, либо фиатными деньгами, получают токены в надежде, что стоимость вырастет, и/или токен можно будет использовать для

¹ См.: *Appel H.* Quick Guide Crypto Assets. How they Classify within the Framework of Financial Market Law. Springer Gabler Wiesbaden, 2023. P. 61.

² См., например, p. 6a Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 (MiCA).

³ *Литвинова Ю.М.* Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций: к вопросу о новеллах финтех-законодательства // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии: сб. матер. IV межд. науч.-практ. конф. юридического факультета СПбГЭУ / под науч. ред. Н.А. Крайновой. СПб, 2021. С. 132.

получения доступа к услугам или товарам, если проект удастся. В последнем случае речь идет об утилитарном токене, посредством которого привлекается финансирование на ранних этапах проекта, т.е. до того, как услуги или товары будут произведены. Поэтому ICO – это новая форма финансирования с элементами краудфандинга¹, которая предлагает преимущества по сравнению с традиционными методами, такими как выпуск акций на рынке ценных бумаг. Упрощенный процесс и полностью цифровой подход привлекательны, особенно если речь идет о стартапах, в распоряжении которых нет большого количества активов и которые ищут быструю и незамысловатую форму финансирования².

Следует заметить, что распространение блокчейн технологии на сферу ценных бумаг можно обозначить как соответствующее логике развития современных экономических отношений и ценных бумаг как таких инструментов. В контексте гражданского оборота ценные бумаги изначально выступали инструментами удостоверения права, которое не могло быть передано другому лицу без данного документа, выполняя таким образом функцию легитимации права и подтверждения действительности сделок. Однако развитие массовой торговли ценными бумагами сопровождалось поиском решений для расчетов без необходимости передачи самих физических документов. Это привело к появлению бездокументарных ценных бумаг и соответствующей инфраструктуры, обеспечивающих достоверность сделок по их передаче. В еще большей степени этот процесс получает развитие с появлением цифровых технологий, которые стали использоваться на рынке ценных бумаг. Однако, в целом, рынок ценных бумаг сложен и дорогостоящ как для эмитентов, так и для инвесторов. Для небольших компаний, организаций ма-

¹ Краудфандинг представляет собой новый механизм привлечения инвестиций. См.: *Панаскуа Г.Т.* Финансово-правовое регулирование привлечения инвестиций с использованием инвестиционных платформ // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 9 (85). С. 158.

² См.: *Лайр А.К.* Указ. работа. С. 47-50.

лого и среднего бизнеса, индивидуальных предпринимателей во всем мире этот рынок практически недоступен. И именно этот сектор экономики получает канал для привлечения инвестиций посредством токенизации на основе технологии распределенного реестра, хотя и для крупных компаний новый рынок цифровых финансовых инструментов также является привлекательным при определенных условиях.

Подходы к правовому регулированию инвестиционных токенов обычно отличаются от правового регулированию криптовалюты или утилитарных токенов.

Законодательство, регламентирующее отношения, складывающиеся в различных сегментах финансового рынка, имеет достаточно обширный и детализированный характер практически во всех государствах, обладающих развитыми экономиками, предполагающими функционирование таких рынков. Так, в Европейском Союзе данные отношения регламентируются как на уровне Союза, так и национальными законодательными актами. К актам союзного уровня относятся Директивы 2013/36/ EU (the Capital Requirements Directive)¹, 2014/65/EU (the Markets in Financial Instruments Directive)², которые детализируются на национальном уровне. Например, в Германии данный блок отношений регламентирован в таких актах как German Securities Trading Act, German Capital Investment Code, German Capital Investment Act и ряд других, которые распространяются и на отношения с криптоактивами инвестиционного характера.

В соответствии с перечисленными актами немецкого права инвестици-

¹ Directive 2013/36/Eu of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013L0036> (дата обращения: 17.05.2021)

² Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065> (дата обращения: 17.05.2021).

онные токены могут квалифицироваться как ценные бумаги или иной инвестиционный продукт. Отнесение к ценным бумагам определяется соответствием признакам ценных бумаг, которые закреплены в немецком законе о торговле ценными бумагами (German Securities Trading Act): возможность их передачи, торгуемость на финансовых рынках и сопоставимость с некоторыми финансовыми инструментами и не относимость к платежным средствам. Крип토폰кен соответствует этим признакам. В частности, признается, что технология распределенного реестра является достаточным подтверждением для фиксации права на токен и его передачу другому лицу в результате совершенной транзакции. Понимание финансового рынка в контексте европейского законодательства позволяют широко толковать понятие финансового рынка, в том числе относить к нему крипторговые площадки, что означает, что торговля взаимозаменяемыми токенами соответствует критерию торгуемости на финансовом рынке. Ценные бумаги представляют права членства или права собственности или иные аналогичные права. И этому критерию соответствуют инвестиционные токены, а также гибридные, если такая функциональность в них представлена¹.

Квалификация токена в качестве ценной бумаги, иного инвестиционного продукта или депозитного бизнеса означает, что как эмитенты, так и компании, предлагающие услуги, связанные с такими токенами, обязаны соблюдать установленные в этой сфере требования (опубликование проспекта по выпуску таких токенов, обязательства в отношении поведения, организации и прозрачности информации об эмитентах, деятельности) и запреты (на инсайдерскую торговлю, раскрытие инсайдерской информации и манипулирование рынком)². Такой подход обосновывается принципом «одинаковые риски – одинаковое правовое регулирование».

¹ См.: Appel H. Quick Guide Crypto Assets. P. 30-32.

² См.: Appel H. Quick Guide Crypto Assets. P. 35-36.

Однако такой подход несет в себе и некоторую неопределенность в отношении гибридных токенов, поскольку инвестиционный характер может приобрести любой токен, в том числе утилитарный, что определяется ожиданиями его покупателей: они покупают токен в расчете на получение товара (услуги) или в расчете на то, что стоимость этого токена по каким-либо причинам может возрасть. Поэтому разграничение сфер правового регулирования, введенное Законом MiCA, приведет к более сложной практике контроля для поставщиков криптоуслуг, которые постоянно должны соответствовать требованиям нескольких правовых актов. В этой связи зарубежные специалисты отмечают, что распространение на инвестиционные токены Закона MiCA формировало бы более последовательную и менее сложную правовую базу¹.

Важнейшей задачей правового регулирования в сфере финансовых отношений европейский законодатель видит в обеспечении интересов инвесторов. Х. Аппель (H. Appel) указывает, что Закон MiCA был сформирован после того, как компетентные органы пришли к пониманию того, что распространение на криптоактивы действующего правового регулирования в сфере финансовых рынков не охватывает все формы токенов, ограничивает использование технологии распределенного реестра в секторе финансовых услуг, а также приводит к тому, что потребители и инвесторы в тех проектах, которые не подпадают под законодательство на финансовых рынках, недостаточно защищены².

Статья 13 Закона MiCA обязывает поставщиков криптоуслуг действовать честно, справедливо и профессионально, четко и правдиво общаться с держателями криптоактивов, выявлять, предотвращать, управлять и раскрывать ситуации конфликта интересов. Однако инвестиционные токены подпадают под регулирование финансового рынка, которое имеет более жесткий

¹ См.: *Appel H. Quick Guide Crypto Assets*. P. 75-80.

² См.: *Appel H. Quick Guide Crypto Assets*. P. 36-38.

характер в отношении обеспечения интересов инвесторов, т.е. приобретателей таких токенов. В частности, Директива 2014/65/ЕС предусматривает обязанности фирм, осуществляющих деятельность на финансовых рынках вести запись телефонных разговоров и электронных сообщений, связанных с распоряжениями клиентов; предоставлять эти записи компетентным органам; обеспечивать прозрачность, справедливость и отсутствие дискриминации в структуре сборов торговых платформ. Особое внимание уделяется консультационным услугам, оказываемым субъектами финансового рынка, инвестиционные фирмы должны действовать в соответствии с наилучшими интересами своих клиентов, понимать особенности предлагаемых или рекомендуемых финансовых инструментов, а также устанавливать эффективные методы категоризации своих клиентов, которым могут быть предложены разные продукты и услуги¹.

В глобальном пространстве действует и другая модель правовой регламентации отношений, связанных с выпуском и оборотом криптоактивов.

В Объединенных Арабских Эмиратах законодательно допускается создание свободных финансовых зон, на территории которых формируется собственное правовое регулирование гражданско-правовых и иных отношений, за исключением уголовно-правовых и отношений, связанных с противодействием отмыванию денег. В частности, сформировано две такие свободные зоны: Абу-Дабский глобальный рынок и Дубайский внутренний финансовый центр, одна из которых стала первой в мире юрисдикцией, которая еще в 2018 г. сформировала обширные нормативные правила, связанные с оборотом виртуальных активов и его инфраструктурой. Эти правила распространяются на инвестиционные токены, которые, однако, понимаются доста-

¹ См.: Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065> (дата обращения: 17.05.2021).

точно широко, как ценная бумага или деривативы в форме криптографически защищенного цифрового представления прав и обязанностей, которые выпущены, передаются и хранятся с использованием технологии распределенного реестра или иной подобной технологии. Свободные финансовые зоны формируют собственное правовое регулирование относительно выпуска и оборота криптоактивов. Например, в Абу-Дабской свободной зоне принят Закон о финансовых услугах и рынках, который регламентирует выпуск и обращение цифровых ценных бумаг, а также деривативов и деятельность инвестиционных фондов, связанных с виртуальными активами, цифровыми ценными бумагами и утилитарными токенами. При этом в отличие от цифровых ценных бумаг утилитарные токены и виртуальные активы рассматриваются как товары и их выпуск и обращение не регулируется Законом о финансовых услугах и рынках. Однако если с такими активами связана деятельность инвестиционного фонда, он должен соблюдать требования данного закона. В Дубайской свободной зоне, напротив, не формировалось специальное правовое регулирование, а применялось законодательство, принятое в период 2004-2012 годов: о регулировании исламского финансового бизнеса, инвестиционном трасте, коллективных инвестициях, рынках, с внесенными в него изменениями. С 2021 года в этой финансовой зоне идут консультации по формированию специального регулирования относительно криптоактивов, за исключением криптоинструментов инвестиционного характера, регламентация которых, очевидно, будет осуществляться по прежней модели¹.

В 2022 г. был учрежден специализированный орган – Дубайский орган регулирования виртуальных активов (VARA), – который не только устанавливает регулирование в этой сфере и выдачу лицензий на деятельность, свя-

¹ См.: *Sheffield S., Davis M., Smith P., Masi K., Colautti J., Alhouti D.* The Virtual Currency Regulation Review: United Arab Emirates URL: <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/news-and-insights/insights/litigation--dispute-resolution/2022/the-virtual-currency-regulation-review-united-arab-emirates/> (дата обращения: 19.12.2022).

занную с виртуальными активами, но и осуществляет услуги обмена виртуальных активов, их хранению и управлению и ряд других. Деятельность новой структуры не распространяется на территорию свободных финансовых зон, а также является фактически параллельной деятельности таких центральных ведомств как Центральный банк ОАЭ и Управление по ценным и товарным бумагам (Securities and Commodities Authority (SCA)). Сформирован также специализированный суд – Суд по цифровой экономике¹.

Анализ зарубежного правового регулирования в сфере выпуска и обращения криптоактивов проводится в российской науке и практике. Так, например, К.Б. Раздорожный в рамках своего исследования приходит к выводу, что в мировом пространстве сложилось два основных подхода к правовому регулированию выпуска и обращения криптоактивов: разрешительный и запретительный². В целом, с этим выводом можно согласиться, детализировав его дополнительно, что в рамках разрешительного подхода как самостоятельное направление можно выделить ограничительно разрешительный, в рамках которого выпуск и обращение криптоактивов легализуется лишь частично.

Анализ также проводился специалистами Банка России, которыми было отмечено, что в зарубежной практике сложилось три основные модели правового регулирования. Первая: распространение на новые инструменты правил, регламентирующих выпуск, обращение и контроль по традиционным финансовым инструментам по принципу «одинаковое содержание и риски – одинаковое регулирование». В рамках второй модели осуществляется адаптация уже действующего по традиционным финансовым инструментам регулирования к новым отношениям, т.е. формируется частично новое регулиро-

¹ См.: *Sheffield S., Davis M., Smith P., Masi K., Colautti J., Alhouti D.* The Virtual Currency Regulation Review.

² См.: *Раздорожный К.Б.* Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 10-11.

вание. Третья модель – введение новых специально разработанных актов. Эти подходы не являются взаимоисключающими и часто применяются совместно¹. Как было установлено в рамках данной части исследования, фактически таких моделей две, и они все чаще применяются одновременно. Правовое регулирование нового финансового инструментария формируется по аналогии с похожими по функционалу традиционными финансовыми инструментами, что предполагает адаптацию действующих правил к новым криптоактивам. В отношении тех разновидностей криптоактивов, которые отличаются от традиционных финансовых инструментов (криптовалюты и утилитарных токенов) формируется новое правовое регулирование.

Обобщая изложенное в этой части исследования, можно сформировать следующие выводы.

В зарубежной правовой доктрине и законодательстве криптоактив обычно определяется как утилитарный инструмент, направленный на извлечение непосредственной материальной выгоды, т.е. допускаемый в рамках экономического оборота.

Использование криптоактивов расширяется во всем мире, странам все чаще приходится определять и устанавливать соответствующие правовые рамки для этих финансовых инструментов. Государства идут разными путями в этом направлении: придерживаются разрешительной или ограничительной политики, запрещая выпуск и обращение криптоактивов полностью или частично.

На современном этапе токены подразделяются на валютные, инвестиционные, утилитарные и гибридные. Утилитарные активы предоставляют обладателям определенные права на получение товара или услуги. Валютные или платежные криптоактивы используются в качестве платежного средства, выступая аналогом виртуальной валюты. Инвестиционные криптоактивы явля-

¹ См.: Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2022. С. 8.

ются аналогом ценных бумаг и используются в качестве инвестиционного инструмента.

Подходы к правовому регулированию инвестиционных токенов обычно отличаются от правового регулированию криптовалюты или утилитарных токенов. Часто на инвестиционные токены распространяется действия уже действующих на финансовом рынке правил, что позволяет обеспечить аналогичные объемы защиты интересов держателей таких токенов, как и «обычным» инвесторам.

Однако такая модель правового регулирования (наличие множества актов, регулирующих инвестиционные токены, и специального акта, регламентирующего токены, не подпадающие под действие законодательства о финансовых рынках) затруднительно оценить как эффективную, т.к. криптоактив может иметь гибридный характер, т.е. сочетать в себе разную функциональность, что формирует правовую неопределенность о правовом регулировании, подлежащим применению.

1.2. Цифровые финансовые активы: экономическая и юридическая сущность

В законодательстве зарубежных государств цифровой единицей, способной обладать расчетным и инвестиционным потенциалом в силу связанности с технологией блокчейн является криптоактив или токен, под которым понимается совокупность данных в цифровой системе, основанной на технологии блокчейн, которая представляет (олицетворяет) ценность, право или право требования¹.

Как было установлено в предыдущей части работы криптоактивы име-

¹ См.: *Kaulartz M. Die Blockchain-Technologie: Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains // Computer und Recht. 2016. Vol. 32. № 7. P. 474 (дата обращения: 08.05.2022).*

ют разную форму. Валютные токены способны выполнять функции платежного средства. Инвестиционные токены характеризуются тем, что предоставляют своему держателю право участвовать в прибыли компании и/или в управлении ею. В силу сходства с ценными бумагами их часто обозначают как *security tokens*. Утилитарные токены (*utility tokens*) оформляют право на получение товара или какой-либо услуги, поэтому также часто обозначаются как цифровые ваучеры или токены сертификаты¹. Все большее распространение получают так называемые гибридные токены, которые объединяют свойства и элементы перечисленных разновидностей. Для их квалификации правоприменитель, в том числе орган надзора, в каждом отдельном случае должен оценить, какие атрибуты присутствуют в конкретном токене, чтобы применять к нему соответствующее правовое регулирование².

В российском правовом поле все представленные виды токенов регламентированы в большей или меньшей степени, хотя термин «токен» не используется. Российский законодатель ввел такие понятия как цифровая валюта, цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.

Так, согласно Закону о ЦФА, под цифровыми финансовыми активами понимаются «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном вышеназванным

¹ См.: *Артемьев К.И.* Современное законодательство и криптовалюта (майнинг криптовалюты) как новое явление в российской экономике // *International Law Journal*. 2022. Т. 5. № 5; *Иноземцев М.И., Бобков К.А.* ICO/ITO как передовой инструмент привлечения инвестиций: вопросы правового регулирования // *Страховое право*. 2017. № 4 (77); *Татоян А.А.* Понимание цифровых финансовых активов в аспекте законодательного определения // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза, на примере борьбы с коронавирусом COVID-19: матер. VII Межд. науч.-практ. конф. Саратов, 2021.

² См.: *Appel H.* Quick Guide Crypto Assets. P. 7.

федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» (пункт 2 ст. 1 Закона о ЦФА).

Под цифровой валютой понимается совокупность электронных данных (цифрового кода или обозначения), содержащихся в информационной системе, которые предлагаются и (или) могут быть приняты в качестве средства платежа и (или) инвестиций, в отношении которых отсутствует лицо, обязанное перед каждым обладателем таких электронных данных (пункт 3 ст. 1 Закона о ЦФА).

Утилитарные цифровые права могут быть связаны с правом требования передачи вещи (вещей) или выполнения работ и (или) оказания услуг, при условии, что такие права первоначально возникли в виде цифровых прав в результате заключения договора о приобретении, оформленного с применением специальной инвестиционной платформы, предназначенной для выпуска и обращения утилитарных прав. Правовое регулирование утилитарных цифровых прав определено Федеральным законом от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹ (далее – Закон о привлечении инвестиций).

Гибридная форма также представлена в российском правовом регулировании. Так, в статье 10 Закона о ЦФА указывается, что цифровые права могут включать в себя не только цифровые финансовые активы, но и иные цифровые права, а в Налоговом кодексе РФ² используется терминологиче-

¹ Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418; 2024. № 12. Ст. 1569.

² Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 29 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2024. № 49 (ч. 1). Ст. 7409.

ская конструкция «цифровые финансовые активы и (или) цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права»¹.

Российский закон не закрепляет общего понятия для указанных категорий, подразумевая в этом качестве понятие «цифровые права». В зарубежной практике имеются разные подходы к правовому регулированию, которые будут представлены далее. Забегая вперед, можно отметить, что те государства, которые формируют разрешительную модель правового регулирования, обычно имеют одно или несколько обобщающих понятий для новых криптоинструментов. В этом качестве обычно используются такие термины, как криптоактивы, виртуальные активы, цифровые активы, криптовалюта.

Российская наука следит за мировыми тенденциями, поэтому при рассмотрении понятия цифрового финансового актива, в настоящее время, сложилось два подхода: широкий и узкий². Широкое понимание ЦФА охватывает все виды криптоинструментов, основанных на блокчейне или иной подобной технологии, функционирующих в инвестиционных или платежных целях, охватывая не только те понятия, которые закреплены в Законе о ЦФА, но и утилитарные цифровые права. Узкое понимание соответствует тому набору признаков, который закреплен в Законе о ЦФА.

В целях дальнейшего исследования избранной тематики понятие ЦФА будет рассматриваться в узком значении, а в качестве обобщающих понятий будут использоваться термины криптоинструменты и криптоактивы. Однако нельзя не отметить наметившейся в российской науке проблемы раздвоения терминологии, которая затрудняет уяснение нормативно-правового материала. Предложенный законодателем подход, когда обобщающим понятием выступает категория «цифровые права» фактически не был воспринят научным сообществом. В основе этого, как представляется, новизна и дискуссион-

¹ См., например, абзац 12 подпункта 12.2 пункта 2 статьи 149; пункт 1 статьи 154 и другие.

² См.: *Раздорожный К.Б.* Указ. работа. С. 41-42.

ность самого понятия «цифровое право» и неочевидность его применения к новому процессу выпуска криптоактива. Например, не совсем ясно как в системе координат цифрового права обозначить процесс токенизации денежного обязательства или имущества. Изложенное определяет необходимость поиска обобщающего понятия.

Категория «цифровой финансовый актив», является по своей сути собирательным понятием, включающим такие элементы как актив, финансовый актив и цифровой актив. Для понимания содержания понятия ЦФА и его сущности необходимо уяснить содержание входящих в него элементов.

С экономической точки зрения, в широком смысле под активами понимаются не только имущество, имущественные права, но и экономические интересы, не нашедшие оформления в праве, связанные, в том числе с использованием других объектов гражданских прав, которые могут создавать экономические выгоды в будущем.

В соответствии с МСФО (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» «финансовые активы представлены денежными средствами, долевым инструментом другой организации¹, предусмотренным договором правом получения денежных средств или иного финансового актива от другой организации или обмена финансовыми активами или финансовыми обязательствами с другой организацией на потенциально выгодных условиях, а также договором, расчеты по которому будут или могут быть осуществлены собственными долевыми инструментами организации при соблюдении определенных условий, различающихся для производного и производного инструмента»².

¹ Долевой инструмент – это договор, подтверждающий право на остаточную долю в активах организации после вычета всех ее обязательств.

² Приказ Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов

Обобщая представленное в стандарте определение, можно заключить, что понятие «финансовые активы» охватывает в своем содержании ряд финансовых ресурсов, которыми располагает экономический субъект, включая наличные и безналичные денежные средства, различные виды ценных бумаг¹, а также прочие имущественные права, которые могут быть реализованы или использованы в будущем для получения экономической выгоды.

Финансовые активы охватывают любые денежные вложения с целью получения прибыли, их ценность predetermined договором между контрагентами, что свидетельствует о возможности их свободного гражданского оборота. Как правило, реальной физической формы финансовые активы не имеют, в отличие от нефинансовых, существуют в виде записи в системе бухгалтерского учета, представляют собой денежные средства, ценные бумаги и иные права требования, обладающие свойствами ликвидности, учетности, обращаемости, волатильности и т.д.

Термин «финансовый актив» до 2017 года, в основном, использовался для целей бухгалтерского учета, однако потом был включен в законодательную базу². В частности, стал применяться при осуществлении автоматического обмена финансовой информацией с иностранными государствами в рамках выполнения международных договоров Российской Федерации по вопросам налогообложения и взаимной административной помощи по налоговым делам. В данном аспекте под финансовым активом понимаются «денежные средства, а также ценные бумаги, производные финансовые инструменты, доли участия в уставном (складочном) капитале юридического лица

Российской Федерации (в ред. от 11 июля 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.02.2016; 02.08.2016.

¹ См.: Адаменко А.А., Хорольская Т.Е., Горшков В.С. Финансовые активы: понятие и оценка // Вестник Академии знаний. 2019. № 34 (5). С. 272.

² Федеральный закон от 27 ноября 2017 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний» // СЗ РФ. 2017. № 49. Ст. 7312.

или доли участия в иностранной структуре без образования юридического лица, права требования из договора страхования, а также любой иной финансовый инструмент, связанный с указанными видами финансовых активов»¹. На этой основе можно заключить, что имеющееся в налоговом законодательстве понимание финансового актива уже, чем то, что применяется в целях бухгалтерского учета.

Цифровая форма финансовых активов связана с возможностью трансформации любой информации или предмета материального или нематериального мира в цифровую форму². В этой связи в современной науке бухгалтерского учета формируется понятие цифрового актива с такими признаками как: цифровая форма, представленность в виде уникального идентификатора в виде цифрового кода, обладание ценностью, выраженной в денежной форме, наличие ограниченного доступа, способность передаваться³.

Таким образом, бухгалтерском учете цифровые финансовые активы понимаются широко, т.е. как любые денежные обязательства, обусловленные договором или иным основанием в цифровой форме. Очевидно, такое понимание не соответствует узкому понятию ЦФА, закреплённому в российском законе о ЦФА. Несовпадение юридических и бухгалтерских конструкций в данном случае проявляется достаточно ярко. В экономической науке цифровые валюты, электронные и цифровые деньги рассматриваются как финансовые суррогаты, хотя юридически это понятие имеет совсем другой контекст,

¹ Данный перечень установлен в подпункте 8 статьи 142.1 НК РФ.

² См.: *Решетняк С.Р.* Классификация цифровых прав // Вестник экспертного совета. 2021. № 1 (24). С. 96.

³ См.: *Богатая И.Н., Евстафьева Е.М.* Влияние цифровизации экономики на развитие учетно-аналитического обеспечения управления коммерческой организацией // Учет и статистика. 2019. №3 (55). С. 36; *Булхов Н.А., Веремьева С.М.* Сущность, правовое регулирование и налогообложение «цифровых активов» // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: Труды II Международной научно-практической конференции, Брянск, 19 ноября 2019 года. Брянск, 2019. С. 120-123; *Кудь А.А.* Обоснование понятия «цифровой актив»: экономика-правовой аспект. URL: <https://www.bitbon.space/ru/obosnovanie-ponyatiya-cifrovoj-aktiv> (дата обращения: 15.07.2021); *Пещеров А.И.* Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств // Юридическая мысль. 2016. Т. 95. № 3. С. 137.

выступая как запрещенные платежные средства¹.

Не ставя своей задачей решение проблем в сфере бухгалтерского учета, отметим необходимость поиска обобщающей категории для нового цифрового инструментария, что может быть востребовано не только в лоне финансово-правовой науки. Представляется, что таким обобщающим понятием может быть понятие «цифровые финансовые инструменты».

В экономической литературе финансовые активы отождествляют с понятием «финансовые инструменты»², под которыми обычно понимаются формы, опосредующие процесс инвестирования в какие-либо финансовые активы. Иными словами, финансовые инструменты представляют собой средство для извлечения прибыли или дохода в будущем.

Хотя нужно отметить, что понятие «финансовый инструмент» не является однозначным и общепринятым как среди экономистов, так и среди специалистов в области права, поскольку данный термин относительно недавно стал применяться в России применительно к финансовой сфере и до настоящего времени не получил законодательного закрепления. Тем не менее, в самом общем виде финансовый инструмент подразумевает денежное обязательство (ценная бумага, опцион, своп, фьючерс и т.п.).

Международный стандарт финансовой отчетности³ определяет финансовый инструмент как договор, в результате которого возникает финансовый актив у одной организации и финансовое обязательство или долевого инстру-

¹ См.: *Лутченко В.А.* Совершенствование понятия «цифровой финансовый актив» в аспекте бухгалтерского учета // *Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития: Материалы XIV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов, преподавателей.* СПб.: СПбГЭУ, 2019. С. 101.

² См.: *Васильева Е.А.* К вопросу о понятии финансовых инструментов // *Социальная политика и социология.* 2014. Т. 2. № 4 (105). С. 46; *Фабоцци Ф.* Финансовые инструменты / [пер. с англ. Е. Востриковой, Д. Ковалевского, М. Орлова]. М., 2010. С. 12.

³ Международный стандарт финансовой отчетности (IAS) 32 «Финансовые инструменты: представление» (введен в действие на территории Российской Федерации Приказом Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н (в ред. от 14 декабря 2020 г.) // Официальный сайт Минфина России <http://www.minfin.ru/>, 09.02.2016; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 20.01.2021.

мент – у другой.

В соответствии с Федеральным законом «О рынке ценных бумаг», понятие «финансовый инструмент», кроме ценных бумаг, включает производные финансовые инструменты или финансовые деривативы, а также инструменты кредитного и валютного рынка¹. Основной функционал финансовых инструментов – инвестиционный, это могут быть инструменты сбережения или приумножения². Таким образом, понятие финансовый инструмент связывается с функционированием финансового рынка.

Представляется допустимым использовать термин «цифровые финансовые инструменты» как обобщающий для ЦФА, цифровой валюты и утилитарных цифровых прав. Однако цифровая форма присуща многим традиционным финансовым инструментам – фьючерсам, опционам, свопам. Представляется, что понятие «цифровые финансовые инструменты» должно включить и их. В тоже время новые криптоинструменты отличаются от традиционных финансовых инструментов, что позволяет данную систематизацию продолжить и в группе «цифровые финансовые инструменты» выделять в отдельную подгруппу именно криптоинструменты.

Особенности правового регулирования выпуска и обращения цифровых финансовых активов, цифровых валют и иных криптоактивов напрямую определяются их цифровой формой, опосредуемой той революционной технологией, способной существенно изменять традиционные формы человеческой, в том числе предпринимательской деятельности.

Технология распределенного реестра формирует децентрализованную или распределенную единую систему учета данных по финансовым операциям, состоящую из выстроенных по определенным правилам цепочек из фор-

¹ Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918; 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8542.

² См.: *Куприянова Т.А.* Инвестиционные инструменты как основа инвестиционной деятельности // *Финансы и кредит.* 2020. Т. 26. № 1. С. 215.

мируемых блоков транзакций, которые используются в децентрализованных схемах виртуальной валюты¹. Концептуальное различие между системами транзакций на основе блокчейна и традиционной системой финансовых транзакций заключается в отделении активов от поставщика услуг. Некоторые источники называют такую систему регистрации «тройной учетной записью»².

Технология блокчейн важна из-за ее способности записывать различные «активы», в том числе деньги, в цифровом виде, предотвращая копирование этих активов или манипулирование ими и гарантируя, что они могут быть безопасно переданы между разными людьми. Безопасность таких транзакций обеспечивается не сложной организацией, а с помощью математических процедур (например, технологии шифрования, криптографии) и определенных правил. Инфраструктура блокчейна обычно предоставляется онлайн и доступна широкому кругу частных лиц и компаний³.

Считается, что данная технология при ее использовании на финансовом рынке способна снизить издержки его участников за счет сокращения расходов на инфраструктуру и числа комиссий за совершаемые операции и именно

¹ См.: Digital Currencies. Bank for International Settlements, The Committee on Payments and Market Infrastructures. 2015. November, p. 5. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).

² См.: *Narvas J.M.* How Blockchain Technology Will Impact Accounting. URL: <https://www.dvphilippines.com/blog/how-blockchain-technology-will-impact-accounting> (дата обращения: 14.08.2021).

³ См.: Report and Motion (Bericht und Antrag; BuA) of the Government to the Parliament of the Principality of Liechtenstein concerning the creation of a Law on Tokens and TT Service Providers (Token and TT Service Provider Act; TVTG) and the amendment of other laws, № 54/2019. P. 5; *Егорова М.А., Белых В.С., Решетникова С.Б.* Технология блокчейн: перспективы применения и значение для целей развития информационного общества // Юрист. 2019. № 7; *Лу И.С.* Гражданско-правовая природа криптовалют и связанных с ними механизмов (блокчейн, майнинг) // Законодательство. 2018. № 5; *Chow Y.L., Tan K.K.* Is Tokenization of Real Estate Ready for Lift Off in APAC? // Journal of Property Investment and Finance. 2022. Vol. 40, Issue 3. P. 284; *Sharma A., Bhanawat S.S., Sharma R.B.* Adoption of Blockchain Technology Based Accounting Platform // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2022. Vol. 11, Issue 2. P. 155.

это делает инвестиции в криптоактивы привлекательными для инвесторов¹. Цифровые финансовые инструменты, основанные на этой технологии обладают рядом позитивных ожиданий², хотя они не лишены и существенных недостатков (зависимы от электрификации; необходимость в специальных технологических средствах; безотзывный характер транзакций³; высокий риск потери денежных средств в результате волатильности и мошеннических действий на рынке; отсутствие или сниженная возможность централизованного управления и контроля).

Изложенное позволяет заключить, что в процессе выпуска и обращения криптоактивов ключевое значение имеет именно новая технология распределенного реестра. В российском законодательстве этот аспект также закреплен, хотя, на первый взгляд, как не обязательный. Так, в определении цифрового финансового актива, согласно пункту 2 статьи 1 Закона о ЦФА, определено, что он может быть выпущен в информационной системе на основе распределенного реестра или в иной информационной системе. Однако основное смысловое содержание этой оговорки не в ее необязательности, а в нежелании ограничивать ЦФА только данным типом технологии, которые стремительно развиваются. В мировой практике это называется принципом технологического нейтралитета.

В соответствии с данным принципом, при установлении правового регулирования совершения операций с криптоактивами закрепляется технологический аспект такого актива, но сама технология не детализируется и не конкретизируется. Например, одним из первых законодательных актов, регламентирующих отношения, связанные с выпуском и обращением криптоактивов был закон Лихтенштейна об оказании услуг по выпуску токенов на

¹ См.: *Appel H. Quick Guide Crypto Assets*. P. 18-19.

² См.: *Татоян А.А. Экономико-правовая природа цифровых финансовых активов // Образование и право. 2022. № 1. С. 107-111*

³ См.: *Garrick Hileman. Cryptocurrency and blockchain*. UK: University of Cambridge, 2017; *Appel H. Quick Guide Crypto Assets*. P. 18-19.

основе заслуживающей доверия технологии (Liechtenstein Token and Trusted Technology Service Providers Act¹, в котором было определено понятие технологии, заслуживающей доверия, как технологии, посредством которой обеспечивается целостность токенов, ясное присвоение токенам идентификаторов и их передача. Таким образом законодатель Лихтенштейна обеспечил нейтральность требований к технологии с учетом высокой скорости инноваций в этой сфере, исходя из которой вполне возможна токенизация на иной технологической основе².

В Законе о ЦФА сформулирован ряд требований к используемой технологии. В частности, в правилах информационной системы должны быть определены правила внесения изменений в алгоритмы программ информационной системы, а также требования к защите информации и операционной надежности (подпункты 1 и 5 пункта 3 статьи 5 Закона о ЦФА). Хотя представляется, что их недостаточно для того, чтобы сделать вывод о наличии законодательно установленных требований к оператору информационной системы по формированию технологии, заслуживающей доверия.

Например, в пояснительной записке к проекту европейского закона о регулировании рынка криптоактивов (MiCA) была отмечена необходимость в последующем разработать проекты нормативных технических стандартов, которые должны обеспечивать согласованность раскрытия информации эмитентами и поставщиками услуг криптоактивов. В этих стандартах должны учитываться различные технологические аспекты, существующие требования к раскрытию информации, но при этом необходимо избегать двойной нагрузки на компании³.

¹ См.: Liechtenstein's Parliament Approves Blockchain Act Unanimously. URL: <https://www.liechtensteinusa.org/article/liechtensteins-parliament-approves-blockchain-act-unanimously> (дата обращения: 07.08.2021)

² См.: *Appel H.* Quick Guide Crypto Assets. P.61.

³ См.: Proposal for a Regulation Of The European Parliament And Of The Council on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 COM/2020/593 final. URL:

Обобщая, можно заключить, что все цифровые финансовые инструменты характеризуются неотъемлемой технологической составляющей, что позволяет констатировать их экономико-технологическую природу, требующую отражения и учета в правовом регулировании.

Технологическая составляющая также присутствует у электронных денег, поэтому возникает вопрос о возможности отнесения электронных денег к разряду криптоинструментов. Например, встречается суждение об отнесении криптовалюты к электронным деньгам¹.

Согласно статье 128 Гражданского кодекса РФ, деньги являются самостоятельным объектом гражданских прав, при этом наличные деньги являются вещью, а безналичные денежные средства – имущественным правом².

Наличные деньги представляют собой физические денежные единицы (банкноты, монеты), эмитируемые Банком России и используемые для расчетов. Безналичные деньги представляют собой записи, хранящиеся на банковских счетах в электронной форме; могут эмитироваться не только Центральным банком РФ, но и банками (кредитными организациями). При этом безналичные деньги являются производными от наличных денег и обладают теми же функциональными возможностями, что и их физические аналоги³.

Указанные характеристики безналичных денежных средств свидетельствуют о том, что хотя они и имеют цифровую форму учета, однако они не

<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 22.05.2023).

¹ См.: *Гришаев С.П.* Эволюция законодательства об объектах гражданских прав. Подготовлено для СПС Консультант Плюс, 2015.

² Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301; 2024. № 33 (Часть I). Ст. 4933.

³ Подробнее об эмиссии наличных и безналичных денежных средств см.: *Гудкова М.В.* Денежная эмиссия и денежное обращение в Российской Федерации: особенности финансово-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2021. С. 140-161; *Ситник А.А.* Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Ситник А.А.* Правовое регулирование национального денежного обращения // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2015. № 3 (7). С. 155-160.

имеют цифровой природы. Это позволило им трансформироваться в электронные средства платежа (электронные деньги), появление и использование которых было обусловлено развитием цифровых технологий, применяемых в банковском секторе. По мнению М.С. Гарькуша, электронные деньги представляют собой одну из форм, которую приняли деньги в процессе эволюции¹.

Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе»² к электронным денежным средствам относит «денежные средства, которые предварительно предоставлены одним лицом (лицом, предоставившим денежные средства) другому лицу, учитывающему информацию о размере предоставленных денежных средств без открытия банковского счета (обязанному лицу), для исполнения денежных обязательств лица, предоставившего денежные средства, перед третьими лицами и в отношении которых лицо, предоставившее денежные средства, имеет право передавать распоряжения исключительно с использованием электронных средств платежа».

Безналичные и электронные деньги не имеют физического воплощения, в связи с чем многие их отождествляют³. Однако существует и противоположное мнение, с которым затруднительно согласиться, что электронные деньги нельзя признать разновидностью безналичных денег, поскольку они не находятся на банковском счете⁴.

Основным отличием электронных денежных средств от безналичных является порядок их использования и момент прекращения денежных обяза-

¹ См.: *Гарькуша М.С.* Электронные деньги как феномен виртуальной экономики: функции и способы институционализации: дисс. ... канд. экон. наук. Краснодар, 2010. С. 7.

² Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. 2011. № 27. Ст. 3872; 2024. № 48. Ст. 7219.

³ См.: *Мусалаева А.* Электронные деньги и платежные системы // Проблемы современной экономики. 2010. № 4(36). С. 206-208.

⁴ См.: *Казаченок О.П.* Электронные денежные средства как новый объект гражданских прав в российском и международном праве: ограничение оборотоспособности и перспективы правового регулирования // Евразийская адвокатура. 2019. № 1(38). С. 105.

тельств. Электронные деньги находятся в организации (оператора), которая имеет право переводить денежные средства без открытия банковского счета. Использование электронных средств платежа осуществляется на основании договора об использовании электронного средства платежа, заключенного оператором по переводу денежных средств с клиентом, а также договоров, заключенных между операторами по переводу денежных средств. Обращение электронных денег происходит при помощи информационно-телекоммуникационных технологий (компьютерных сетей, сети Интернет, платежных карт, электронных кошельков и т.д.). В рамках оборота электронных денег допускается не производить идентификацию их владельца, при условии соблюдения им установленного лимита (не более 15 тыс. руб. за операцию и не более 40 тыс. руб. в течение календарного месяца). Расчеты осуществляются посредством платежной системы, однако возможен также перевод между устройствами без подключения к таковой. Следует отметить, что данное правило касается только физических лиц, юридические лица и индивидуальные предприниматели операции с электронными деньгами осуществляют с обязательной идентификацией (ст. 10, 25 Закона о национальной платежной системе).

Отмеченное позволяет сделать вывод, что электронные деньги являются самостоятельным платежным инструментом, появление и развитие которого было обусловлено технологическим прогрессом и направлено на расширение сфер применения безналичных расчетов и их скорости.

Отличием криптовалюты от электронных денежных средств исследователи называют: их обращение не в традиционных расчетных единицах, а в виртуальных счетных единицах¹; наличие обязательственных отношений между эмитентом электронных денег и их владельцем; оплата по сделкам, совершаемым владельцем электронных денег, производится в национальной

¹ См.: Печегин Д.А. К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2019. № 6. С. 21-33.

валюте¹. Отмечается, что криптовалюты не выполняют в полной мере функций денег, даже если используются в качестве оплаты в гражданско-правовых договорах². Однако с ростом признания среди населения и, как следствие, повышением стабильности ее стоимости, допускается возможность того, что криптовалюта будет способна выступать дополнительным платежным средством³.

На этой основе возможно заключить, что электронные деньги – это цифровое представление безналичной фиатной валюты, в то время как виртуальная валюта выполняет, по крайней мере, одну из определяющих функций денег, но не имеет правового статуса фиатной валюты.

В еще большей степени отличаются от электронных денег ЦФА, которые имеют особую правовую природу, не являются безналичными или электронными денежными средствами, а также не относятся к бездокументарным ценным бумагам, что вытекает из пункта 11 статьи 1 Закона о ЦФА. На этом же основании отличается ЦФА и от цифрового рубля⁴, который сочетая в себе свойства наличных и безналичных денег, представляет собой не новый вид российской национальной валюты, а лишь ее дополнительную форму, эмитированную в цифровом виде⁵.

К наиболее полному набору признаков, отражающих экономическую сущность ЦФА, и имеющих значение для их юридической характеристики, можно отнести их рассмотрение как «цифрового производного финансового

¹ См.: *Бутенко Е.Д., Исахаев Н.Р.* Электронные деньги и криптовалюты: противоречия и ловушки // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2018. Т. 14. № 6. С. 1092-1108.

² См.: *Савельев А.И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав // *Закон.* 2017. № 8.

³ См.: Appel H. *Quick Guide Crypto Assets.* P. 4-5.

⁴ См.: Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5766.

⁵ Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 16.01.2023).

инструмента, эмитируемого компанией или группой лиц; создаваемого ИТ-технологиями; подтверждаемого смарт-контрактами и доказательством хеширования; обращаемого в информационной системе/распределенном реестре; визуально неосязаемого, но обладающего свойствами полезности для эмитентов и обладателей»¹.

Обобщим изложенное в данном параграфе.

В российском правовом поле не используется термин «токен», но введены такие понятия как «цифровая валюта», «цифровые финансовые активы», «утилитарные цифровые права», а также «цифровые права, включающие цифровые финансовые активы и иные цифровые права», «цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права».

В качестве обобщающего для них понятия предложено использовать понятие «цифровые финансовые инструменты». Однако цифровая форма присуща и многим традиционным финансовым инструментам, в частности, электронным деньгам и производным финансовым инструментам. Аргументировано в этой связи, что понятие «цифровые финансовые инструменты» должно включить себя производные финансовые инструменты, но не может включать электронные деньги, т.к. новые криптоинструменты, как и производные финансовые инструменты, реализуют инвестиционный потенциал, который отсутствует в электронных деньгах.

При этом новые криптоинструменты отличаются и от производных финансовых инструментов, и от электронных денег в технологическом аспекте. С учетом этого группу «цифровые финансовые инструменты» предложено дифференцировать на две подгруппы: производные финансовые инструменты (имеющие цифровую форму, но не основанную на технологии распределенного реестра) и криптоинструменты (основанные на технологии

¹ См.: Бодяко А.В., Пономарева С.В., Рогуленко Т.М. Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля // Учет. Анализ. Аудит. 2021. Т. 8. № 5. С. 24.

распределенного реестра).

Все криптоинструменты характеризуются неотъемлемой технологической составляющей, что позволяет констатировать их экономико-технологическую природу, требующую отражения и учета в правовом регулировании.

Финансовая природа ЦФА характеризуется их выпуском на финансовый рынок с целью получения выгоды от операций с ними, использованием в качестве, прежде всего, инвестиционного инструмента. Однако данная функциональность может быть реализована только в специфичной технологической среде (специальная информационная система и иные технические средства). Это позволяет утверждать, что в законодательном и ином регулировании должна быть учтена данная финансово-технологическая сущность ЦФА. Российский законодатель формирует ограничительное правовое регулирование относительно ЦФА, сводя их к правовому режиму ценных бумаг. Это позволяет их рассматривать как цифровой аналог ценных бумаг, выступающий инструментом привлечения дополнительных инвестиций в технологической среде, основанной на блокчейне.

1.3. Цифровые финансовые активы и иные финансовые инструменты в российском правовом регулировании

Как было установлено ранее в большинстве стран мира понятия «цифровые активы» (digital assets) и «криптоактивы» (crypto assets) используются как обобщающие, включающее все виды токенов, основанных на технологии распределенного реестра, в том числе криптовалюту. В Российской Федерации реализуется иной подход, поскольку Закон о ЦФА разграничивает цифровые финансовые активы и цифровую валюту, приравнивая к последней

криптовалюту, а утилитарные токены регламентированы Законом об инвестициях с привлечением инвестиционных платформ.

В юридической литературе в настоящее время ведутся споры в отношении содержания категории «цифровой финансовый актив». Данные дискуссии в большинстве своем связаны с одной стороны с тем, что же относится к подобным активам, а с другой, как указанное понятие соотносится с такими категориями как криптовалюта, цифровые права, ценные бумаги и др.

В судебной практике по этому вопросу также не выработано единого подхода. В отношении ЦФА данные судебной практики в настоящее время не сформированы, имеющиеся судебные прецеденты складывались, в основном, по поводу такого актива как криптовалюта. Так, имели место ситуации, когда данные активы рассматривались как «иное имущество», что позволяло включить их в конкурсную массу должника (например, в деле № А40–124668/2017¹), но встречались и дела, в которых подобные активы не относились к объектам гражданского права и имущественным правам², что было обусловлено отсутствием их легального определения на тот момент времени. Хотя указание в гражданском законодательстве на «иное имущество» в качестве объекта гражданских прав позволяет широко трактовать названный термин, следовательно, не исключает возможности отнесения к иному имуществу и цифровых активов, что и было сделано судебными инстанциями в итоге в вышеуказанном случае.

Министерством финансов РФ и ФНС России вносились законодательные предложения о закреплении правового статуса цифрового финансового актива в Российской Федерации, которые не были реализованы в полной мере. Так, в рамках первоначального проекта цифровой финансовый актив

¹ Решение Арбитражного суда г. Москва по делу № А40–124668/2017 от 24 октября 2017 г. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/20EHFIeNovUP/> (дата обращения: 10.08.2021).

² Приговор Петроградского районного суда Петербурга от 30 июня 2020 г. №1-95/2020 // СПС «КонсультантПлюс»

определялся как имущество в электронной форме, созданное с использованием шифровальных (криптографических) средств. Права собственности на данное имущество предлагалось удостоверить путем внесения цифровых записей в реестр цифровых транзакций. При этом к цифровым финансовым активам Министерство финансов РФ относило криптовалюту, токены, а также отмечало незаконность использования подобных средств для осуществления расчетов на территории Российской Федерации¹. Данная редакция законопроекта не была принята, но вышеназванный подход к определению анализируемой базовой категории использовался на практике.

Вместе с тем рассмотрение ЦФА как имущества не получило поддержки со стороны научного сообщества, которое указывало на противоречивость «как в обозначении объекта правового регулирования, так и в характеристике субъективного права на этот объект»². В этой связи появилось новое понятие – «цифровые права».

Цифровые права обладают общими признаками, которые свойственны всем объектам гражданского права, относящимся к родовой категории имущественных прав. Выделение цифровых прав в качестве самостоятельного объекта обусловлено спецификой гражданского оборота цифровых прав только в специфичной инфраструктуре – соответствующей информационной системе – отличающейся от уже существующих и применяемых, например, для безналичных расчетов, учета операций с электронными деньгами, бездокументарными ценными бумагами. Важно отметить, что ЦФА сочетают в себе преимущества и возможности различных гражданско-правовых инструментов и при этом имеют специфичную среду функционирования.

¹ Проект закона «О цифровых финансовых активах». URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/01/main/Zakonoproekt_o_TSFA_250118_na_sayt.docx (дата обращения: 30.06.2021).

² Власова А.В. Право на цифровой финансовый актив // Право и современная экономика: материалы I Международной научно-практической конференции Юридического факультета СПбГЭУ (г. Санкт-Петербург, 5 апреля 2018 г.): сб. науч. ст. / науч. ред. Н.А. Крайнова. СПб., 2018. С. 71.

В российской правовой доктрине встречается мнение о том, что «цифровые права в упрощенной форме представляют собой цифровые коды или обозначения, существующие в децентрализованной информационной системе, которые удостоверяют права обладателя уникального доступа к ним на иные («реальные») объекты гражданских прав, за исключением нематериальных благ. При этом под уникальным доступом признается возможность в любое время «зайти в систему и посмотреть» на цифровой актив, его описание»¹. Трудно в полной мере согласиться с таким подходом, поскольку правовая сущность цифрового права в этом случае полностью подменяется технологическим аспектом.

Целесообразность включения цифровых прав в перечень объектов гражданских прав вызвала неоднозначную оценку. Например, И.М. Конобеевская утверждает об ошибочности такого шага, хотя, по ее мнению, целью могло быть распространение на токены и криптовалюту режима имущественных прав². Аналогичной позиции придерживается Л.Г. Ефимова³. Примечательно, что Правительство РФ в своем официальном отзыве на законопроект № 424632-7 от 11 апреля 2018 г. № 2.3.3-11/484⁴ высказало схожее мнение.

Иной точки зрения придерживается А.А. Молчанов, признавая законодательную трактовку цифровых прав удачной, подчеркивая отсутствие ограничения видов цифровых прав ни по удостоверяемому имущественному пра-

¹ См.: *Дмитриева Г.К.* Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5. С. 121.

² См.: *Конобеевская И.М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2019. Т. 19. № 3. С. 333

³ См.: *Ефимова Л.Г.* Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8.

⁴ Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект № 424632-7 от 11 апреля 2018 г. № 2.3.3-11/484. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/2F4B32FD-CA5C-4F8E-A0C9-B99E6ED68612> (дата обращения: 20.03.2022).

ву, ни по виду информационной системы, в которой они обращаются¹.

Представляется обоснованной позиция авторов, полагающих, что цифровое право в гражданско-правовом смысле не является новой разновидностью субъективных прав, выступая всего лишь новой их формой: традиционные субъективные гражданские права (корпоративные, обязательственные и исключительные) помимо привычных форматов могут иметь также формат цифрового права². В.А. Садков указывает, что правовой сущностью категории «цифровые права» являются вполне известные правовой доктрине определенные имущественные права, для фиксации которых применяется оригинальная конструкция, позволяющая участникам гражданского оборота взаимодействовать по поводу этих прав дистанционно внутри определенной информационной системы³.

Однако важно подчеркнуть, что наличие только цифровой формы не порождает цифрового права в гражданско-правовом смысле.

Например, И.М. Конобеевская полагает, что проще было признать, что имущественные права могут быть зафиксированы в цифровой форме, поскольку по своей сути закрепленное в Гражданском кодексе РФ определение цифрового права отражает материализацию имущественных прав в электронной форме в виде цифрового кода, зафиксированного в информационной

¹ См.: *Молчанов А.А.* Законодательное признание цифровых прав как одного из объектов гражданского права // *Вестник Белгородского юридического института МВД России им.И.Д. Путилина.* 2020. № 3. С. 5.

² См.: *Вакулина Г.А.* О видах цифровых прав // *Хозяйство и право.* 2023. № 6. С. 3-12; *Суханов Е.А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // *Вестник гражданского права.* 2021. № 6. С. 7-29; *Михеева И.Е.* Отдельные правовые особенности залога цифровых прав // *Право и экономика.* 2022. № 10. С. 16-23; *Чурилов А.Ю.* Перспективы цифровизации товарораспорядительных документов // *Юрист.* 2021. № 2. С. 10-15; *Василевская Л.Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // *Актуальные проблемы российского права.* 2019. № 5; *Конобеевская И.М.* Указ. работа. С. 333.

³ См.: *Садков В.А.* Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. С. 11.

системе¹. В.В. Прохоров и В.И. Пантелеев определяют цифровые права как «права на совокупность электронных данных, отвечающих определенным требованиям», поскольку полагают, что обязательным условием отнесения тех или иных прав к цифровым является их создание в определенной информационной системе и оборот только в цифровой среде².

Трудно в полной мере согласиться с такой позицией, поскольку она придает форму цифрового права любому праву, если оно получило отражение в цифровом пространстве. Однако по замыслу законодателя, отраженному в ст. 141.1 ГК РФ, цифровым правом в гражданско-правовом смысле признаются только те, которые законодательно отнесены к группе таких прав. Например, безналичные, электронные денежные средства имеют цифровую форму, но они не обозначены законом в качестве цифрового права.

Термин «цифровое право» может иметь и более широкую трактовку, выходящую за пределы гражданско-правового смысла. Широкое понимание термина «цифровое право» связано с принятием национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³. Цифровое право рассматривается как «новая форма существования правовой системы, получаемая в процессе глубокого проникновения информационно-коммуникационных технологий в общественную жизнь, имеющая цифровую природу и характеризующаяся изменениями по сравнению с классическим правом всех структурных элементов (субъект, взаимодействие субъектов, объект, права человека), а также деятельности юриста и всей юридической системы,

¹ См.: Конобеевская И.М. Указ. работа. С. 333.

² Прохоров В.В., Пантелеев В.И. Цифровые финансовые активы как основа государственно-частного партнерства // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2019. Ч. 2. № 3. С. 153

³ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7 // СПС «КонсультантПлюс».

включая законотворчество, правоприменение и т.д.»¹. Однако данный аспект выходит за пределы задачи по установлению правовых свойств ЦФА в части понимания их правовой сущности как цифрового права в гражданско-правовом смысле.

В Гражданском кодексе РФ не установлены конкретные виды цифровых прав, однако подчеркивается не тождественность данной категории цифровой форме как таковой – права признаются цифровыми не по признаку их технологической формы, а в силу юридического признания их таковыми, которое может быть закреплено только законом (ст. 141.1 ГК РФ). Таковыми в настоящее время являются утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы.

Конкретизация цифровых прав производится в федеральном законодательстве. Так, например, Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ регламентирует оборот утилитарных цифровых прав, к которым относит: право требовать передачи вещи (вещей); право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности; право требовать выполнения работ и (или) оказания услуг.

Цифровые права, признаваемые ЦФА, в соответствии с пунктом 2 статьи 1 Закона о ЦФА, представлены правом на такие объекты как денежное требование, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, участие в капитале непубличного акционерного общества и требование передачи эмиссионных ценных бумаг.

Закон о ЦФА, равно как и Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ, не содержат детализированных требований к информационным системам, в которых могут выпускаться и обращаться цифровые права, отнесенные к цифровым финансовым активам. Это

¹ *Солдаткина О.Л.* Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 115.

свидетельствует о том, что российский законодатель, как и зарубежный, придерживается принципа технологической нейтральности. Однако принцип технологической нейтральности следует связывать именно с технологиями, обеспечивающими технологическими и программными инструментами доверие к сохранности и неизменности данных в информационной системе.

Как было отмечено выше, ЦФА как цифровое право представляет собой цифровой «контейнер» денежного обязательства. Однако содержание «контейнера» может быть шире и охватывать не только денежные, но и имущественные обязательства, т.к. цифровое право может иметь гибридный характер, когда в их основе лежат несколько активов: денежные требования, ценные бумаги, товары, работы, услуги¹.

В зарубежной практике наряду с традиционными формами криптоактивов (платежные токены (криптовалюта); утилитарные токены (удостоверяющие цифровые права на товары, работы, услуги); токены по ценным бумагам (удостоверяющие цифровые права, вытекающие из ценных бумаг); токены по иным денежным требованиям) также выделяют гибридные токены (сочетающие в себе свойства платежных, инвестиционных и утилитарных токенов). Поскольку каждый отдельный вид криптоактива может обладать свойствами других разновидностей, сочетая в себе разный функционал, то поэтому можно утверждать, что гибридность – естественное их свойство, отраженное и в российском законодательстве в виде такого понятия как «цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права».

Гибридность как свойство криптоактивов сочетать в себе свойства различных видов обуславливает вывод о необходимости анализа операций с криптоактивами по широкому спектру, что будет способствовать определению оптимальной модели налогообложения цифровых финансовых активов в

¹ См.: *Жданова О.А.* Цифровые финансовые активы как инструменты финансирования деятельности компании // *Финансы.* 2022. № 8. С. 55-56.

российской правовой системе.

Легальное определение утилитарных цифровых прав в настоящее время отсутствует, однако законодатель в ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ перечисляет права, которые являются таковыми: право требовать передачи вещей, право требовать передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности, право требовать выполнения работ и/или оказания услуг. По сути, отличие утилитарных цифровых прав от ЦФА заключается лишь в том, что первые представляют собой право требования на определенные товары, работы или услуги, в то время как ЦФА – денежное право требования.

Утилитарные цифровые права, по своей правовой природе, представляют собой обязательственные права (права требования), на товары, работы, услуги и иные права. Будучи имущественным правом, утилитарное цифровое право может выступать предметом сделок, наиболее распространенными из которых признается купля-продажа (п. 4 ст. 454 ГК РФ). Процесс совершения таких сделок организован в рамках инвестиционных платформ, в которых утилитарные цифровые права существуют. Переход права собственности на утилитарные цифровые права происходит с момента внесения соответствующей информации в инвестиционную платформу, что является ключевым моментом в процессе передачи прав. Однако законодателем в ч. 1 ст. 8 Закона о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ установлено, что к утилитарным цифровым правам не могут быть отнесены права, касающиеся объектов и/или сделок, подлежащих государственной регистрации или нотариального удостоверения, что обусловлено технологическими особенностями, характерными для совершения сделок с утилитарными цифровыми правами в рамках инвестиционных платформ. Сделки с такими правами осуществляются путем внесения записей в децентрализованный реестр, что исключает необходимость традиционных методов подтверждения

прав. Как справедливо отмечает О.А. Городов, «эти записи должны вноситься в реестр без обращения к третьим лицам, например к Федеральной службе по интеллектуальной собственности, осуществляющей государственную регистрацию результатов интеллектуальной деятельности, которая является необходимым условием признания и охраны исключительных прав»¹.

По сути, Закон о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ выступает формой легализации отношений краудфандинга в России². Отношения краудфандинга могут опосредоваться договорами займа, купли-продажи с предварительной оплатой, пожертвования. Договор инвестирования, в отличие от последних, имеет своей целью приобретение инвестором именно утилитарного цифрового права как разновидности «иного имущества» в смысле положений ст. 128 ГК РФ.

Согласно Закону о ЦФА под цифровыми финансовыми активами понимаются «цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске цифровых финансовых активов в порядке, установленном вышеназванным федеральным законом, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, а также в иные информационные системы» (пункт 2 статьи 1).

Как следует из легальной дефиниции ЦФА, законодатель идентифицирует их через денежные требования, в том числе по эмиссионным ценным

¹ *Городов О.А.* Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России // *Право и цифровая экономика.* 2020. № 1. С. 7

² На стадии законопроекта указанный Закон содержал в своем названии термин «краудфандинг», однако впоследствии законодатель отказался от подобной трактовки, но в научной литературе данный термин активно применяется и признан устоявшимся. См., например, *Папаскуа Г.Т.* Краудфандинг: понятие, виды и риски // *Актуальные проблемы российского права.* 2021. Т. 16. № 7 (128). С. 77-85.

бумагам, выраженные в цифровой форме, что соответствует общемировой тенденции.

В научной литературе подход законодателя к определению ЦФА не получил однозначной оценки, в связи с чем учеными предлагаются авторские дефиниции рассматриваемого понятия. В частности, К.Б. Раздорожный определяет ЦФА как «электронные знаки, которые могут удостоверить определенные имущественные права (цифровые права) и выпускаются с целью привлечения инвестиций и (или) используются в качестве инструмента расчетов»¹. Данный подход в целом соотносится с терминологией, применяемой в зарубежных странах (например, в Республике Беларусь), но при этом содержит расширительное толкование ЦФА как включающего в себя и цифровые валюты, и утилитарные цифровые права в противовес законодательной трактовке.

По мнению К.Б. Раздорожного, наличие общих признаков, характерных для ЦФА, утилитарных цифровых прав и цифровой валюты, обуславливает использование термина «цифровой финансовый актив» как обобщающего понятия для всех цифровых финансовых инструментов. Но представляется, что нельзя игнорировать позицию законодателя, а, следовательно, предпочтительным в рамках научно-исследовательских работ видится использование термина «цифровые финансовые активы» в узком, законодательно закреплённом значении.

Определение ЦФА через денежные требования, в том числе по эмиссионным ценным бумагам, выраженные в цифровой форме, соответствует общемировой тенденции. Однако в теоретическом плане в российской правовой доктрине порождает некоторые особенности. Так, оформление посредством ЦФА прав по эмиссионным ценным бумагам позволяет прийти к выводу, что такие ЦФА не содержат конкретное имущественное право как

¹ См.: Раздорожный К.Б. Указ. работа. С. 10.

классические ценные бумаги, а являются правом на ценные бумаги. Как отмечают Т.В. Рождественская и А.Г. Гузнов, если рассматривать цифровые финансовые активы в рамках гражданских правоотношений, они будут являться примером права на право, то есть они удостоверяют полномочия правообладателя на владение определенными полномочиями, удостоверенными цифровой записью¹.

Юридическая привязка ЦФА к эмиссионным ценным бумагам создает основу для определения их правовой природы через данную категорию в целях определения их правового режима. Так, одни ученые считают, что правовая природа ЦФА особо ничем не отличается от бездокументарных ценных бумаг и, соответственно, правовое регулирование должно быть аналогичным² полностью или частично. При этом одни полагают, что лишь некоторые цифровые активы одновременно являются ценными бумагами³, а другие – что на ЦФА следует распространить законодательство о ценных бумагах в полном объеме⁴.

Другие авторы обосновывают необходимость собственного правового режима (нового правового режима) для цифровых активов⁵, в том числе в силу их существенного отличия от ценных бумаг⁶.

Как компромиссное между этими крайними позициями можно отметить мнение о том, что при определенном сходстве все же ЦФА и ценные бумаги следует различать. Например, А.Ю. Чурилов указывает, что содержа-

¹ См.: Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6. С. 43-54.

² Там же. С. 48-54.

³ См.: Шевченко О.М. Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг // Актуальные проблемы российского права. 2022. № 11. С. 76-86.

⁴ См.: Мельникова Т.В., Никиташина Н.А., Шалеева Ю.В. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав // Юрист. 2023. № 11. С. 37-42.

⁵ См.: Гринь О.С. Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав // Lex russica. 2020. Т. 73. № 10. С. 21-31.

⁶ См.: Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Цифровые активы: правовой анализ: монография. Москва: 4 Принт, 2020. С. 64-78.

ние цифровых прав и бездокументарных ценных бумаг составляют обязательственные и иные права, и различаются они лишь в форме закрепления имущественных прав и порядке их реализации¹. Е.Н. Абрамова также отмечает, что токены похожи на ценные бумаги тем, что представляют они представляют собой разные варианты закрепления иных благ во внешнем мире, их фактическая сущность совпадает, что, тем не менее не является основанием для их отождествления, поскольку именно от способа удостоверения права (токены и ценные бумаги) зависит возможность и способы их оборота и защиты².

Однако, как представляется, эти различия играют существенную роль, не позволяя отождествлять данные формы денежных обязательств, в силу чего законодатель сознательно формирует собственное правовое регулирование по операциям с ЦФА, подводя его под регулирование по ценным бумагам лишь тогда, когда это обусловлено содержательным активом ЦФА, т.е. только тогда, когда в основе ЦФА лежат эмиссионные ценные бумаги.

ЦФА действительно могут расцениваться как альтернатива ценным бумагам, а порядок выпуска и обращения ЦФА во многом схож с порядком, регламентированным Законом о рынке ценных бумаг. Однако в отличие от распространенного зарубежного подхода в новой сфере формируются новые правила, а не распространяются те, которые действуют на рынке ценных бумаг.

ЦФА имеют некоторые существенные отличия от ценных бумаг, которые и обуславливают наличие самостоятельного правового регулирования:

- среда функционирования (ЦФА функционируют в рамках информационной системы);

¹ См.: Чурилов А.Ю. К вопросу о целесообразности введения в гражданский кодекс цифровых прав // Правовая парадигма. 2020. Т.19. № 2. С.105-107.

² См.: Абрамова Е.Н. Цифровой финансовый актив как ценная бумага // Гражданское право. 2024. № 1. С. 11-12.

- используемые технологии (для ЦФА характерно применение блокчейн-технологий. Бездокументарные ценные бумаги тоже могут иметь цифровую форму, но она организуется по централизованной модели);

- разные инфраструктуры (в отношении ценных бумаг таковыми выступают депозитарии, брокеры, а в отношении ЦФА – операторы информационной системы и обмена ЦФА);

- документационное оформление выпуска и обращения (выпуск и обращение ценных бумаг оформляется согласно правилам организованных торгов, ЦФА – в соответствии с правилами выпуска и обмена ЦФА);

- особенности выпуска и учета;

- возможность непосредственного распоряжения ЦФА в информационной системе (в отличие от ЦФА доступ к информации о принадлежащих ценных бумагах, а также распоряжение ими возможны только через инфраструктуру профессиональных участников рынка ценных бумаг).

По своей сути, ЦФА по российскому законодательству представляют собой инвестиционные токены, представляющих собой цифровой аналог ценных бумаг. Они дают владельцам права собственности, права на получение процентов, дивидендов, иных доходов а эмитентам таких токенов – привлекать ресурсы. Инвестиционные токены, как правило, репрезентируют права участия в управлении компанией или денежные требования к эмитенту, которые могут зависеть, а могут и не зависеть от финансовых показателей эмитента. Инвестиционные токены во многих случаях имеют то же содержание, что и традиционные финансовые инструменты¹. Инвестиционные токены могут предоставлять определенные управленческие права, тем самым предоставляя держателям возможность участия в развитии проектов. Инвестиционный характер ЦФА специально не подчеркивается в Законе о ЦФА,

¹ См.: Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/855/2xdr6q540ixfyb5pkmkiszegtlqgh54dh.pdf> (дата обращения: 23.05.2023).

но ясно формулируется, например, в Модельном законе для государств – участников СНГ от 14 апреля 2023 года «О цифровых финансовых активах»¹, в котором ЦФА определен как актив, удостоверяющий обязательственные и/или корпоративные права, должником по которому выступает лицо, привлекающее в информационной системе инвестиции.

Особенностью российского Закона о ЦФА является закрепление дуалистического правового режима инвестиционных токенов, при котором ЦФА могут выпускаться как в качестве инструментов, связанных с эмиссионными ценными бумагами, так и не связанных с ними, оформляя любые иные денежные требования.

Так, ЦФА могут удостоверить возможность осуществления прав: по эмиссионным ценным бумагам или право требовать их передачи; по акциям непубличного акционерного общества. В силу прямого требования, установленного в пункте 2 статьи 1, а также в пункте 1 статьи 13 Закона о ЦФА акции могут быть выпущены в виде ЦФА только вновь образующимися непубличными акционерными обществами. По другим типам эмиссионных ценных бумаг подобного ограничения не предусмотрено.

Помимо прав по акциям непубличных акционерных обществ, а также иным эмиссионным ценным бумагам ЦФА могут удостоверить любые иные денежные требования. Справедливо отмечается, что денежное требование в виде ЦФА может быть связано с безусловным и абстрактным обязательством лица, выпускающего ЦФА, выплатить покупателю ЦФА при наступлении определенных условий денежные средства, полученные от продажи ЦФА. Таким образом, ЦФА удостоверяющие денежные требования, опосредуют долговые отношения между эмитентом и покупателем ЦФА², что в полной

¹ Модельный закон представлен на официальном сайте Межпарламентской ассамблеи государств – участников Содружества независимых государств. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendacii_mpa_sng/mo_delnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 17.09.2023).

² См.: *Жданова О.А.* Указ. работа. С. 54.

мере соответствует функциональности инвестиционных токенов. При этом традиционные типы долговых отношений (займ, выпуск ценных бумаг) приобретают новую правовую и организационную форму – форму цифрового права, реализуемого в информационной системе посредством специально созданной инфраструктуры – позволяющей существенно расширить доступность инвестиционных ресурсов.

Существенным признаком ЦФА является свободная конвертация активов, то есть их можно покупать и продавать за фиатные денежные средства, т.е. цифровые финансовые активы (как правоустанавливающие, так и правоудостоверительные) обладают классическими имущественными признаками: могут быть созданы, приобретены, проданы, обменены и т.д.

Высокорискованность и волатильность являются признаками, характерными для криптоактивов в зарубежной и российской практике. Волатильность можно наблюдать на примере выпуска ЦФА, удостоверяющих денежные требования к эмитенту, на платформе информационной системы ПАО Сбербанк от 26 апреля 2023 г.: цена приобретения за один ЦФА эмитента ООО «ХКТ» – 1 000 руб., ООО «РАДИО СИТИ» – 50 000 руб., ООО «АВТОЗАВОД «ГАЗ» - 100 000 руб., а доход составляет 10 руб. (184 для последнего эмитента). В этот же период цена приобретения ЦФА, выпущенного на платформе А-Токен 10 апреля 2023 г. составила один миллион рублей за 1 ЦФА¹, а ЦФА, выпускаемые на платформе Атомайз, выпущенные в мае 2023 г., и вовсе не имеют фиксированной номинальной стоимости².

Следует отметить, что такая характеристика ЦФА как волатильность имеет существенное значение для принятия решения о вложении средств в тот или иной финансовый инструмент, а, следовательно, и для налогообло-

¹ Решение о выпуске цифровых финансовых активов на платформе А-Токен. URL: https://цфа.рф/files/Reshenie_o_vypuske_CFA_Rostelekom_10042023.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

² Решение о выпуске цифровых финансовых активов на платформе Атомайз. URL: https://цфа.рф/files/-----_-.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

жения операции с криптоактивами и их результатов. Оценка волатильности ЦФА позволяет определить уровень риска инвестирования в цифровые финансовые активы: чем выше волатильность, тем, соответственно, выше и риск, а также позволяет выбрать из активов, имеющих сопоставимую доходность, наиболее надежные, и, соответственно, повысить устойчивость своего портфеля.

В силу значительной волатильности стоимости ЦФА объектом налогообложения по операциям с криптоактивами должен выступать чистый доход по таким операциям.

Таким образом, можно выделить следующие базовые признаки цифровых финансовых активов: ЦФА это зафиксированные в специальной цифровой форме права на традиционные субъективные права (корпоративные и обязательственные (долговые)); имеют нематериальную природу, но обладают имущественными признаками; выпуск ЦФА реализуется исключительно при содействии операторов информационных систем; выпускаются и обращаются с учетом ограничений и запретов (например, запрет на приобретение отдельных видов цифровых финансовых активов либо с превышением лимита стоимости неквалифицированными инвесторами, на выпуск публичными акционерными обществами); обладают высокой волатильностью.

На этой основе возможно выделить признаки ЦФА, имеющие значение для налогообложения: ЦФА выступают объектом гражданских прав и являются предметом сделок, следовательно, могут являться предметом налогообложения по модели налогообложения операций с имущественными правами; стоимость ЦФА может изменяться и приносить его обладателю доходы/убытки, что должно учитываться в механизме налогообложения по стандартной модели инвестиций, в том числе операций с ценными бумагами. Для налогообложения это означает допустимость формирования в налоговом законодательстве специальных правил или оговорок применения стандартных

механизмов налогообложения операций с ценными бумагами.

Изложенное в этой части исследования, позволяет сформировать следующие обобщения.

В большинстве стран мира понятия «цифровые активы» (digital assets) и «криптоактивы» (crypto assets) используются как обобщающие, включающее все виды токенов, основанных на технологии распределенного реестра, в том числе криптовалюту. В российском законодательстве обобщающего понятия не закреплено, Закон о ЦФА разграничивает цифровые финансовые активы и цифровую валюту, а утилитарные токены регламентированы Законом об инвестициях с привлечением инвестиционных платформ.

Использование термина «цифровые права» не закрепилось в качестве обобщающего, с одной стороны, потому что данный термин не охватывает цифровую валюту, что делает его применение не совсем корректным в контексте всех аспектов цифровой экономики, а, с другой, в силу новизны имеет дискуссионный в науке характер. Правовой сущностью категории «цифровые права» являются уже известные правовой доктрине виды субъективных прав (корпоративные, обязательственные), для фиксации которых применяется новая юридическая конструкция, позволяющая участникам гражданского оборота взаимодействовать по поводу этих прав дистанционно внутри информационной системы.

Наличие общих признаков, характерных для ЦФА, утилитарных цифровых прав и цифровой валюты, обуславливает необходимость введения обобщающего понятия для них как финансовых инструментов, выпускаемых и обращающихся в информационной системе, основанной на технологии распределенного реестра или иной аналогичной технологии. С учетом обоснования, изложенного в предыдущем параграфе данной работы необходимо различать термины «цифровые финансовые инструменты», криптоактивы как их разновидность (финансовые инструменты, основанные на технологии рас-

пределенного реестра или иной аналогичной технологии), а также цифровые права как категорию, распространяющуюся на определенные в законе цифровые финансовые инструменты.

ЦФА по российскому законодательству, по своей сути, соответствуют модели инвестиционных токенов, представляющих собой совокупность цифровых финансовых инструментов, являющихся в зарубежной практике цифровым аналогом ценных бумаг. Особенностью российского Закона о ЦФА является закрепление дуалистичного правового режима инвестиционных токенов, при котором ЦФА могут выпускаться как в качестве инструментов, связанных с эмиссионными ценными бумагами, так и не связанных с ними, оформляя любые иные денежные требования, опосредуя долговые отношения между эмитентом ЦФА и покупателем ЦФА или отношения долевого участия в капитале эмитента ЦФА.

Сформирован вывод о невозможности отождествления ЦФА с категорией бездокументарных ценных бумаг, сознательное разграничение которых прослеживается по российскому законодательству. Объективной основой для этого выступают особенности, присущие выпуску и обращению ЦФА, отличающие их от традиционных, в том числе бездокументарных, ценных бумаг. Однако в целях налогообложения может быть учтено сходство данных инструментов, позволяющее формировать в налоговом законодательстве специальные правила или оговорки применения стандартных механизмов налогообложения операций с ценными бумагами в целях налогообложения операций с ЦФА.

Выделены признаки ЦФА, имеющие значение для налогообложения: ЦФА выступают объектом гражданских прав и являются предметом сделок, следовательно, могут являться предметом налогообложения по модели налогообложения операций с имущественными правами; стоимость ЦФА может изменяться и приносить его обладателю доходы/убытки, что должно учиты-

ваться в механизме налогообложения по стандартной модели инвестиций, в том числе операций с ценными бумагами. Для налогообложения это означает допустимость формирования в налоговом законодательстве специальных правил или оговорок применения стандартных механизмов налогообложения операций с ценными бумагами.

1.4. Финансово-правовое регулирование операций с цифровыми финансовыми активами

Законодательное закрепление цифровых финансовых активов как новой сущности, обладающей оборотоспособностью, с которой возможно не только совершение различных операций в рамках гражданского оборота, но и действий, обусловленных обязанностями публично-правового характера, поднимают вопрос о том, предметом каких отраслей права являются отношения, разворачивающиеся по поводу новых объектов. Так, вполне очевидно, что налогово-правовое регулирование данных отношений относится к предмету финансового права. Необходимо также определиться с иными содержательными аспектами предмета финансового права в области данных отношений. Обращение к рассмотрению правового регулирования операций с цифровыми финансовыми активами как составной части предмета финансового права связано с потребностями уточнения доктрины финансового права в этой части, а также понимания системы финансового законодательства.

Решение этого вопроса актуализировано не только его новизной, но и разнообразием мнений, которые по нему уже высказаны.

Так, например, К.Б. Раздорожный полагает, что отношения, связанные с обращением цифровых финансовых активов, относятся к предмету финан-

сового права¹. В исследованиях В.А. Садкова отмечено, что отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов как новой формы удостоверения имущественных прав, являются гражданско-правовыми². Хотя большинство специалистов сходится во мнении, что правовое регулирование отношений, возникающих с использованием нового цифрового инструментария, имеет комплексный характер, сочетая гражданско-правовое и финансово-правовое регулирование³. Можно добавить, что в настоящее время, достаточно много работ посвящено исследованию также уголовно-правовых и криминологических аспектов обращения криптоактивов.

Появление цифровых финансовых активов, обусловленное цифровизацией всех сфер общественных отношений, предопределило новый предмет и объект правового регулирования. В аспекте рассматриваемой проблематики в качестве объекта правового регулирования выступает непосредственно деятельность субъектов, осуществляющих операции с цифровыми финансовыми активами, результаты которой имеют существенное значение для решения вопросов, связанных с налогообложением ЦФА.

Предмет правового регулирования – это определенная совокупность однородных общественных отношений, которые объективно требуют правового вмешательства, что отличает их от иных общественных отношений, регулируемых иными социальными нормами. Традиционно в науке финансового права под предметом понимаются общественные отношения, возникающие в процессе финансовой деятельности государства и органов местного самоуправления⁴, в сфере образования, распределения и использования госу-

¹ См.: *Раздорожный К.Б.* Указ. работа. С. 28.

² См.: *Садков В.А.* Указ. работа. С. 7.

³ См.: *Цинделиани И.А.* Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект // *Юрист.* 2019. № 3. С. 34.

⁴ См.: *Грачева Е. Ю., Соколова Э.Д.* Финансовое право: учебник. М., 2021. С. 20-21

дарственных и муниципальных денежных фондов (финансовых ресурсов)¹, характеризующиеся указанием на публичную природу и повышенную социальную значимость². Очевидно, что этот набор признаков не позволяет бесспорно определить отраслевую принадлежность правил по выпуску и обращению цифровых финансовых активов.

Позиция о том, что правовое регулирование операций с цифровыми финансовыми активами в широком понимании этого термина (т.е. как включающего в себя и криптовалюту и утилитарные цифровые права) аргументирована К.Б. Раздорожным. В частности, он отмечает, что отношения, связанные с обращением таких активов, имеют финансовую природу и публичный интерес. Финансовая природа проявляется в том, что эти активы циркулируют на финансовом рынке в целях извлечения финансовой выгоды, являются альтернативным способом как для привлечения инвестиций, так и для осуществления расчетов. Публичный интерес, по мнению К.Б. Раздорожного, проявляется в наличии рисков нарушения прав лиц, вовлеченных в операции с цифровыми финансовыми активами, необходимости стабильности этих отношений. Автор заключает, что общественные отношения, связанные с обращением ЦФА должны регулироваться посредством финансово-правовых норм³, формирование которых и происходит в виде принятия федеральных законов о внесении изменений в Гражданский кодекс РФ, а также федеральных законов «О цифровых финансовых активах», «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ», «Об экспериментальных правовых режимах»⁴.

С таким широким пониманием финансово-правового регулирования

¹ См.: Финансовое право: учебник / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. М., 2020. С. 38.

² См.: Красиков Д.А. Современные подходы к определению предмета финансового права // Современное право. 2018. № 9. С. 62.

³ См.: Раздорожный К.Б. Указ. работа. С. 25-29, 40.

⁴ Там же. С. 34.

сферы обращения цифровых финансовых активов трудно согласиться. Безусловно, отмеченные общественные отношения обладают финансовой природой, являются финансовыми, однако далеко не все финансовые по своей экономической природе отношения являются финансово-правовыми. В этой связи справедливо мнение, сформированное в лоне финансовой теории: в рыночной экономике любые денежные отношения являются одновременно и финансовыми, а их движение осуществляется в порядке публично-правовой и частноправовой инициативы, т.е. в публично-правовой и частноправовой формах¹.

Поэтому представляется более обоснованной точка зрения тех авторов, которые отмечают комплексный характер правового регулирования отношений, разворачивающихся по поводу выпуска и дальнейшего обращения цифровых финансовых активов.

Исходя из правовой природы цифровых прав, выделяются их юридические признаки как объекта гражданских прав:

- обладание экономической ценностью в связи со способностью реализации имущественного интереса физического или юридического лица, но при этом потребность их публичного обеспечения и гарантирования, в силу чего они должны быть поименованы в таком качестве в законе (например, в Законе о ЦФА и Законе о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ);

- распоряжение ими (передача, залог, обременение и т.д.) возможно исключительно в рамках информационной системы, в которой осуществляется их выпуск и обмен;

- обладатель цифрового права – это лицо, имеющее уникальный доступ к цифровому коду или обозначению, позволяющий совершать действия по распоряжению цифровым правом;

¹ См.: Барулин С.В. Финансы: учебник. М., 2010. С. 33.

- законом установлена оборотоспособность цифровых прав, то есть к ним применимы общие положения о купле-продаже; гражданский оборот цифровых прав (продажа, обмен, переход по наследству), а также учет этих операций возможны только путем внесения записи в информационную систему;

- зависимость осуществления цифровых прав от правил конкретной информационной системы¹.

Но, по сути, эти же особенности определяют и необходимость публично-правового регулирования, поскольку формируют основу для рискованного применения инструментария, обладающего отмеченными свойствами. Безусловно, отношения этой сферы нельзя признать чисто частноправовыми или чисто публично-правовыми. Выбранный законодателем подход к определению указанных активов как цифровых прав обуславливает комплексный характер правового регулирования в сфере ЦФА нормами гражданского и финансового права.

Публично-правовой характер операций с ЦФА обусловлен тем, что общественные отношения, предметом которых они являются, складываются в сфере финансовой деятельности государства; Банком России устанавливаются специальные требования к деятельности субъектов в сфере обращения ЦФА; результаты операций с ЦФА выступают объектом налогообложения и т.д. Нормы Закона о ЦФА, регламентирующие полномочия Банка России по регулированию цифровых финансовых активов, запрет на принятие ЦФА в качестве средства платежа, право на открытие оператором информационной системы в российской кредитной организации номинального счета и некоторые другие нормы, имеют ярко выраженный публичный аспект.

¹ См.: *Сорока Э.Ю.* Правовая природа цифровых финансовых активов в законодательстве Российской Федерации // Вопросы российского и международного права. 2021. Т. 11. № 9-1. С. 85; *Василевская Л.Ю.* Указ. работа; *Новоселова Л.А., Габов А.В.* и др. Цифровые права как новый объект гражданского права // Закон. 2019. № 5.

Задачей научного исследования на этом этапе является уяснения границы между частноправовым и финансово-правовым регулированием. Этот аспект представляется немаловажным в силу, как указывает С.В. Запольский, распространенности мнения о том, что финансово-правовые инструменты могут быть применены к любым экономическим отношениям на усмотрение субъекта управления. Подобный волюнтаристский подход в этом вопросе часто является основной причиной для финансовых кризисов¹.

При рассмотрении соотношения частноправового и публично-правового регулирования отношений, связанных с выпуском и обращением ЦФА, основным моментом исследования является установление границ именно публично-правового регулирования, т.е. вычленение тех отношений, которые объективно нуждаются в императивной регламентации, определение критериев для такого разграничения, а также систематизация финансово-правовых средств, применяемых в российской и зарубежной практике.

В финансово-правовой литературе обоснованно в качестве критерия выбора императивного способа правового регулирования общественных отношений обычно определяется наличие публичного интереса². Публичный интерес, безусловно, проявляется в необходимости обеспечения безопасности применения нового цифрового инструментария как для самих участников операций с ЦФА, так и для национальной экономики государства. Так, Центральным банком РФ отмечаются угрозы, связанные с расширением обращения криптовалют и цифровых финансовых активов, которые могут использоваться как денежные суррогаты³.

В полной мере можно согласиться с мнением С.В. Дорохина о том, что «четкой границы между публичным и частным правом нет и быть не может,

¹ См.: *Запольский С.В.* Теория финансового права: Научные очерки. М., 2010. С. 99.

² См.: *Запольский С.В.* Указ. работа. С. 270.

³ См.: Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М., 2022. С. 2. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

они могут восприниматься лишь как два полюса, к которым в большей или меньшей мере притягивают нормы той или иной отрасли права»¹. Более того, в зависимости от наличия или отсутствия потребности обеспечения публичного интереса эта граница может и должна смещаться..

Изложенное позволяет сделать вывод о необходимости публично-правового регулирования как составной части правового регулирования в сфере выпуска и обращения ЦФА.

Обратимся к выявлению тех аспектов правового регулирования отношений, возникающих по поводу выпуска и обращения цифровых финансовых активов, которые нуждаются в императивном правовом регулировании, т.е. относятся к предмету финансового права, и систематизации применяемых финансово-правовых средств.

Прежде всего любая юрисдикция принципиально решает вопрос о разрешении или запрете оборота виртуальных активов. На основе рекомендаций ФАТФ государство оценивает потенциальные риски от введения в оборот виртуальных активов, если они оказываются более существенными, чем плюсы, юрисдикция может ввести запрет на виртуальные активы².

В первую очередь такие риски ожидаемы от криптовалют, но и цифровые финансовые активы способны их вызывать. Основным способом их нейтрализации выступает системный подход к правовому регулированию, позволяющему функционировать и развиваться новым институтам не в ущерб уже действующим.

Финансовые регуляторы различных государств основную цель финансово-правового регулирования сферы операций с ЦФА и иными цифровыми

¹ *Дорохин С.В.* Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект. М., 2008. С. 45.

² См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Реализация подходов ФАТФ к регулированию виртуальных активов в законодательстве Российской Федерации: перспективы развития // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2020. № 9. С. 141; *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации // Правоприменение. 2021. Т. 5. № 1. С. 59.

активами усматривают в обеспечении финансовой стабильности, защиты прав потребителей финансовых услуг, соблюдения требований по противодействию отмыванию преступных доходов и финансированию терроризма (далее – ПОД/ФТ) и минимизации рисков. Отмечает это и Центральный банк РФ¹. Таким образом, финансово-правовое регулирование в сфере операций с ЦФА обусловлено имеющимися угрозами стабильности финансовой системы государства, нарушения прав и интересов потребителей финансовых услуг, использования криптоинструментов, в том числе и ЦФА, в преступной деятельности.

В мировой практике, как и в практике Российской Федерации, сложился арсенал приемов, используемых для снижения и нейтрализации данных угроз, основной объем которых представляет собой различные ограничения на совершение тех или иных денежных операций либо установление специальных требований финансового или организационного характера обязательных для соблюдения финансовыми организациями, а также их клиентами, т.е. приемов и средств, которые могут быть отнесены к разряду финансово-правовых, и в Российской Федерации, как правило, регламентируется финансово-правовыми нормами.

В законодательстве зарубежных стран в настоящее время имеется достаточно объемное регулирование деятельности субъектов, осуществляющих операции с различными цифровыми активами². Например, в США криптобиржи должны сообщать в налоговые органы о любых транзакциях, которые

¹ См.: Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2022. С. 3,7. URL: http://www.cbr.ru/Content/Document/File/141991/Consultation_Paper_07112022.pdf (дата обращения: 25.12.2022); Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М., 2022. С. 2. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

² См.: Криптовалюты: тренды, риски, меры доклад для общественных консультаций // Банк России: официальный сайт. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

могут вызвать подозрения в связи с возможной отмывкой денег или финансированием незаконной деятельности, вести учет всех финансовых операций, осуществляемых на их платформе, и предоставлять отчеты по сделкам, сумма которых превышает 10 тыс. долл. США¹. В Великобритании биржи обязаны проводить тщательную юридическую проверку тех клиентов, которые могут представлять повышенный риск в контексте возможных операций, связанных с отмыванием незаконно полученных средств или же с финансированием деятельности, связанной с терроризмом, а также обязательный постоянный мониторинг их текущей деятельности с целью установления проводимых клиентами операций в строгом соответствии с профилем их бизнеса и уровнем риска². Во Франции криптобиржи обязаны идентифицировать своих пользователей, осуществляющих какие-либо транзакции с цифровыми валютами, вне зависимости от их размера (ранее требование распространялось только на операции, объем которых превышал 1 тыс. евро)³. В Гонконге планируется установить строгие требования к криптовалютным биржам, касающиеся их клиентской базы. В частности, предполагается, что в будущем эти площадки будут обязаны предоставлять свои услуги исключительно тем инвесторам, которые могут быть отнесены к категории квалифицированных (с инвестиционным портфелем не менее 1 млн долл. США)⁴.

В Докладе Центрального банка РФ подчеркивалось, что в России была выбрана модель прямого регулирования цифровых активов, предусматрива-

¹ См.: Infrastructure Investment and Jobs Act, H.R. 3684. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/legislation/2021/11/15/bill-signed-h-r-3684/> (дата обращения: 23.11.2022).

² См.: Initial Coin Offerings. URL: <https://www.fca.org.uk/news/statements/initial-coin-offerings> (дата обращения: 23.11.2022).

³ См.: France is on the verge of imposing mandatory KYC rules for all crypto transactions, industry sources say. URL: <https://www.theblock.co/post/87001/france-crypto-rules-mandatory-kyc-crypto-to-crypto> (дата обращения: 23.11.2022).

⁴ См.: Hong Kong to restrict crypto exchanges to professional investors. URL: <https://www.reuters.com/technology/hong-kong-restrict-crypto-exchanges-professional-investors-2021-05-21/> (дата обращения: 23.11.2022).

ющая выделение их в отдельный объект регулирования с особым правовым статусом и не предполагающая их квалификации в качестве цифрового представления традиционных финансовых инструментов¹. Однако, несмотря на это, и Центральный банк РФ и российский законодатель идут по пути постепенного сближения правового регулирования ЦФА и операций с ними с правовым регулированием ценных бумаг.

Модель соотношения гражданско-правового и финансово-правового регулирования при осуществлении операций с ЦФА схожа с аналогичной моделью в сфере выпуска и обращения документарных и бездокументарных ценных бумаг, хотя и не дублирует ее в настоящее время в полном объеме. В научной литературе на это обращалось внимание с аргументацией возможности распространения на цифровые права правового режима ценных бумаг до тех пор, пока не будет сформирован собственный правовой режим ЦФА². Допускает такую возможность и Закон о ЦФА, закрепляя применение данного режима в случае осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, за исключением бездокументарных ценных бумаг.

Действительно механизм выпуска ЦФА, предусмотренный действующим российским законодательством, в целом схож с правовым регулированием эмиссии ценных бумаг³.

Особенности выпуска ЦФА, удостоверяющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале акционерного общества, регламентированы в ст. 12-13 Закона о ЦФА, а процедура их эмиссии осуществляется в соответствии с гл. 5 Федерального закона «О рынке ценных бумаг».

¹ См.: Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2022. С. 12.

² См.: Санникова Л.В., Харитонов Ю.С. Правовая сущность новых цифровых активов // Закон. 2018. № 9. С. 93.

³ См.: Дмитриева Г.К. Указ. работа. С. 123.

Будущее развитие рынка цифровых активов и, прежде всего, ЦФА предполагает возможность совершения сделок с ними на организованном рынке, т.е. уже через существующую инфраструктуру обращения ценных бумаг, что предполагает дальнейшее построение правового регулирования операций с ЦФА по модели правового регулирования операций с ценными бумагами как в части частноправовых, так и финансово-правовых аспектов, в том числе в сфере налогообложения.

Изложенное позволяет заключить, что как зарубежный, так и российский опыт не располагают единым подходом к правовому регулированию, хотя применяемые средства, в основном, укладываются в русло реализации единообразных принципов: определение и выражение отношения государственных регуляторов к операциям с криптоактивами как высокорискованным (в случаях, если они не запрещены); стремление к исключению арбитража с существующими инвестиционными игроками, т.е. различий в правовом статусе уже существующих финансовых организаций и организаций, формируемых в связи с обращением ЦФА, при сходстве осуществляемых ими операций по существу; реализация принципа «одинаковое содержание и риски – одинаковое регулирование».

Финансово-правовые средства, обеспечивающие снижение рисков дестабилизации финансовой системы, можно подразделить на две группы: 1) требования императивного характера к операциям с ЦФА; 2) меры, обеспечивающие финансовую стабильность инфраструктуры, формируемой для осуществления операций с ЦФА.

Требования императивного характера к операциям с ЦФА определяются общей моделью правового регулирования таких операций. В целом, российскую модель правового регулирования криптоактивов можно отнести к ограничительно-разрешительным, поскольку сформирован комплекс правил для выпуска и обращения ЦФА и утилитарных цифровых прав, но при этом

выпуск и обращение цифровых валют имеют лишь частичную легитимизацию.

Российская модель правового регулирования операций с ЦФА может быть обозначена как разрешительная, т.к. нормативно выпуск ЦФА не ограничен какими-либо формами, ЦФА может быть связано с любыми видами денежных обязательств, в том числе имеющих гибридный характер, т.е. сочетающих в себе не только денежные, но и требования о предоставлении товаров, работ или услуг. Этим определяется потребность в финансово-правовых средствах снижения рисков воздействия данного инструмента на стабильность финансовой системы. Но в силу незначительного пока объема таких операций и императивные их ограничения, по сути, не сформированы, за исключением тех, которые рассмотрены далее.

Ключевым аспектом обеспечения стабильности инфраструктуры обращения ЦФА выступает противодействие нелегальной деятельности¹, что обуславливает механизм учета субъектов, обеспечивающих осуществление данных операций.

В мировой практике эта задача решается посредством установления лицензионно-разрешительной системы, на основе которой деятельность всех специальных платформ, в рамках которых осуществляется выпуск и обмен криптоактивов, подлежит государственной регистрации. Так, например, во Франции, Великобритании и США введены требования о необходимости обязательной регистрации и получения лицензий для поставщиков услуг в сфере криптовалюты. Аналогичные инициативы находятся на стадии обсуждения и планируется их введение в рамках Европейского Союза и в экономически значимом центре Азии – Гонконге. В Республике Корея данная сфера находится под строгим контролем со стороны Комиссии по финансовым

¹ Распоряжение Правительства РФ от 29 декабря 2022 г. № 4355-р «Об утверждении Стратегии развития финансового рынка РФ до 2030 года» (в ред. от 21 декабря 2023 г.) // СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. III). Ст. 476; 2023. № 52. Ст. 9722.

услугам (FSC), осуществляющей функции надзора и регулирования деятельности поставщиков услуг, связанных с виртуальными активами. Специально для этих целей была создана Корейская служба финансовой разведки (Korea Financial Intelligence Unit, KoFIU), ответственная за регистрацию и мониторинг за соблюдением установленных правил в данной области¹. На территории Японии деятельность криптобирж также строго регламентирована и разрешена исключительно тем компаниям, которые прошли процедуру регистрации и действуют в полном соответствии с требованиями, изложенными в Законе о платежных услугах Японии (PSA)².

ЦФА существуют строго в выпустившей их информационной системе, оператором которой является юридическое лицо, включенное в реестр операторов информационных систем, аккумулирующее денежные средства и предоставляющее эмитентам возможность привлекать инвестиции. Требования к оператору информационной системы подробно регламентированы в ст.ст. 5-9 Закона о ЦФА.

Привязка к информационной системе требует, чтобы обмен криптоактивами, выпущенными на разных платформах, обеспечивался дополнительным субъектом – оператором обмена ЦФА. К таким операторам относятся кредитные учреждения, организаторы торговли и другие компании, включенные Банком России в соответствующий реестр.

В этом аспекте Закон о ЦФА не согласуется со ст. 141.1 ГК РФ, согласно которой оборот цифровых прав возможен без обращения к третьему лицу. Однако в этом случае приоритет имеет специальная норма, а, следовательно, закрепление обязательности участия оператора обмена ЦФА не противоречит

¹ См.: Криптовалюты: актуальная регуляторная повестка. Февраль 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/695/2obclrtmbh4bsddf4amse6qya75yxb76.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).

² См.: Криптовалюты: тренды, риски, меры доклад для общественных консультаций // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.05.2022)

действующему законодательству.

Одно и то же лицо может быть одновременно как оператором информационной системы, так и оператором обмена ЦФА при соответствии предъявленным требованиям. Указанные субъекты правоотношений с ЦФА наделяются статусом некредитных финансовых организаций. В настоящее время Банком России сформирован ряд требований к субъектам такой деятельности¹, хотя признать его полным пока затруднительно.

В соответствии с пунктом 1 статьи 7 Закона о ЦФА и пунктом 1.20 Положения Банка России от 16 декабря 2020 г. № 746-П² при включении оператора информационной системы в реестр, Банк России должен разместить на своем официальном сайте в сети Интернет обновленный реестр. По состоянию на 23 мая 2024 г. в реестр включено 11 (одиннадцать) операторов информационных систем³. Ведется также реестр операторов обмена ЦФА, в ко-

¹ Указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5647-У «О требованиях к расчету размера чистых активов хозяйственного общества для целей его включения Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов» // Вестник Банка. 2021. 04 февраля. № 6; Положение Банка России от 15 ноября 2021 г. № 779-П «Об установлении обязательных для некредитных финансовых организаций требований к операционной надежности при осуществлении видов деятельности, предусмотренных частью первой статьи 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в целях обеспечения непрерывности оказания финансовых услуг (за исключением банковских услуг)» // Вестник Банка России. 2022. 13 апреля. № 22 и др.

² Положение Банка России от 16 декабря 2020 г. № 746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, о порядке и сроках представления операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов в Банк России сведений о лицах, распоряжающихся акциями (долями) указанных операторов, а также о порядке представления и согласования Банком России изменений в правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, изменений в правила обмена цифровых финансовых активов» (в ред. от 08 сентября 2023 г.) // Вестник Банка России. 2021. 29 января. № 7; 2023. 25 октября. № 68.

³ Реестр операторов информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов по состоянию на 23.05.2024 г. // Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_ois.xlsx (дата обращения: 24.05.2024).

торый в настоящее время включено только два оператора¹.

Действующий Закон о ЦФА закрепляет условия и обязанности которыми должны соответствовать операторы информационных систем и обмена ЦФА, например, в части образования и опыта назначаемых должностных лиц, обеспечения сохранения информации о сделках с ЦФА, совершенных через оператора, а также об участниках таких сделок не менее пяти лет с даты совершения соответствующих сделок, требований к информационным системам и ряд других. Обращает на себя внимание тот факт, что законодательно требования к обеспечению финансовой стабильности закреплены только в отношении оператора обмена ЦФА: коммерческие организации должны иметь размер уставного капитала не менее 50 млн. руб., а не коммерческие – аналогичный ежегодный размер имущественных взносов учредителей. В отношении операторов информационных систем по выпуску ЦФА такие требования не установлены законодательно, что можно рассматривать как недостаточную степень обеспечения интересов клиентов этих операторов. Основная функция оператора информационной системы заключается в обеспечении бесперебойной работы информационной системы, в которой осуществляется выпуск и обращение ЦФА, законодательно также закрепляется ответственность в виде возмещения убытков пользователям этой информационной системы (статья 9 Закона о ЦФА). Это свидетельствует о том, что финансовая стабильность этого субъекта имеет существенное значение для выполнения его обязанностей. Поэтому представляется логичным распространение на оператора информационной системы таких же требований к размеру уставного капитала, как и к оператору обмена ЦФА.

Следует отметить, что системный подход при формировании финансово-правового регулирования операций с ЦФА важен не только внутри наци-

¹ Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов по состоянию на 24.05.2024 г. // Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_oocfa.xlsx (дата обращения: 24.05.2024).

ональной финансовой системы и ее правовой формы, но и на международном уровне. Так, Банк России подчеркивает необходимость межгосударственного мониторинга операций с криптоактивами и взаимодействия с финансовыми регуляторами иностранных государств по этому вопросу¹. Существенное значение имеет и международное взаимодействие в вопросах налогообложения операций с ЦФА и их результатов.

Вторая угроза, выступающая основанием для формирования финансово-правового регулирования в сфере совершения операций с ЦФА, это угроза нарушения прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, связанных с выпуском и обращением ЦФА. Меры, предпринимаемые для нейтрализации подобных рисков, можно дифференцировать на: 1) меры, предусмотренные Законом о ЦФА или вытекающие из его содержания и 2) иные меры и мероприятия, реализуемые Банком России и другими уполномоченными субъектами.

К первой группе можно отнести ограничения на размер операций с ЦФА для неквалифицированных инвесторов.

Закон о ЦФА указывает, что криптоактивы могут приобретаться квалифицированными инвесторами, а также юридическими и физическими лицами, не являющимися таковыми. Банком России определены признаки цифровых финансовых активов², приобретение которых может осуществляться указанными лицами. Например, для физических лиц, не являющихся квали-

¹ См.: Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. М., 2022. С. 4. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/132241/consultation_paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.03.2022).

² Указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов» // Вестник Банка России. 2020. № 104.

фицированными инвесторами, установлен лимит на приобретение ЦФА: в течение одного года сумма денежных средств, передаваемых в оплату ЦФА, или совокупная стоимость иных цифровых финансовых активов, передаваемых в качестве встречного предоставления, не должна превышать 600 тысяч рублей.

Думается, что установление локальным актом Банка России подобного лимита на приобретение цифровых финансовых активов для физических лиц является ограничением их прав, и не способствует вовлечению потенциальных частных инвесторов, в том числе иностранных, в правоотношения, возникающие при выпуске, учете и обращении ЦФА. В этой связи представляется целесообразным увеличить лимит на приобретение цифровых финансовых активов в течение одного года до 1 (одного) миллиона рублей по аналогии с совокупной суммой денежных средств, которые могут быть переданы по договору ведения индивидуального инвестиционного счета (пункт 8 статьи 10.2-1 Федерального закона «О рынке ценных бумаг»). Увеличение лимита на приобретение ЦФА до максимальной суммы денежных средств, которая может быть передана профессиональному участнику рынка ценных бумаг, будет способствовать увеличению дохода обладателя ЦФА, что отразится на размере налоговой обязанности.

Важный публичный аспект правового регулирования операций с ЦФА, который в настоящий момент не имеет финансово-правовой формы, но, как представляется, должен ее приобрести – правила информационных систем и систем обмена.

Информационные системы обуславливают права в цифровом пространстве, обладающими определенными физико-техническими характеристиками – правилами логико-математических алгоритмов¹. Однако для правовой регламентации прав их физические характеристики не важны, значение имеет

¹ См.: *Василевская, Л.Ю.* Указ. работа. С. 113.

правовой режим.

Правовой режим цифровых прав определяется самой информационной системой, а точнее – операторами такой системы. В случае изменения правил информационной системы меняется содержание и механизм реализации размещенных в ней цифровых прав. Формирование требований к правилам информационной системы, препятствующих злоупотреблениям со стороны операторов, имеет публичный характер, а, следовательно, относятся к предмету финансово-правового регулирования.

Процесс организации и осуществления оборота ЦФА в соответствии с действующим российским законодательством в большинстве своем саморегулируется операторами информационных систем. Данная ситуация имеет ряд положительных и отрицательных моментов. Так, среди плюсов указанной системы саморегулирования следует выделить: использование уровня развитости конкретного юридического лица, зарегистрированного в качестве оператора, в том числе и в части наличия опыта функционирования на зарубежных финансовых платформах; снижение нагрузки органов государственной власти в части функционирования в рамках оборота ЦФА; возможность учета потребностей субъектов экономической деятельности в конкретный промежуток времени.

В качестве минусов саморегулирования следует выделить: риск злоупотребления со стороны операторов информационных систем; пробелы законодательного регулирования отдельных организационных аспектов функционирования информационных систем; отсутствие детальной нормативной разработки контрольно-надзорных механизмов в указанной сфере¹.

Основная задача операторов информационной системы и операторов обмена ЦФА заключается в обеспечении интересов приобретателей этих инструментов, решению которой способствует регламентация требований к

¹ См. подробнее: *Татоян А.А.* Правовое регулирование операций с цифровыми финансовыми активами // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 4 (61). С. 253-257.

информационным системам. Учитывая значимость информационных систем для оборота ЦФА, следует подчеркнуть необходимость разработки, внедрения и законодательного закрепления единых требований к ним. В качестве основных требований можно выделить следующие:

- 1) целостность информационной системы, позволяющая использовать ее различным участникам правоотношений, связанных с ЦФА;
- 2) высокий уровень информационной безопасности;
- 3) автоматизация отдельных управленческих процессов;
- 4) способность к адаптации и дальнейшему развитию с учетом совершенствования финансово-правовой практики;
- 5) доступность отчетов о результатах функционирования информационной системы;
- 6) недопустимость использования информационной системы в преступных целях.

В этой связи представляется целесообразным закрепить в пункте 8 статьи 4 Закона о ЦФА возможность доступа финансовых органов, в частности налоговых органов и Росфинмониторинга, к информационной системе, в которой учитываются цифровые финансовые активы, в рамках осуществления ими налогового администрирования, налогового контроля и обязательного контроля за операциями с денежными средствами или иным имуществом в рамках законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма.

Ко второй группе мер обеспечения безопасности потребителей финансовых услуг на рынке ЦФА и иных криптоактивов можно отнести экономические приемы снижения интереса к рискованным криптоактивам, путем формирования альтернативных инструментов для инвестирования. Также в этом ряду следует указать на масштабную деятельность Центрального банка РФ и иных государственных структур по повышению финансовой грамотности

сти населения, что справедливо оценивается как базовый фактор финансового благосостояния и финансовой защищенности граждан.

Угрозы и риски, связанные с использованием цифровых финансовых активов в преступной деятельности, нейтрализуются посредством инструментария, направленного на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма. Во всем мире прослеживается ужесточение требований данной направленности к провайдерам финансовых услуг, обусловленное рекомендациями Группы разработки финансовых мер по борьбе с отмыванием денег (ФАТФ).

Так, в Обновленном руководстве ФАТФ по применению риск-ориентированного подхода к виртуальным активам и провайдерам услуг в сфере виртуальных активов отмечается, что арсенал виртуальных активов включает в себя не только криптовалюты, но все более широкий спектр новых продуктов, услуг и бизнес-моделей, которые обладают низкой прозрачностью, нацелены на то, чтобы скрыть или замаскировать финансовые потоки и все чаще и шире используются в преступной деятельности. Поэтому деятельность провайдеров таких услуг подлежит регулированию в виде обязательного лицензирования или регистрации и на них должны распространяться все существующие системы контроля и надзора, установленные в целях противодействия отмыванию преступно полученных доходов и финансированию терроризма. Основные блоки этого регулирования составляют: риск-ориентированный подход к деятельности провайдеров и операциям, связанным с виртуальными активами, надлежащая идентификация лиц, осуществляющих такие операции, хранение записей и документов, сообщение о подозрительных операциях, наличие санкций и иных правоприменительных мер и международное сотрудничество¹. Не допускается осуществление надзора за

¹ См.: Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF. Paris, 2021. С. 7-16, 20. URL: www.fatf-

этой деятельностью со стороны саморегулируемых организаций, только компетентные органы должны обладать такими полномочиями. Проверка клиентов должна осуществляться, если разовая операция превышает порог 1 000 евро или долларов США. ФАТФ подчеркивает, что на провайдеров услуг, связанных с виртуальными активами, должны распространяться все рекомендации, разработанные ФАТФ, даже, если прямо в них не предусмотрено их применимость к данной категории субъектов или услуг. Виртуальные активы не должны считаться не подпадающими под действие рекомендаций ФАТФ из-за их формата или иных каких-либо особенностей¹. Таким образом, ФАТФ рекомендует государствам формировать такое правовое регулирование, чтобы все новые финансовые инструменты подпадали под правила ПОД/ФТ независимо от того, являются ли они цифровыми или традиционными финансовыми активами.

Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»² операторы информационных систем, в которых осуществляется выпуск ЦФА, и операторы обмена ЦФА отнесены к организациям, осуществляющим операции с денежными средствами или иным имуществом. Подтверждением наличия предмета финансового права в правоотношениях, связанных с выпуском, учетом и обращением цифровых финансовых активов, является требование о проведении обязательного контроля по отдельным операциям с ЦФА. Так, обязательному контролю подлежат операции с ЦФА в случаях, если сумма, на которую они совершаются, равна или превышает 1 миллион рублей либо эквивалент этой суммы в иностранной валюте. На операторов

gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Updated-Guidance-RBA-VA-VASP.html (дата обращения: 05.04.2022).

¹ Там же.

² Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. 2001. № 33 (ч. I). Ст. 3418; 2024. № 53 (ч. I). Ст. 8523.

информационных систем, осуществляющие выпуск ЦФА, и операторов обмена ЦФА распространены обязанности по предоставлению сведений в Росфинмониторинг в соответствии с законодательством о противодействии легализации (отмыванию) денежных средств.

К зарубежным практикам, заслуживающим внимания, можно отнести предупреждение потребителей о высоких рисках, связанных с операциями с виртуальными активами, а также выпуск сборников, в которых обезличенно описываются дела, связанные с отмыванием преступных доходов или финансированию терроризма, выявленные ранее (Италия); проведение базовой проверки на предмет профессиональной пригодности и добросовестности в процессе регистрации в качестве провайдера услуг с виртуальными активами (Финляндия); оценка соответствия уровня рисков заявителей их бизнес-планам и присвоение каждому подотчетному провайдеру уровня риска (Япония); широкий круг регуляторов и органов контроля (США)¹.

Появление нового предмета финансово-правового регулирования, существующего в цифровой форме и имеющего трансграничный характер, привело к необходимости определения управомоченной юрисдикции. Как отмечает К.Б. Раздорожный «цифровая трансформация финансового рынка обуславливает необходимость формирования юрисдикции, способствующей привлечению иностранных инвестиций и препятствующей оттоку финансового и интеллектуального капитала за границу, а также обеспечивающей качественное налоговое администрирование в данном секторе экономики, что, в свою очередь, приведет к значительному притоку средств в бюджет посредством налогообложения доходов, полученных от осуществления операций с такими активами»².

Изначально в процессе обсуждения перспектив внедрения практики

¹ См.: Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF.

² Раздорожный К.Б. Указ. работа. С. 26.

использования цифровых финансовых активов в Российской Федерации многие экономисты и правоведы подчеркивали актуальность использования указанных финансовых инструментов, в том числе в трансграничном масштабе в рамках соответствующих операций. По общему правилу в данном контексте речь идет о применении ст. 1186 ГК РФ, согласно которой в случае невозможности определения права, подлежащего применению, применяется право страны, с которой гражданско-правовое отношение, осложненное иностранным элементом, наиболее тесно связано¹. По мнению В.А. Канашевского, «правом, наиболее тесно связанным с правоотношениями, вытекающими из оборота бездокументарных ценных бумаг, следует считать закон места ведения реестра владельцев ценных бумаг»². В парадигме цифровых прав это место ведения реестра владельцев ЦФА. В настоящее время в Российской Федерации единого реестра владельцев ЦФА не предусмотрено, однако законодательно регламентирована обязанность ведения учета ЦФА в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск.

В данном контексте следует отметить существенную особенность разрешения указанного вопроса в Законе о ЦФА, п. 5 ст. 1 которого закрепляет применение российского права к правоотношениям, возникающим при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов, в том числе с участием иностранных лиц. Таким образом, российский законодатель сознательно закрепляет исключительность применения российского права в отношении цифровых финансовых активов, выпуск, учет и обращение которых возможны только путем внесения (изменения) записей в информационную систему на основе распределенного реестра, что обеспечивается, в том числе посредством законодательных требований к совершению соответствующих

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 1998. № 31. Ст. 3824; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4955.

² См.: Канашевский В.А. Международное частное право. М.: Международные отношения, 2016. С. 667-688.

операций посредством обращения к операторам обмена ЦФА, включенным в соответствующий реестр Банка России.

Изложенное в этой части исследования позволяет сделать следующие выводы.

Операции с цифровыми финансовыми активами являются предметом комплексного правового регулирования нормами гражданского и финансового права. Гражданско-правовой характер операций с ЦФА обусловлен законодательной регламентацией последних в качестве цифровых прав, выступающих объектом гражданско-правовых сделок.

Необходимость публично-правового регулирования как составной части правового регулирования в сфере выпуска и обращения ЦФА определяется обусловленными ими рисками.

Для регламентации новых сегментов финансового рынка государства либо формируют новые правила, либо распространяют на них правила, регулирующие традиционные финансовые инструменты. Оба этих подхода выливаются в необходимость адаптации правового регулирования. В рамках первого необходимо его сближение с уже действующим для того, чтобы обеспечить оборот новых инструментов в существующей инфраструктуре финансового рынка и комплаенс антиотмывочному регулированию. В рамках второго корректировка идет по пути учета особенностей новых инструментов. В итоге оба подхода приводят к формированию частично нового регулирования.

В России была выбрана модель прямого регулирования цифровых активов, предусматривающая выделение их в отдельный объект регулирования с особым правовым статусом. Однако несмотря на это и Центральный банк и российский законодатель идут по пути постепенного сближения правового регулирования ЦФА и операций с ними с правовым регулированием ценных бумаг.

Модель соотношения гражданско-правового и финансово-правового

регулирования при осуществлении операций с ЦФА схожа с аналогичной моделью в сфере выпуска и обращения документарных и бездокументарных ценных бумаг, хотя и не дублирует ее в настоящее время в полном объеме.

Финансово-правовые средства, обеспечивающие снижение рисков дестабилизации финансовой системы, можно подразделить на две группы: 1) требования императивного характера к операциям с ЦФА; 2) меры, обеспечивающие финансовую стабильность инфраструктуры, формируемой для осуществления операций с ЦФА.

Требования императивного характера к операциям с ЦФА определяются общей моделью правового регулирования таких операций. В целом, российскую модель правового регулирования криптоактивов можно отнести к ограничительно-разрешительным, поскольку сформирован комплекс правил для выпуска и обращения ЦФА и утилитарных цифровых прав, но при этом выпуск и обращение цифровых валют имеют лишь частичную легитимизацию.

Российская модель правового регулирования операций с ЦФА может быть обозначена как разрешительная, т.к. нормативно выпуск ЦФА не ограничен какими-либо формами, ЦФА может быть связано с любыми видами денежных обязательств, в том числе имеющих гибридный характер, т.е. сочетающих в себе не только денежные, но и обязательственные требования о предоставлении товаров, работ или услуг. В силу незначительного пока объема таких операций и императивные их ограничения находятся в состоянии становления.

Финансово-правовые средства нейтрализации угрозы нарушения прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, связанных с выпуском и обращением ЦФА дифференцированы на: 1) меры, предусмотренные Законом о ЦФА или вытекающие из его содержания и 2) иные меры и мероприятия, реализуемые Банком России и другими уполномоченными субъектами.

Глава 2. НАЛОГОВО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ОПЕРАЦИЙ С ЦИФРОВЫМИ ФИНАНСОВЫМИ АКТИВАМИ

2.1. Операции с цифровыми финансовыми активами: субъекты, виды, содержание

Рассмотрение вопросов налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами требует уяснения понятия, сущности и видов операций с указанными финансовыми инструментами, допустимых способов их обращения в российской правовой действительности, поскольку характеристики и особенности таких операций определяют и особенности их налогообложения. Понимание субъектно-содержательных характеристик операций с ЦФА позволит в дальнейшем на системной основе определить, учтены ли они в действующем правовом регулировании налоговых отношений, какой налоговый режим имеют эти операции, требуется ли корректировка законодательства о налогах и сборах в этой части.

Целесообразность формирования специального порядка налогообложения операций с ЦФА обусловлена задачей создания эффективных условий функционирования новых финансовых инструментов, что позволяет обеспечивать не только развитие российского финансового рынка, но и экономики в целом при условии, что новые инструменты будут эффективными и широко востребованными. Уяснение субъектов и содержания операций с ЦФА позволяет не только оценить налогово-правовые последствия этих операций, но и определить адекватные инструменты налогового контроля. Задачей исследования на этом этапе также является аналитический взгляд на категориальный аппарат Закона о ЦФА через призму налогово-правовых понятий и средств, в том числе рассмотрение операций с ЦФА в контексте определения налоговых обязанностей у лиц, осуществляющих данные операции.

2.1.1. Субъекты операций с цифровыми финансовыми активами

Объем операций с ЦФА в России пока незначительный, действует мало операторов информационных систем, а сами ЦФА как новые финансовые инструменты получают пока первичную апробацию. Так, по данным Банка России в течение 2022 года действовало три оператора информационных систем, каждый из которых осуществил за этот период не менее четыре пилотных выпусков ЦФА. Часть проведенных выпусков была связана с денежными требованиями инвестиционного характера, в которых стоимость ЦФА была привязана к котировкам драгоценных металлов, что является новшеством для российского финансового рынка. Второй тип выпущенных ЦФА был связан с управлением дебиторской задолженностью посредством выпуска краткосрочных коммерческих облигаций, что рассматривается как новый инструмент пополнения оборотного капитала, позволяющий сократить сроки и операционные издержки по сравнению с традиционной банковской услугой факторинга за счет сокращения процедур и участников таких сделок. На этой основе Банк России отмечает растущий потенциал этих инструментов¹.

На 12 февраля 2025 г. в реестр операторов информационных систем по выпуску цифровых финансовых активов включено одиннадцать компаний². Например, Atomyze³ – площадка для цифровизации различных активов и процессов на базе технологий распределенных реестров в рамках действующего законодательства (включая, но не ограничиваясь ЦФА). Цифровая платформа

¹ См.: Обзор платформенных сервисов в России (операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем и операторы финансовых платформ). Информационно-аналитический материал Банка России. М., 2023. С. 10-11, 14. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/146720/platform_services_20230515.pdf (дата обращения: 18.07.2023).

² Реестр операторов информационных систем на 12.02.2025 г.

³ Официальный сайт компании Atomyze. URL: <https://atomyze.ru/about> (дата обращения: 17.04.2024).

Atomyze предназначена для токенизации¹ двух видов ЦФА: активов, включающих денежные требования, и «гибридных» (включающих денежные требования и иные цифровые права)². Экосистема Atomyze развивает модели предоставления инвестиций в различные виды цифровых финансовых активов как юридическими, так и физическими лицами. Первый выпуск цифровых финансовых активов, включающих денежные требования, осуществил 28 июня 2022 г. ООО «Лайтхаус»³, открыв тем самым новый рынок цифрового коммерческого финансирования. ПАО «Сбербанк» выпускает цифровые финансовые активы, удостоверяющие денежные требования; цифровые права, включающие одновременно утилитарные цифровые права и цифровые финансовые активы, удостоверяющие денежные требования, что свидетельствует об интересе оператора именно к гибридным цифровым финансовым инструментам⁴.

Закрепленная пунктом 2 статьи 1 Закона о ЦФА конструкция цифрового финансового актива как цифрового права, включающего обязательственные денежные требования, права по эмиссионным ценным бумагам, права требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, права участия в капитале непубличного акционерного общества, а также инфраструктура, которая формируется для оборота таких активов обеспечивает возможность доста-

¹ Посредством токенизации имущественное право приобретает невещественную оболочку в виде токена, который функционально схож с ценной бумагой, т.е. это процесс цифрового представления существующего реального актива в распределенном реестре. См.: Доклад Центра стратегических разработок «Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов» (июль 2022 г.). URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/855/2xdr6q540ixfyb5pmkiszegtlqgh54dh.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

² Росбанк стал первым банковским партнером оператора цифровых финансовых активов в России. URL: <http://ifin.ru/news/read/19976.stm> (дата обращения: 17.09.2022).

³ На полях ПМЮФ-2022 состоялась деловая сессия под эгидой РСПП на тему: «Цифровые активы: цифровая альтернатива финансирования». URL: <https://rspp.ru/events/news/napolyakh-pmyuf-2022-sostoyalas-delovaya-sessiya-pod-egidoy-rspp-na-temu-tsifrovye-aktivy-tsifrovaya-62bf13f5e0064/> (дата обращения: 21.11.2022).

⁴ URL: <https://www.sberbank.ru/ru/legal/services/digital-assets?tab=release> (дата обращения: 25.08.2022).

точно ясного установления и идентификации лиц, обладающих правами или обязанностями в рамках данного оборота, в том числе налогово-правовыми¹.

Закон о ЦФА регламентирует отношения, в которых могут принимать участие различные субъекты, для обозначения которых в законе используются следующие термины: оператор информационной системы, оператор обмена ЦФА, лицо, выпускающее ЦФА, первый обладатель ЦФА, новый приобретатель ЦФА, обладатель ЦФА, номинальный держатель ЦФА, пользователь информационной системы.

Оператор информационной системы и оператор обмена ЦФА обычно определяются как субъекты, обеспечивающие посреднические функции для взаимодействия между лицами, выпускающими ЦФА и их приобретателями, а также последующий оборот ЦФА. Их участие определяется технологическими особенностями ЦФА, их существование только в рамках информационных систем. В.А. Садковым справедливо отмечается, что «электронно-цифровая форма фиксации в информационной системе цифровых прав и их оборота обуславливают необходимость участия в этом обороте специальных субъектов посредников: оператора информационной системы, в которой осуществлены первоначальные записи о принадлежности таких прав, и оператора обмена ЦФА»².

Оператором информационной системы является специализированная организация, обеспечивающая выпуск цифровых финансовых активов, в том числе на основе распределенного реестра. Оператор информационной системы должен быть включен в соответствующий реестр Банка России, обладать статусом юридического лица, личным законом которого является российское

¹ См.: *Серебрякова Т.А.* О правосубъектности участников финансовых отношений в условиях формирования цифровой экономики // Цифровая экономика как вектор трансформации правосубъектности участников налоговых отношений в России и за рубежом: сб. науч. трудов по матер. Межд. науч.-практ. конф. в рамках IV Саратовский финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой. В 2 ч. Часть 2. Саратов, 2020. С. 60.

² См.: *Садков В.А.* Указ. работа. С. 24.

право¹. К его функциям относится: технологическое обеспечение функционирования информационной системы; установление правил ее функционирования; предоставление доступа к информационной системе лицам, желающим произвести выпуск ЦФА или их приобретение; ведение реестра пользователей информационной системы.

Обмен ЦФА обеспечивается иным посредником – оператором обмена. Он выступает обязательным субъектом операции обмена цифровых финансовых активов. Оператором обмена цифровых финансовых активов могут быть кредитные организации, организаторы торговли, а также иные юридические лица, соответствующие требованиям Закона о ЦФА и принимаемых в соответствии с ним нормативных актов Банка России. Юридический статус оператора обмена ЦФА возникает с момента внесения данных в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов. Реестр ведется Банком России на основании ходатайства организаций, желающих осуществлять деятельность оператора обмена.

Операторы обмена ЦФА как специализированные организации призваны обеспечивать заключение сделок с цифровыми финансовыми активами путем сбора и сопоставления разнонаправленных заявок на совершение таких сделок либо путем участия за свой счет в таких сделках в качестве стороны, но в интересах третьих лиц².

Функции оператора обмена ЦФА и оператора информационной системы могут совмещаться и осуществляться одним субъектом.

В литературе отмечается, что оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск ЦФА, осуществляет управление ею³. Вряд

¹ Пункт 1 статьи 5 Закона о ЦФА.

² Пункт 1 статьи 10 Закона о ЦФА.

³ См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих

ли в полной мере можно согласиться с тем, что основной функцией этого оператора является управленческая. Управление информационной системой имеет более обеспечительную функциональность, в то время как основная юридическая функция, ради которой действует данный субъект – юридическая фиксация выпуска ЦФА и его обладателей в течение жизненного цикла ЦФА.

Оператор информационной системы, предоставляющий площадку для выпуска ЦФА, а также оператор обмена ЦФА оказывают услуги, реализация которых порождает очевидные налогово-правовые последствия, связанные с обязанностями ведения учета, исчисления и уплаты налогов на прибыль организаций и их имущество. Также данная деятельность формирует объект по налогу на добавленную стоимость. Однако в соответствии с абзацами 13 и 14 подпункта 12.2 пункта 2 статьи 149 НК РФ услуги операторов информационных систем и операторов обмена ЦФА, связанные с выпуском и оборотом ЦФА, освобождаются от налогообложения. Эти изменения были введены в текст Налогового кодекса РФ в июле 2022 года¹ и позволили устранить налоговый арбитраж² между операторами услуг по ЦФА и иными финансовыми организациями, оказывающими услуги по выпуску и обороту ценных бумаг, поскольку субъекты финансового рынка по услугам, связанным с выпуском и обращением ценных бумаг, были освобождены от уплаты налога на добавленную стоимость. Следует заметить, что согласно внесенным в статью 149 НК РФ изменениям, освобождению от уплаты НДС подлежат любые услуги, оказываемые операторами информационных систем и операторами обмена ЦФА, если они связаны с выпуском ЦФА, их учетом, обращением и выку-

цифровые финансовые технологии // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2021. № 9. С. 133.

¹ Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III). Ст. 5291.

² См.: Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2022. С. 21.

пом, за исключением консультационных услуг и услуг по предоставлению прав на использование компьютерных программ.

Лица, осуществляющие пользование услугами операторов информационных систем и обмена, в Законе о ЦФА обозначаются как: лицо, выпускающее ЦФА, первый обладатель ЦФА, новый приобретатель ЦФА, обладатель ЦФА, пользователь информационной системы.

Лицо, выпускающее ЦФА, – это индивидуальный предприниматель или юридическое лицо, сформировавшее решение о выпуске цифровых финансовых активов и разместившее его в информационной системе и на своем собственном сайте. Решение о выпуске ЦФА рассматривается как публичная оферта (пункт 7 статьи 3 Закона о ЦФА).

Первый обладатель ЦФА – лицо, принявшее публичную оферту, изъявившее желание приобрести выпущенные ЦФА и приобретшее их. Лицо становится первым обладателем ЦФА с момента возникновения у него прав, удостоверенных выпущенными ЦФА, т.е. с момента внесения в информационную систему записи о том, что выпущенное ЦФА зачислено данному лицу (пункт 1 статьи 2 Закона о ЦФА) в системе учета информационной системы.

Новый приобретатель ЦФА – лицо, приобретающее ЦФА у первого обладателя. Права, удостоверенные ЦФА, переходят к новому приобретателю с момента внесения в информационную систему записи о совершении такого перехода в соответствии с правилами информационной системы (пункт 5 статьи 4 Закона о ЦФА).

Обладатель ЦФА – лицо, приобретшее ЦФА, имеющее доступ к информационной системе для получения информации о ЦФА, которыми он обладает, а также для распоряжения ими посредством инструментов информационной системы (пункт 7 статьи 4 Закона о ЦФА).

Пользователь информационной системы – лицо, имеющее доступ к инструментам информационной системы, в которой осуществляется выпуск

ЦФА. Оператор ИС обязан вести реестр пользователей, в который должны включаться: лица, выпускающие ЦФА, обладатели ЦФА, операторы обмена ЦФА, номинальный держатель ЦФА (подпункт 3 пункта 2 статьи 9 Закона о ЦФА).

Номинальный держатель ЦФА является субъектом правоотношений, возникающих в связи с обращением ЦФА. Цифровые финансовые активы могут быть зачислены номинальному держателю, на лицевом счете (счете депо) которого учитываются права на ЦФА, принадлежащие обладателю ЦФА.

Номинальным держателем ЦФА может быть только лицо, обладающее лицензией на осуществление депозитарной деятельности. Депозитарной является деятельность по учету и переходу прав на бездокументарные и бездвиженные документарные ценные бумаги, а также цифровых прав¹. Функциональность депозитарных отношений между депозитарием и его клиентом определяется подтверждением права собственности клиента на те ценные бумаги и цифровые права, которые он учитывает на своем счете у депозитария. Кроме того, это позволяет легально сократить число субъектов, имеющих доступ к информации о реальных владельцах ценных бумаг².

Иными словами, номинальный держатель ЦФА – это лицо, имеющее лицензию на осуществление депозитарной деятельности, не являющееся оператором информационной системы, в которой осуществляется выпуск соответствующих ЦФА. По аналогии с номинальным держателем ценных бумаг, номинальный держатель, учитывающий права на ЦФА, принадлежащие иным лицам, вправе совершать на основе указаний (инструкций) последних

¹ Статья 7 Федерального закона от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (ред. от 24.06.2023) «О рынке ценных бумаг».

² См.: Комментарий к Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», постатейный / Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Белова Л.Г., Костюк И.В., Ротко С.В., Холкина М.Г., Рогалева М.А., Тимошенко Д.А. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020.

действия, связанные с осуществлением этих прав, без доверенности.

Изложенное позволяет отметить некоторую чрезмерность терминологического ряда субъектного состава отношений, возникающих в связи с выпуском и оборотом ЦФА. Так, очевидно, что первый обладатель и новый приобретатель ЦФА не являются статусами, существенно отличающимися от статуса обладателя ЦФА, а обозначают способы его получения. Так, статус обладателя ЦФА может возникать при приобретении ЦФА у лица, выпустившего их, что можно обозначить как первичное размещение ЦФА; а также при приобретении ЦФА у их обладателей на основании договора купли-продажи или иных сделок.

В тоже время следует заметить, что в целях налогообложения учитывается в некоторых случаях, является ли субъект первым или не первым обладателем ЦФА. Например, определение в качестве дохода суммы НДС, предъявленные эмитентом ЦФА при выкупе ЦФА у физического лица, не являющегося первым обладателем (подпункт 9.2 пункта 1 статьи 208 НК РФ); определение момента учета расходов на приобретение ЦФА у эмитента ЦФА датой выкупа этого ЦФА или датой реализации ЦФА первым обладателем ЦФА (пункт 5.3 статьи 272 НК РФ).

В литературе отмечается, что субъекту оборота ЦФА присущи определенные характеристики, отражающие его «делкоспособность». Так, В.А. Садков указывает, что субъектом оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, может выступать только лицо: во-первых, обладающее правом пользования аппаратно-программным комплексом (компьютером и (или) смартфоном с каналом Интернет-связи), обеспечивающим персональный доступ и работу в информационной системе, в которой осуществляется выпуск, учет и обращение прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; во-вторых, имеющее уникальный код для персонального доступа к информационной системе, что, в совокупности, является обязательным признаком его граждан-

ско-цифровой сделкоспособности. Без персонального компьютера или смартфона, подключенных к Интернету, и соответствующего программного обеспечения, технических устройств, позволяющих выявить надлежащую правосубъектность контрагента в электронно-виртуальной среде, установить взаимодействие между субъектами невозможно¹.

В полной мере можно согласиться с этим утверждением и отметить его значимость для выявления налогово-обязанных субъектов в рамках указанного оборота. Так, очевидно, что период владения кодом доступа к информационной системе, а также исключение из реестра пользователей информационной системы прямо определяют период владения ЦФА и обусловленные этим владением обязанности по исчислению и уплате соответствующих налогов. В частности, это обязанности по уплате налогов по операциям реализации цифровых финансовых активов и получения доходов от такой реализации.

2.1.2. Виды операций с цифровыми финансовыми активами

Российский Закон о ЦФА не содержит исчерпывающего перечня операций с цифровыми финансовыми активами, а также понятия операции с ними. Однако в Федеральном законе от 07 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма» закреплено понятие операции с денежными средствами или иным имуществом, под которыми понимаются действия физических и юридических лиц с денежными средствами или иным имуществом независимо от формы и способа их осуществления, направленные на установление, изменение или прекращение связанных с ними граж-

¹ См.: Садков В.А. Указ. работа. С. 12.

данских прав и обязанностей (статья 3).

Закон о ЦФА регламентирует отношения, возникающие при выпуске, учете и обращении цифровых финансовых активов¹. Отношения, связанные с выпуском и обращением ЦФА, действительно, можно рассматривать как действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, связанных с ними. Учет выступает действием, которое фиксирует совершение перечисленных операций в информационной системе, т.е. подтверждает юридический факт возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. На этой основе можно заключить, что отношения, связанные с выпуском и обращением ЦФА относятся к операциям и могут рассматриваться как операции с иным имуществом, в то время как учет рассматривать в качестве операции (денежной или с иным имуществом) нет оснований.

Однако следует обратить внимание на различие в гражданско-правовом и налогово-правовом смысле действий по учету ЦФА. Налогово-правовые последствия учета по ЦФА определяются тем, что учет является услугой, оказываемой клиенту информационной системы. Реализация данной услуги в обычных условиях формирует объект по налогу на добавленную стоимость, но в силу специальной оговорки в абзаце 14 подпункта 12.2 пункта 2 статьи 149 НК РФ – освобождена от обложения этим налогом. Учет операций с ЦФА не выступает самостоятельной операцией денежного характера, а лишь фиксирует юридический факт такой операции, оформляет ее, определяя юридические последствия (в том числе налогово-правовые), прежде всего, для обладателя ЦФА. При этом учет таких операций является неотъемлемой частью услуг, оказываемых операторами информационных систем своим клиентам, порождая соответствующие налогово-правовые последствия для самого оператора.

¹ Статья 1 закона о ЦФА.

Помимо выпуска и обращения ЦФА в Законе о ЦФА также фиксируется обязательность совершения действий по погашению ЦФА. Так, записи о ЦФА должны быть погашены в случае прекращения обязательств, удостоверенных ЦФА, в силу их исполнения либо по иным основаниям, предусмотренным законодательством или решением о выпуске ЦФА¹. Можно ли заключить на этой основе, что погашение ЦФА представляет собой операцию, направленную на исполнение обязательства, зафиксированного в ЦФА? И как данная операция находит отражение в учете информационной системы?

Следует отметить различие терминологии, используемой в разных законодательных актах: «погашение» по Закону о ЦФА и «выкуп» - по Налоговому кодексу РФ. Так, в абзаце 14 подпункта 12.2 пункта 2 статьи 149 НК РФ закрепляется, что от обложения налогом на добавленную стоимость освобождена реализация услуг, непосредственно связанных с выпуском, учетом, обращением и выкупом ЦФА.

Для того чтобы нивелировать данное различие в следующем абзаце этого же подпункта оговаривается, что под выкупом понимается операция по исполнению лицом, выпустившим ЦФА своего обязательства, удостоверенного ЦФА, в результате которой происходит погашение записи об этом ЦФА в информационной системе, путем выплаты денежных средств либо передачи ценных бумаг (иного имущества) в соответствии с условиями решения о выпуске ЦФА². При этом в начале данного абзаца указано, что такое понимание выкупа применяется «В целях настоящего Кодекса»³, следовательно, им нужно руководствоваться не только в целях исчисления налога на добавленную стоимость, но и иных налогов. Действительно, выкуп определяется как событие, влекущее налоговые последствия или учитываемое в целях налогообложения, также по налогу на прибыль организаций и налогу на доходы фи-

¹ Пункт 3 статьи 4 Закона о ЦФА.

² См.: абзац 15 подпункта 12.2 пункта 2 статьи 149 НК РФ.

³ Там же.

зических лиц.

Представляется, что данная налогово-правовая оговорка имеет существенное значение и выходит за рамки налогово-правового регулирования, т.к. фактически определяет суть операции, влекущей погашение ЦФА, в то время как сам Закон о ЦФА подобных пояснений не содержит. В тексте Закона о ЦФА определено, что прекращение обязательства, удостоверенного выпущенным ЦФА, происходит в силу его исполнения обязанным лицом или по иным основаниям, предусмотренным законодательством Российской Федерации или решением о выпуске ЦФА. Выкуп в силу формулировки, предложенной в Налоговом кодексе РФ, представляет собой исполнение лицом, выпустившим ЦФА, своего обязательства, удостоверенного ЦФА, в соответствии с условиями решения о выпуске ЦФА. Следует подчеркнуть, что выкуп в контексте налогово-правового смысла – это не только исполнение денежного обязательства в виде выплаты денежных средств, но также и передача ценных бумаг, исключительных прав, товаров или иного имущества, выполнение работ или оказание услуг, обязательства по которым могут фиксироваться гибридным ЦФА, т.е. цифровым финансовым активом, сочетающим в себе денежные обязательства и утилитарные цифровые права.

Очевидно различие в объеме этих понятий, когда «прекращение обязательства, удостоверенного выпущенным ЦФА» можно рассматривать как более широкое по отношению к «выкупу ЦФА». Однако данное различие способно сформировать и негативные последствия в сфере налогового администрирования и контроля. Так, очевидно, что в силу дословной формулировки подпункта 12.2 пункта 2 статьи 149 НК РФ, операторы информационных систем и обмена ЦФА должны начислять НДС на свои услуги, если прекращение обязательств эмитента ЦФА по выпущенному ЦФА происходит не в результате выкупа, а по иным предусмотренным законодательством основаниям, например, в процессе банкротства. Что представляется мало обоснован-

ным с экономической точки зрения, т.к. сущность оказываемой услуги в данном случае не меняется, а различие определяется исключительно юридической казуистикой, в качестве которой и можно оценить изложенное несовпадение терминологии в разных законах.

Можно обратить внимание на то, что термин «погашение ЦФА» отражает действие, которое должно осуществляться в системе учета информационной системы. А термин «выкуп ЦФА» - действия обязанных по ЦФА лиц, порождающие гражданско-правовые последствия и подлежащие отражению в учете. Погашение ЦФА не может быть осуществлено ранее проведенного выкупа. Из этого можно заключить, что характер операции (денежной или с иным имуществом) имеет именно выкуп, а погашение является действием в системе учета таких операций.

Поэтому представляется целесообразным закрепить в Законе о ЦФА понятие выкупа ЦФА как операции с ними, обуславливающей их погашение в системе учета информационной системы.

В тексте Налогового кодекса РФ к операциям с ЦФА, учитываемым в целях налогообложения доходов физических лиц, отнесен другой набор действий: приобретение, хранение, отчуждение и выкуп ЦФА (пункт 3 статьи 214.11 НК РФ), что определяется задачами налогообложения данной категории лиц, которая может выступать приобретателем ЦФА.

Перечень операций различается для разных субъектов. Так, для эмитента ЦФА к таким операциям можно отнести выпуск ЦФА и прекращение обязательств по ним в виде выкупа, исполнения в иной форме или прекращения по иным законодательно предусмотренным основаниям. Для приобретателей ЦФА к таким операциям будут относиться: приобретение, хранение, отчуждение ЦФА.

В этой связи очевидно, что в Законе о ЦФА перечень операций имеет обобщенный характер, но может быть конкретизирован в целях формирова-

ния системности нормативного материала, изложенного в нем и Налоговом кодексе РФ. Немаловажное значение связано и с тем, что выкуп ЦФА или исполнение обязательства по ним в иной форме нормативно в Законе о ЦФА сформулировано очень обобщенно как вид и объем прав, удостоверяемых ЦФА, которые должны быть отражены в решении о выпуске ЦФА (подпункт 3 пункта 1 статьи 3 Закона о ЦФА). Отсутствие специальных требований к конкретизации в этой части снижает степень обеспечения интересов инвесторов или иных приобретателей ЦФА. В этой связи возможно внесение уточнений в текст подпункта 3 пункта 1 статьи 3 Закона о ЦФА, дополнив его абзацами вторым и третьим следующего содержания:

«порядок исполнения обязательств лица, выпускающего цифровые финансовые активы и (или) цифровые права, включающие одновременно цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, удостоверенных выпускаемым цифровым финансовым активом и (или) цифровым правом, включающим одновременно цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, путем выкупа или в иной форме;

под выкупом цифрового финансового актива и (или) цифрового права, включающего одновременно цифровой финансовый актив и утилитарное цифровое право, понимается операция по исполнению лицом, выпустившим эти цифровой финансовый актив и (или) цифровое право, своего обязательства, удостоверенного этими цифровым финансовым активом и (или) цифровым правом, путем выплаты денежных средств либо передачи ценных бумаг, товаров, иного имущества (выполнения работ, оказания услуг, передачи исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и (или) прав использования результатов интеллектуальной деятельности) в соответствии с условиями решения о выпуске этих цифрового финансового актива и (или) цифрового права».

Определим круг операций, охватываемых термином «обращение

ЦФА». Его понятие Законом о ЦФА не определено, однако очевидно, что речь идет о переходе прав, удостоверенных ЦФА, к новому приобретателю, осуществляемому по различным основаниям. Так, Закон о ЦФА прямо закрепляет, что в рамках информационной системы записи о ЦФА вносятся или изменяются по указанию разных лиц: лица, осуществляющего выпуск ЦФА, обладателя ЦФА, иных лиц. Основанием для такого указания могут являться действия, совершенные в рамках сделки или иные действия, предусмотренные Законом о ЦФА¹.

В самом законе упоминаются такие сделки как купля-продажа и иные сделки, в том числе обмен ЦФА (статья 10 Закона о ЦФА). Однако в литературе можно встретить указание на то, что использование ЦФА в сделках обмена не допускается.

В пункте 10 статьи 4 Закона о ЦФА установлен запрет на использование ЦФА в качестве средства расчетов, за исключением тех, которые прямо предусмотрены в федеральном законодательстве, появившийся в тексте закона спустя два года после его вступления в действие. Некоторые специалисты оценили данную меру в расширительном смысле как фактический запрет и на обмен ЦФА на иные активы².

Вряд ли в полной мере с этим можно согласиться, т.к. возможность обмена предусмотрена в самом Законе о ЦФА – обмен на иные цифровые права, выпущенные в различных информационных системах, в том числе в инвестиционных платформах (статья 10 данного закона).

В другом федеральном законе – Налоговом кодексе РФ – регламентированы правила исчисления налога на доходы физических лиц по сделкам мены ЦФА (в том числе и гибридного) не только на иные ЦФА, но и иные имущественные права и иное имущество (статья 214.11 НК РФ). Из чего

¹ Пункт 2 статьи 4 Закона о ЦФА.

² См.: Дружинин И.Д., Муратова С.А. Отдельные проблемы правового регулирования цифровых прав // Цивилист. 2023. № 6. С. 32.

можно заключить, что это еще одно исключение из общего запрета, т.е. сделки по обмену ЦФА на иные товары, имущественные права, в том числе цифровые права допустимы.

Однако в самом Законе о ЦФА эта возможность четка не прописана, поэтому на фоне новизны данного финансового инструмента действительно может толковаться правоприменителями ограничительно. В частности, нужно обратить внимание на то, что оператор обмена ЦФА обязан не обеспечивать заключение сделок между владельцами ЦФА, если они совершаются с нарушением запрета, закрепленного в пункте 10 статьи 4 Закона о ЦФА (пункт 10.1 статьи 10 данного закона) и при этом за несоблюдение этих требований в отношении оператора обмена могут быть применены такие принудительные меры как ограничение деятельности или требование о замене лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа (пункт 17 статьи 10 этого же закона). В этой связи представляется необходимым формирование Центральным банком РФ официальных разъяснений о допустимом круге сделок с ЦФА и пределах их оборотоспособности.

Примером более четкого изложения является регламентация оборотоспособности УЦП в соответствии с Федеральным законом о привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ. Из содержания статьи 8 данного закона следует, что УЦП могут приобретаться участниками инвестиционной платформы, а также лицами, не являющимися участниками инвестиционной платформы (т.е. не являющимися инвесторами или лицами, привлекающими инвестиции), получившими доступ к инвестиционной платформе. УЦП могут приобретаться, отчуждаться и обмениваться на УЦП другого вида, запрещается принимать УЦП в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, выполненные работы, оказанные услуги или иного способа оплаты утилитарными цифровыми правами, за исключением внешнеторговых сделок и иных случаев, прямо

предусмотренных федеральными законами¹.

На этой основе можно сделать вывод, что аналогичная модель ограничения оборотоспособности присуща и ЦФА. Высказывается мнение, что данные ограничения направлены на пресечение возможных нарушений прав субъектов экономической деятельности, незаконных махинаций с применением цифровых прав, а также с целью обеспечения государственного контроля в сфере их оборота², с чем трудно в полной мере согласиться. Контроль в сфере оборота цифровых прав обеспечивается посредством требований к деятельности операторов информационных систем и контроля за их соблюдением. Незаконные махинации возможны в любой сфере экономической деятельности, например, широко представлены в сфере денежных операций физических лиц, что не является поводом для введения ограничений на совершение таких операций физическими лицами. Очевидно, что в основе этого ограничения лежит потребность осуществлять контроль за процессом развития нового рынка, что, как представляется, приводит к его дестимулированию. Как было отмечено в предыдущих главах данной работы, развитие криптоинструментов основывается на развитии и широком внедрении в практику экономической деятельности соответствующих технологий. Запрос бизнеса на получение таких технологий обуславливает желание потенциальных инвесторов вкладываться в рискованные разработки. Отсутствие у бизнеса понимания, что ЦФА как новые инструменты являются для него выгодным, влечет отсутствие интереса к финансированию соответствующих разработок и нежелание приобретать разработанные продукты. Можно согласиться с мнением Т.В. Дерюгиной о том, что нормативное регулирование ограничения на круг совершаемых с ЦФА сделок выглядит недоработанным, законодатель, ограничивая субъективное право обладателя ЦФА на его сво-

¹ В редакции Федерального закон от 11 марта 2024 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

² См.: Дружинин И.Д., Муратова С.А. Указ. работа. С. 31.

бодный оборот, не предпринял попытки вычислять те обязательства, которые будут затронуты этим запретом, устанавливая исключения из общего правила¹.

Поскольку ЦФА фиксирует цифровые права, то сделки, совершение которых с ними допустимы, определяются правовым режимом цифровых прав, складывающимся из положений гражданского законодательства и ограничений, установленных специальным законодательством. Так, согласно ст. 141.1 ГК РФ, в рамках информационной системы с цифровым правом возможны «осуществление, распоряжение, в том числе передача, залог, обременение цифрового права другими способами или ограничение распоряжения цифровым правом». При этом Законом о ЦФА установлены ограничения по распоряжению этим активом, в частности, запрет на операции, в которых ЦФА выступает в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за товары, работы, услуги, иного способа, позволяющего предполагать оплату ими, за исключением внешнеторговых сделок и иных случаев, прямо предусмотренных законом².

В данном контексте следует согласиться с А.В. Шамраевым, который видит целесообразным детализировать на уровне закона порядок обращения ЦФА в информационной системе (например, в ст. 2 Закона о ЦФА упоминается зачисление ЦФА первому владельцу без дальнейшего указания на способы передачи или перечисления ЦФА между владельцами, моменты безотзывности и окончательности операций, процедуры их подтверждения) и при совершении сделок с операторами обмена ЦФА. В действующей редакции Закона о ЦФА вопросы обращения ЦФА отнесены к сферам правил информационной системы ЦФА (статья 5) и правил обмена ЦФА (статья 11), что в

¹ См.: *Дерюгина Т.В.* О цифровом финансовом активе как инвестиции и запрете встречного предоставления: коллизии правового регулирования // *Гражданское право. 2023. № 1.* С. 16.

² Пункт 10 статьи 4 Закона о ЦФА.

силу новизны предмета законодательного регулирования может приводить к использованию участниками финансового рынка различных конструкций для описания порядка распоряжения ЦФА, порождая для пользователей систем правовую неопределенность¹, в том числе в вопросах налогообложения.

Таким образом, операции с цифровыми финансовыми активами законодательно ориентированы на используемую информационную систему и функционирование специальных субъектов указанных правоотношений, таких как операторы информационных систем и операторы обмена ЦФА. В Законе о ЦФА содержится упоминание о таких видах сделок как купля-продажа и обмен ЦФА на другие ЦФА или другие цифровые права, включая ЦФА, выпущенные в соответствии с иностранным законодательством, или цифровые права, которые включают как ЦФА, так и другие цифровые права. Также возможен обмен на иные товары при условии соблюдения базового запрета: ЦФА не могут выполнять функции платежного средства, за исключением расчетов по внешнеторговым сделкам.

Изложенное позволяет в качестве основных операций с ЦФА выделить следующие: выпуск ЦФА; операции, опосредующие обращение ЦФА (купля-продажа ЦФА; обмен ЦФА; безвозмездная передача ЦФА); прекращение обязательств по ЦФА (выкуп ЦФА или исполнение в иной форме).

2.1.3. Содержание операций с цифровыми финансовыми активами

Перейдем к рассмотрению содержательных аспектов операций с ЦФА и их налогово-правовых последствий.

Первостепенное значение для появления цифровых финансовых активов на рынке имеет их выпуск. Как уже было обозначено выпуск ЦФА следу-

¹ См.: *Шамраев А.В.* Цифровые финансовые активы: международные подходы к регулированию и их влияние на российское право // *Банковское право.* 2021. № 1. С. 74.

ет рассматривать как операцию, поскольку ее осуществление влечет возникновение гражданско-правовых прав и обязанностей у субъектов, осуществляющих выпуск и приобретающих выпущенные ЦФА. Совершение действий по выпуску и приобретению выпущенных ЦФА формирует и налоговые правоотношения, т.к. данными субъектами в результате получены доходы и/или осуществлены расходы, подлежащие учету в целях налогообложения.

Выпуск ЦФА может быть осуществлен физическими лицами, зарегистрированными в качестве индивидуальных предпринимателей, а также коммерческими и некоммерческими организациями. Ограничение круга субъектов, обладающих правом выпуска ЦФА, связано только с определенными видом ЦФА, а именно ЦФА на права участия в капитале (акции) акционерного общества, которые не могут выпускать публичные акционерные общества, а непубличные могут это делать только при условии, что ранее не были выпущены акции не в виде ЦФА. То есть в силу пункта 2 статьи 1, пункта 1 статьи 13 Закона о ЦФА акции могут быть выпущены в виде ЦФА только вновь образуемыми непубличными акционерными обществами.

Следует обратить внимание на неудачную формулировку пункта 1 статьи 13 Закона о ЦФА, которая приводит к искаженному восприятию изложенного в нем положения о данном запрете, когда делается вывод о том, что вновь образуемые публичные акционерные общества также могут выпускать акции в форме ЦФА¹. Однако в силу определения ЦФА, закрепленного в пункте 2 статьи 1 Закона о ЦФА, цифровую форму в виде ЦФА могут иметь только акции непубличного акционерного общества. Кроме того, следует обратить внимание, что все содержание статьи 13 Закона о ЦФА посвящено особенностям выпуска и обращения цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале непубличных акционерных обществ. В этой связи целесообразно скорректировать текст пункта 1 данной статьи и

¹ См.: *Жданова О.А.* Указ. работа. С. 52-53.

изложить его в следующей редакции: «1. Запрещается выпуск цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале публичного акционерного общества (акции публичного акционерного общества, выпущенные в виде цифровых финансовых активов). Запрещается выпуск акций непубличного акционерного общества в виде цифровых финансовых активов, если ранее была осуществлена эмиссия акций данного общества не в виде цифровых финансовых активов».

Выпуск ЦФА, с точки зрения некоторых ученых, близок к конструкции эмиссии ценных бумаг, на основе чего подобные криптоактивы предлагается признать разновидностью бездокументарных ценных бумаг¹. Однако эмиссия ценных бумаг, согласно статье 19 Федерального закона «О рынке ценных бумаг», состоит из конкретных этапов, которые в случае выпуска ЦФА отсутствуют. Процессы выпуска и обращения ЦФА отличаются от выпуска бездокументарных ценных бумаг по субъектам, инфраструктуре и правовому регулированию. На данном этапе этот подход внедрен законодателем сознательно в пункте 11 статьи 1 Закона о ЦФА, чтобы «не было смешения между правовыми сущностями»². Представляется, что именно это и формирует их как новый финансовый инструмент, позволяя расширить арсенал инвестиционных средств³.

Инвестиционный характер, сходство с ценными бумагами, а также широкая зарубежная практика становятся основой для предложения обозначать выпуск ЦФА как эмиссию токенов. Так, например, К.Б. Раздорожный предлагает ввести данное понятие в научный оборот и понимает под эмиссией то-

¹ См.: Саурин А.А. Право собственности на деньги (конституционно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 5. С. 51-56.

² Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии. С. 127. 124-134.

³ См.: Савельев А.И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. 2-е изд. М., 2016. С. 151.

кенов «совокупность общественных отношений, связанных с направленным на привлечение инвестиционных средств выпуском и обращением интернет-пространстве токенов, удостоверяющих определенные имущественные права инвестора по отношению к эмитенту таких токенов»¹.

Обращает на себя внимание, что в этом предложении эмиссия токенов охватывает не только их выпуск, но и дальнейшее их обращение, с чем вряд ли целесообразно согласиться, поскольку каждая последующая после выпуска сделка на этой основе должна рассматриваться как продолжение выпуска. Данное замечание поднимает вопрос о временных пределах выпуска ЦФА, в частности, о том, с какого момента ЦФА следует признавать выпущенными.

В соответствии с Законом о ЦФА выпуск ЦФА могут осуществлять индивидуальные предприниматели и юридические лица.

В литературе в этой связи отмечается, что выпуск ЦФА может осуществляться любыми лицами, которые вправе осуществлять предпринимательскую деятельность². Однако это не совсем так. Согласно пункту 1 статьи 23 ГК РФ граждане могут осуществлять отдельные виды предпринимательской деятельности и без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя. В частности, такая возможность закреплена Федеральным законом «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»». Согласно этому закону, физические лица, перешедшие на данный налоговый режим, могут осуществлять деятельность без регистрации в качестве индивидуальных предпринимателей. Однако такая возможность допустима только по тем видам деятельности, по которым федеральными законами не предусмотрена обязательная ре-

¹ См.: *Раздорожный К.Б.* Указ. работа. С. 11-12.

² См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии. С. 127.

гистрация в качестве индивидуального предпринимателя¹. Согласно подпункту 1 пункта 3 статьи 2 Закона о ЦФА выпуск могут осуществлять только физические лица, зарегистрированные в качестве индивидуальных предпринимателей.

Для субъектов, намеревающихся осуществить выпуск ЦФА, на законодательном уровне закреплено требование о формировании правовой основы такого выпуска в форме решения о выпуске ЦФА, которое должно размещаться в информационной системе и на сайте лица, выпускающего ЦФА. Решение о выпуске ЦФА определяет, что собой представляет лицо, выпускающее ЦФА, и что представляет собой сам ЦФА с точки зрения содержащихся в нем прав. Поэтому закон предъявляет строгие требования к этому документу². Несмотря на обширность требований к решению о выпуске ЦФА, закрепленных в статье 3 Закона о ЦФА в нем все же отсутствуют базовые для обеспечения интересов приобретателей ЦФА. Например, как было отмечено выше, отсутствуют положения, требующие максимальной детализации обязательства эмитента в целях обеспечения интересов лиц, приобретающих выпущенные ЦФА.

Для того, чтобы соблюсти данное условие лицо, выпускающее ЦФА, должно иметь доступ к информационной системе в качестве ее пользователя, т.е. соответствующим образом оформленное пользование услугами оператора информационной системы.

Справедливо отмечается, что с точки зрения обращения ЦФА принци-

¹ См.: пункт 6 статьи 2 Федерального закона от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. 2018. № 49 (ч. I). Ст. 7494; 2024. № 33 (ч. I). Ст. 4955.

² См.: *Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г.* Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии. С. 127.

пиальным является фиксация права на ЦФА за определенным лицом¹. Для этого лицо, желающее вступить в правоотношения в качестве обладателя прав по ЦФА, также должен получить доступ к информационной системе в качестве ее пользователя. Между ним и лицом, выпускающим ЦФА, посредством информационных технологий заключается договор о приобретении прав, удостоверенных ЦФА, после чего лицо, выпускающее ЦФА, делает запись в информационной системе о приобретении таких прав контрагентом. С момента внесения в информационную систему записи о приобретении инвестором прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, инвестор приобретает статус первого обладателя ЦФА².

Изложенное позволяет заключить, что сущность выпуска финансовых активов как операции заключается в том, что с учетом специфики их цифровой природы осуществляется процесс создания указанных активов путем токенизации (цифрового обозначения) имущества или денежных обязательств лица, выпускающего ЦФА, предлагаемых и покупаемых через специальную инфраструктуру (информационную систему конкретного оператора). Процедуру выпуска ЦФА следует считать завершенной с момента зачисления выпущенного ЦФА на счет первого обладателя ЦФА.

В научной литературе отмечается, что, несмотря на кажущуюся очевидность процесса выпуска ЦФА, правовое регулирование в этой части не лишено проблем. В частности, выпуск цифровых прав должен приводить к упрощению и снижению издержек оборота закрепленных ими правомочий (прав, обязательств), однако в действующих координатах регулирования усматриваются обратные тенденции: излишнее усложнение, умножение сущностей, инфраструктурная избыточность, «зарегулированность»³. С этим

¹ Там же. С. 128.

² Подробнее см.: *Садков В.А.* Указ. работа. С. 169-170.

³ См.: *Чиклаев Р.В.* Правовые и экономические основания оборота цифровых прав // *Ex jure.* 2022. № 2. С. 48.

тезисом можно в полной мере согласиться, хотя он объясним новизной этого инструмента, в силу которого его функциональность в настоящее время не очень понятна потенциальным потребителям. Однако на этой основе можно сформулировать и важное обобщение: правовое регулирование ЦФА как нового инструмента, его обособление от традиционных финансовых инструментов должно формироваться с учетом принципа доступности этого инструмента для использования широким пулом субъектов, в том числе за счет упрощения процедуры выпуска ЦФА по сравнению с эмиссией ценных бумаг.

Следует заметить, что выпуск ЦФА в контексте налогово-правовой терминологии приравнивается к реализации ЦФА, что более подробно будет рассмотрено в третьей главе данного исследования.

Закон о ЦФА содержит такое понятие как «обращение цифровых финансовых активов», хотя не определяет его в качестве понятия. Представляется возможным использовать по аналогии законодательство о ценных бумагах, в соответствии с которым под обращением понимается заключение гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав собственности.

Сделки, совершаемые в процессе обращения цифровых финансовых активов, были предметом научного анализа в диссертационной работе В.А. Садкова. Автор, в частности, дифференцировал данные сделки на две основные группы: сделки, совершаемые с целью бесповоротной смены владельца прав, удостоверенных ЦФА, и сделки, совершаемые с целью передачи таких прав другому лицу на определенный срок. Такие сделки могут быть заключены на возмездной или безвозмездной основе, могут быть оформлены как односторонние акты, так и двусторонние или многосторонние соглашения. К числу сделок, направленных на смену владельца ЦФА автор отнес: договор продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие права, удостове-

ренные по конструкции ЦФА, в том числе и на права, удостоверенные по конструкции ЦФА, другого вида; договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие цифровые права; договор обмена прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, на другие объекты гражданских прав; договор дарения прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; переход прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в порядке наследственного договора. Договор финансирования под уступку денежного требования, удостоверенного по конструкции ЦФА, не имеет существенных отличий от договора продажи прав, удостоверенных по конструкции ЦФА¹.

К сделкам, предусматривающим временную передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, без смены правообладателя, В.А. Садков относит: передачу прав, удостоверенных по конструкции ЦФА, в доверительное управление, на депонирование (в том числе и по типу условного депонирования); залог прав, удостоверенных по конструкции ЦФА; сделки, осуществляемые по конструкции продажи с правом (обязательством) обратного выкупа (по правилам, схожим с договором репо)².

Законодательно закрепленный запрет на использование ЦФА в качестве платежного средства даже применительно к той информационной системе, в которой они были выпущены, обуславливают закономерный вывод о том, что ЦФА могут выступать объектом купли-продажи, а также встречным предоставлением в сделках мены³. Однако в этом моменте следует согласиться с рассуждениями В.А. Садкова, отмечающего, что конструкция договора мены рассчитана на оборот вещей, а не нематериальных объектов и предлагающего в этой связи ввести в законодательный оборот новую кон-

¹ См.: Садков В.А. Указ. работа. С. 15-25.

² Там же. С. 25-26.

³ См.: Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г. Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии. С. 130.

струкцию – договор обмена¹.

Обращение ЦФА прекращается фактом погашения в системе учета информационной системы данного ЦФА. Погашение ЦФА допустимо по двум основаниям: 1) при исполнении лицом, выпустившим ЦФА, своих обязательств, удостоверенных ЦФА, т.е. на основании выкупа ЦФА; 2) по истечении одного года со дня, когда лицо, выпустившее ЦФА, стало их обладателем² на основании совершения каких-либо сделок.

Изложенное в этой части исследования позволяет сформулировать следующие обобщения.

Субъекты правоотношений, возникающих при совершении операций с ЦФА, могут быть подразделены на две группы: лица, оказывающие услуги, связанные с выпуском и обращением ЦФА; и лица, осуществляющие пользование данными услугами. Терминологический ряд, обозначающий субъектов, осуществляющих пользование услугами, связанными с выпуском и обращением ЦФА, может показаться чрезмерным, однако он оправдан новизной данной сферы отношений как для участников, так и для правоприменителей.

В Законе о ЦФА к числу операций отнесены такие действия как выпуск, учет и обращение ЦФА. Однако учет не является операцией, выступает действием, которое фиксирует совершение перечисленных операций в информационной системе, т.е. подтверждает юридический факт возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей. Погашение ЦФА также не может рассматриваться как операция с такими активами, поскольку термин «погашение ЦФА» отражает действие, которое должно осуществляться в системе учета информационной системы, а термин «выкуп ЦФА» - действия обязанных по ЦФА лиц, порождающие гражданско-правовые последствия и подлежащие отражению в учете.

В Российской Федерации круг сделок с цифровыми финансовыми ак-

¹ См.: Садков В.А. Указ. работа. С. 121.

² См.: пункт 4 статьи 4 Закона о ЦФА.

тивами не ограничен при условии соблюдения базового запрета: они не могут быть платежным средством (за исключением внешнеторговых сделок).

В качестве основных операций с ЦФА выделены следующие: выпуск ЦФА; операции, опосредующие обращение ЦФА (купля-продажа ЦФА; обмен ЦФА; иные сделки с ЦФА); прекращение обязательств по ЦФА (выкуп ЦФА или исполнение в иной форме). Данные операции являются юридическими фактами, которые учитываются в целях обложения налогами на добавленную стоимость, прибыль организаций, доходы физических лиц. Как налогооблагаемые события данные операции могут быть конкретизированы дополнительно следующим образом: выпуск цифрового права; отчуждение цифрового права на возмездной (реализация или обмен цифрового права) или безвозмездной основе; приобретение цифрового права на возмездной или безвозмездной основе; выкуп цифрового права. Безусловно, в круг операций с ЦФА следует также добавить услуги операторов информационных систем.

2.2. Учет доходов, расходов и убытков по операциям с цифровыми финансовыми активами в целях налогообложения в Российской Федерации

До 2022 года законодательство Российской Федерации о налогах и сборах не регламентировало порядок налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами, в связи с чем применялся общий порядок налогообложения доходов физических лиц и прибыли организаций, регламентированный гл. 23 и 25 НК РФ соответственно. Минфином России в 2019 году, в частности, разъяснялось, что для целей налогообложения при совершении сделок с цифровыми правами налогообложение осуществляется в общем порядке, установленном для имущественных прав положениями части второй

НК РФ¹. Однако это создавало существенную разницу в условиях налогообложения между традиционными финансовыми инструментами и новыми цифровыми.

Федеральным законом от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» правила налогообложения операций с ЦФА были существенно скорректированы. Основная цель данной корректировки была связана с устранением различий в налогообложении операций с ЦФА и аналогичных по своему содержанию операций с ценными бумагами и иными традиционными финансовыми инструментами. Так, например, сделки с ценными бумагами не облагаются НДС, при получении дохода по таким сделкам физическими лицами или организациями налогообложению подлежит финансовый результат, а не валовый доход. Финансовый результат деятельности определяется как разница между общей суммой доходов и расходов на производство и реализацию продукции с учетом убытков от хозяйственных операций², всех или отдельных их видов. Аналогичные правила ранее не были предусмотрены для операций с ЦФА, что сводило к нулю какой-либо интерес к ним как в части выпуска, так и дальнейшего обращения.

Действующая ныне модель налогообложения операций с ЦФА устраняет данный налоговый арбитраж между ЦФА и традиционными финансовыми инструментами и, в целом, может быть охарактеризована следующим образом.

Посредник операций с ЦФА (оператор информационной системы и оператор обмена) получает доход, являющийся вознаграждением за оказываемые им услуги, а, следовательно, облагается налогом на прибыль организа-

¹ Письмо Минфина России от 4 декабря 2019 г. № 03-03-06/1/94158 «О налогообложении операций с цифровыми правами» // СПС «КонсультантПлюс»

² См.: *Балихина Н.В.* Финансы и налогообложение организаций: Учебник / Н.В. Балихина, М.Е. Косов. М, 2018. С. 156-158.

ций, т.к. оператором информационной системы или обмена может быть только юридическое лицо. Реализация услуг операторов, связанных с выпуском и обращением ЦФА, освобождена от обложения НДС, за исключением консультационных услуг и услуг по предоставлению прав пользования компьютерными программами. От налога на добавленную стоимость освобождены также операции по реализации ЦФА, но данное освобождение касается только ЦФА. Если цифровое право имеет гибридный характер и включает в себя также утилитарные цифровые права (далее – УЦП), на них будет распространяться обязанность по уплате НДС¹. Оплата, полученная лицом при выпуске такого гибридного цифрового права, также формирует налоговую базу по НДС для эмитента². Таким образом, операции с гибридными цифровыми правами не освобождаются от НДС по общему правилу, но имеется исключение: если гибридное цифровое право связано с правами на товары, работы, услуги, реализация которых обычно освобождена от НДС или облагается по ставке 0 %, то в этом случае и операции с гибридным цифровым правом также будут освобождены от НДС.

Обладатель ЦФА в случае его отчуждения будет выступать налогоплательщиком налога на доходы (прибыль)³. Налогообложение доходов владельца ЦФА при его реализации будет определяться как финансовый результат, т.е. разница между доходом, полученным от реализации и расходами на приобретение и владение данным активом. Владелец ЦФА может получать доход не только от его реализации, но и от хранения, если решение о выпуске ЦФА предусматривает регулярные или единовременные выплаты денежных средств держателям ЦФА. В отношении таких доходов владелец ЦФА также будет выступать плательщиком налога на доходы (прибыль). Следует

¹ См.: пункт 6 статьи 155 НК РФ.

² См.: абзац 3 пункта 1 статьи 154 НК РФ.

³ В зависимости от категории лица, отчуждающего ЦФА, - физическое или юридическое лицо.

отметить, что подобная модель налогообложения характерна для налогообложения операций с ценными бумагами¹. Порядок налогообложения операций с акциями непубличного акционерного общества распространен на налогообложение операций с ЦФА, удостоверяющими права участия в капитале непубличного акционерного общества².

Проанализируем действующее правовое регулирование более подробно в аспекте учета доходов, расходов и убытков от операций с ЦФА в целях налогообложения.

В исчислении суммы НДС имеются существенные особенности в зависимости от того, с каким объектом связана операция – с чистым ЦФА или гибридным, т.е. цифровым правом, включающим в себя одновременно и ЦФА и УЦП.

Согласно подпункту 38 пункта 2 статьи 149 НК РФ, реализация ЦФА освобождена от уплаты данного налога. В этой связи интересен вопрос об основании такого освобождения и его юридическом оформлении в российском налоговом законодательстве.

В зарубежной практике основанием для освобождения операций по реализации криптоактивов выступает их квалификация в качестве валюты, используемой в расчетах, что по общему правилу не рассматривается как налогооблагаемое событие, поскольку валюта, в том числе и криптоактивы, по своей природе не являются товаром и поэтому не подпадают под сферу действия указанного налога. Данный вывод был подтвержден решением Суда Европейского союза, согласно которому операции с криптоактивами в соот-

¹ См.: *Татоян А.А.* Операции с цифровыми финансовыми активами в России и за рубежом: понятие, сущность и особенности для целей налогообложения // *Образование и право.* 2022. № 12. С. 101-105.

² См.: пункт 22 статьи 280 НК РФ.

ветствии с Директивой НДС¹ представляют собой предоставление услуг, в т.ч. обмен, с получением вознаграждения, а именно маржи, созданной разницей между ценой покупки и ценой продажи². Как правило, НДС взимается только с реализации работы, товаров и услуг, в обмен на которые переданы криптоактивы, но непосредственно сам криптоактив объектом налогообложения не является. Такой подход обеспечивает сходный правовой режим расчетов с использованием криптоактивов и платежами в фиатной валюте и исключает двойное налогообложение, возникающее в результате платежей с использованием криптоактивов (то есть взимание косвенного налога как на поставку криптоактива, так и на встречную поставку товара или услуги). Однако в некоторых странах Европейского Союза могут быть приняты и отличающиеся правила. Например, в Германии в 2018 г. было опубликовано руководство по порядку правового регулирования налогообложения оборота криптовалют в части обложения налогом на добавленную стоимость. В соответствии с данным руководством, операции по обмену криптовалюты на денежные средства и наоборот влекут возникновение добавленной стоимости, которая подлежит налогообложению, по аналогии с договором купли-продажи, но на добавленную стоимость, возникшую в результате конвертации криптовалюты, распространяется льготный режим налогообложения НДС. При этом если криптовалюта используется исключительно в качестве платежного средства, то такие операции вообще не облагаются НДС³. По

¹ Directive 2006/112/CE du Conseil, du 28 novembre 2006, relative au système commun de taxe sur la valeur ajoutée (JO L347 du 11 décembre 2006). URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/HTML/?uri=CELEX:32006L0112> (дата обращения: 09.01.2023).

² Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 22 October 2015 (request for a preliminary ruling from the Högsta förvaltningsdomstolen — Sweden) — Skatteverket v David Hedqvist. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=172954&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=3583> (дата обращения: 09.01.2023).

³ Bundesministerium der Finanzen [BMF], BMF-Schreiben. Umsatzsteuerliche Behandlung von Bitcoin und anderen sog. virtuellen Währungen; EuGH-Urteil vom 22. Oktober 2015, C-264/14, Hedqvist (BMF letter), Feb. 27, 2018, at 1 & 2. URL: <https://perma.cc/NMB8-6WYV> (дата обращения: 15.03.2022).

аналогичному пути пошел ряд стран постсоветского пространства (Белоруссия, Грузия, Узбекистан) полностью освободившие обмен криптоактивов от налогообложения НДС.

Близкое правило закреплено и в российском законодательстве: в статье 39 НК РФ прямо определено, что операции, связанные с обращением российской или иностранной валюты (за исключением целей нумизматики), не образуют реализацию этой валюты (пункт 3 данной статьи). При этом очевидно, что ЦФА не рассматриваются российским законодателем как российская или иностранная валюта, т.е. причина освобождения операций с ЦФА от обложения НДС заключается не в этом.

Прежде всего в этом реализуется подход по устранению различий правового регулирования операций со сходными по своей сути продуктами – ценными бумагами и иными финансовыми инструментами, сделки с которыми традиционно освобождены от НДС. Центральный банк РФ в своем докладе о развитии рынка цифровых финансовых активов, выпущенным в 2022 году, подчеркивал, что цифровые права, которые по своему содержанию выступают прямым аналогом традиционных финансовых инструментов, должны иметь сходное правовое регулирование, исходя из принципа «одинаковое содержание и риски – одинаковое регулирование»¹.

Также возможно предположить, что данное освобождение является мерой стимулирующего характера, направленной на создание благоприятных условий для развития нового рынка цифровых финансовых активов. Это означает, что в основе этого освобождения находятся не экономические основания, а политические, следовательно, они могут быть скорректированы и на эти операции может быть распространено налогообложение добавленной стоимости.

Следует обратить внимание на имеющееся в настоящее время в Нало-

¹ См.: Развитие рынка цифровых финансовых активов в Российской Федерации. Доклад Банка России для общественных консультаций. М., 2022. С.15.

говом кодексе РФ недостаточно корректное юридическое оформление цифровых прав как объекта налогообложения.

В соответствии со статьей 38 НК РФ реализация товаров, работ, услуг, а также имущество сами по себе способны выступать объектом налогообложения, если в отношении них не установлено специального освобождения. Под имуществом в целях налогообложения понимаются все виды объектов гражданских прав, отнесенных к имуществу в соответствии с Гражданским кодексом РФ, в том числе некоторые имущественные права, прямо перечисленные в данной статье: бездокументарные ценные бумаги и безналичные денежные средства (пункт 2 статьи 38 НК РФ). Исходя из этого содержательного ограничения понятия «имущества» в целях налогообложения определяется и понятие товара, под которым понимается любое имущество, если оно предназначено для реализации или реализовано (пункт 3 статьи 38 НК РФ).

Обращает на себя внимание, что цифровые права, которые в соответствии со статьей 128 ГК РФ¹ отнесены к разряду иного имущества, прямо в оговорках и определениях, представленных в статье 38 НК РФ не предусмотрены, из чего можно сделать вывод, что они не относятся к имуществу в смысле категорий налогового законодательства, т.е. их реализация не может быть объектом налогообложения ни в виде имущества, ни в виде реализуемого товара.

Между тем это не так, поскольку реализация утилитарных цифровых прав порождает налоговые обязанности по уплате НДС. Поскольку УЦП представляет собой имущественное право, отличное по своей правовой природе от бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств, их следует перечислить в тексте статьи 38 НК РФ.

В этой связи представляется необходимым внести дополнения в абзац

¹ В редакции Федерального закона от 24 июля 2023 г. № 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

второй пункта 2 статьи 38 НК РФ и изложить его в следующей редакции: «2. Для целей настоящего Кодекса не признаются имуществом имущественные права, за исключением безналичных денежных средств, бездокументарных ценных бумаг и утилитарных цифровых прав».

В целях налогообложения выпуск ЦФА следует признать их реализацией. Из комплексного толкования положений статей 2 и 3 Федерального закона о ЦФА можно заключить, что выпуск ЦФА осуществляется посредством приобретения выпущенных ЦФА и их зачисления на счет первого обладателя в результате их оплаты или иного встречного предоставления. Таким образом выпуск ЦФА считается состоявшимся при их фактической реализации первым потребителям, но эта первичная реализация, как и последующие реализации, в случае если первый обладатель ЦФА совершает с ними сделки по передаче прав на них иным лицам, освобождены от обложения НДС.

Таким образом, выпуск ЦФА не является фактом, порождающим налоговые обязанности по уплате НДС у лица, выпускающего ЦФА, в силу прямого указания, имеющегося в подпункте 38 пункта 2 статьи 149 НК РФ, операции по реализации ЦФА освобождены от НДС.

Однако это освобождение не применяется в отношении гибридных ЦФА, т.е. цифровых прав, включающих одновременно и ЦФА, и утилитарные цифровые права. Если выпуск гибридного ЦФА связан с поступлением оплаты от первичного обладателя, то в соответствии с пунктом 1 статьи 154 НК РФ такая оплата приравнивается к предоплате по будущей поставке товаров, выполнения работ, оказания услуг или передачи имущественных прав, которая подлежит включению в налоговую базу. Это правило не применяется, если товар, работа, услуга или имущественное право, по которым выпущено гибридное ЦФА (далее – предмет гибридного ЦФА) освобождены от НДС или его ставка составляет 0 %.

При этом сохраняется неясность в отношении налогообложения ЦФА, которое входит в состав гибридного цифрового права. Представляется, что в соответствии с логикой сформированных правил налогообложения, эта часть гибридного цифрового права должна быть освобождена от уплаты НДС. Однако новизна нового цифрового финансового инструмента может вызвать затруднения на практике при оценке ситуаций. В этой связи представляется необходимым внести уточнение в подпункт 38 пункта 2 статьи 149 НК РФ и изложить его в следующей редакции: «38) цифровых финансовых активов, в том числе в составе цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права;».

Из подпункта 8 пункта 1 статьи 3 Федерального закона о ЦФА оплата за выпущенные ЦФА от первого приобретателя может поступать не только в денежной форме, но и в виде передачи иных вещей, имущественных прав, в том числе цифровых. И если это товары, реализация которых облагается по ставке 20 %, то налог должен быть начислен и уплачен первым обладателем ЦФА при отгрузке этих товаров в качестве встречного предоставления за приобретенные ЦФА. Однако, если встречным предоставлением является цифровое право в форме уже имеющегося у первого обладателя ЦФА, то начисления налога не должно производиться в силу освобождения от НДС реализации ЦФА. Такой механизм усиливает интерес к ЦФА как средству расчетов, которое может применяться в настоящее время в расчетах только за ЦФА, в том числе и гибридные, с учетом имеющегося в пункте 10 статьи 4 данного закона ограничения на использование их в качестве средства платежа или иного встречного предоставления в расчетах за товары, работы, услуги, за исключением расчетов по внешнеторговым договорам между резидентами и нерезидентами.

Начисление НДС на операцию по выпуску гибридного ЦФА влечет возникновение у налогоплательщика, выпустившего такое ЦФА, права на

вычет уплаченного НДС. Оно может быть реализовано после выкупа гибридного ЦФА при условии, что выкуп осуществлялся денежными средствами или посредством передачи товаров, работ, услуг, имущественных прав, освобожденных от НДС (пункт 5 статьи 171 НК РФ).

Изложенная модель обложения налогом на добавленную стоимость операций с ЦФА соответствует моделям налогообложения тех продуктов, которые являются основой выпущенного ЦФА. Согласно подпункту 12 пункта 2 статья 149 НК РФ не облагается НДС реализация долей в уставном (складочном) капитале организаций, долей в праве собственности на общее имущество участников договора инвестиционного товарищества, паев в паевых фондах кооперативов и паевых инвестиционных фондах, ценных бумаг и производных финансовых инструментов, за исключением базисного актива производных финансовых инструментов, подлежащего налогообложению налогом на добавленную стоимость. Это является и основой для освобождения от налога ЦФА, оформляющих возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Операции с гибридными ЦФА не освобождаются от уплаты НДС, т.к. внесение оплаты за такое ЦФА рассматривается как предоплата товара, работы, услуги, по которому выпущено УЦП, являющееся составной частью гибридного ЦФА. При этом поскольку в состав гибридного ЦФА входит кроме УЦП и чистое ЦФА, то по обязательствам чистого ЦФА налогообложения не возникает в силу общего их освобождения от НДС.

Таким образом, налог на добавленную стоимость по операциям с ЦФА формируется по моделям налогообложения реализации традиционных, нецифровых активов: ценных бумаг (иных финансовых инструментов) или товаров, работ, услуг. В этом реализуется принцип «одинаковое содержание и риски – одинаковое регулирование».

Порядок налогообложения прибыли организаций в отличие от НДС является единым как для операций с чистыми ЦФА, так и гибридными.

Средства, полученные в оплату таких ЦФА, признаются доходом лица, выпустившего ЦФА, однако порядок его учета имеет существенные различия в зависимости от условий выпуска ЦФА: предусмотрен ли их выкуп или иные денежные выплаты и, если предусмотрен, то в какие сроки он планируется к осуществлению.

Так, если по условиям выпуска ЦФА их выкуп не предполагается, поступившие от них доходы учитываются как налогооблагаемый доход на дату его поступления (пункт 3.1 статьи 271 НК РФ).

Если срок выкупа составляет более 10 лет или его точная дата не определена, то поступившие в оплату ЦФА средства должны быть учтены в доходах их получателя на дату истечения 10 лет со дня выпуска ЦФА.

Если решением о выпуске ЦФА предусмотрено, что их выкуп будет произведен в срок менее 10 лет с момента выпуска, то средства, полученные от приобретателя ЦФА, подлежат учету у лица, выпустившего ЦФА, как его доход на дату исполнения обязательства, удостоверенного ЦФА, т.е. на дату выкупа (пункт 3.1 статьи 271 НК РФ). Сумма, которая выплачивается лицом, выпустившим ЦФА, в виде их выкупа, если это предусмотрено решением о выпуске ЦФА, учитывается в расходах на день выкупа (пункт 5.3 статьи 272 НК РФ). Таким образом, налогообложение этого вида доходов строится по модели налогообложения финансового результата, которая обычно применяется при налогообложении доходов от инвестиционной деятельности, что соответствует сущности ЦФА по российскому законодательству.

Операция по приобретению выпущенного ЦФА первым обладателем также порождает возникновение у данного лица прав и обязанностей в целях исчисления налога на прибыль организаций. Их содержание определяется условиями выпуска, в частности, предусмотрены ли выкуп ЦФА выпустив-

шим их лицом, а также срок, по истечению которого прекращаются права, удостоверенные ЦФА (пункт 5.3 статьи 272 НК РФ).

В частности, средства, перечисленные первым обладателем за их приобретение, подлежат учету в расходах первого обладателя: на дату выкупа (если выкуп предусмотрен в решении о выпуске ЦФА); на дату реализации им приобретенного ЦФА (если выкуп не предусмотрен и не установлен срок действия ЦФА); равномерно в течение срока действия ЦФА (если выкуп не предусмотрен и установлен срок, по истечении которого права, удостоверенные выпущенным ЦФА, прекращаются). Поступление доходов от выкупа ЦФА отражается получателем таких доходов на дату выкупа. Таким образом, налогообложение доходов по операциям приобретения ЦФА и их выкупа для приобретателя ЦФА строится по модели налогообложения финансового результата от операции.

Обладатель ЦФА имеет право отчуждать принадлежащее ему ЦФА в форме продажи, мены, дарения. Реализация ЦФА формирует облагаемый налогом на прибыль организаций доход с учетом его уменьшения на сумму расходов, складывающихся из цены приобретения данного ЦФА и иных расходов, связанные с их приобретением и реализацией (подпункт 2.1 пункта 1 статьи 268 НК РФ).

Получение дохода по операциям с ЦФА физическими лицами формирует доход, облагаемый налогом на доходы физических лиц. Такие доходы могут поступать на основании выплат лица, выпустившего ЦФА, предусмотренных условиями их выпуска, либо в результате отчуждения ЦФА его обладателем. По условиям выпуска ЦФА могут быть предусмотрены такие выплаты как: выкуп ЦФА; дивиденды, если ЦФА удостоверяет права участия в капитале непубличного акционерного общества; иные денежные выплаты. Налогообложение доходов физических лиц по этим операциям также формируется по модели обложения финансового результата, который различается

для дивидендов и иных выплат. По дивидендам налоговую базу будет составлять весь полученный в этой форме доход; по остальным выплатам – доход, уменьшенный на величину расходов на приобретение ЦФА и иных расходов, связанных с обладанием этим ЦФА. К таким расходам, в частности, относятся расходы на приобретение ЦФА, их хранение, отчуждение и выкуп, в том числе оплата услуг операторов информационных систем, в которых выпущены ЦФА (пункты 3, 4, 6 статьи 214.11 НК РФ).

Имеются особенности в порядке учета расходов на приобретение ЦФА: в момент выкупа; равномерно в течение срока действия ЦФА (если выкуп не предусмотрен и определен срок, по истечении которого действие удостоверенных ЦФА прав прекращается); в момент отчуждения (если условиями выпуска не предусмотрены ни выкуп, ни предельный срок действия данного ЦФА, а также если выкуп предусмотрен, но обладатель ЦФА продает его раньше этого момента) (пункт 4 статьи 214.11 НК РФ). Поскольку все эти доходы учитываются в информационной системе, в которой выпущены ЦФА, на которую возложены функции налогового агента (пункт 7 статьи 214.11, статья 226.2 НК РФ), то данные обязанности можно оценить как не обременительные для налогоплательщика физического лица с организационной точки зрения.

В связи с совершением операций с ЦФА физическим лицом также может быть получен доход в натуральной форме и форме материальной выгоды. Доход в натуральной форме будет иметь место, если ЦФА получено в подарок или на ином основании полностью или частично безвозмездно (подпункт 1.2 пункта 2 статьи 211, пункт 18.1 статьи 217 НК РФ). Доходы в форме материальной выгоды констатируются, если ЦФА: приобретено у взаимозависимого лица по цене меньше рыночной стоимости данного ЦФА (пункт 3 статьи 212 НК РФ); получено в обмен на ценные бумаги, рыночная стоимость которых выше, чем сумма расходов по операциям с данным ЦФА

(пункт 4 статьи 212 НК РФ).

Таким образом, налогообложение операций с ЦФА сформировано по модели аналогичной модели налогообложения операций с ценными бумагами и иными финансовыми активами, которое в современных налоговых системах различных государств часто имеет форму налогообложения доходов от капитала.

Под капиталом обычно понимается совокупность различных активов, которыми можно владеть на законных основаниях и свободно обменивать на рынке, в частности, недвижимый капитал (здания и сооружения), финансовый капитал и профессиональный капитал (активы, используемые для производственного процесса)¹. В современном мире в форме налогообложения капитала обычно осуществляется обложение доходов, которые формируются такими видами капитала как недвижимость, ценные бумаги и иные финансовые инструменты, принадлежащие юридическим и физическим лицам. В Российской Федерации подобный налог не входит в систему налогов и сборов, однако налогообложение доходов от данных источников осуществляется на основе специальных правил, включенных в конструкцию налога на прибыль организаций и налога на доходы физических лиц.

Однако налогообложение операций с ЦФА не в полной мере дублирует налогообложение операций с ценными бумагами по российскому законодательству. Существенные особенности имеются в учете в целях налогообложения убытков, полученных в результате операций с ЦФА.

В соответствии с Налоговым кодексом РФ убытки от операций с ценными бумагами учитываются в целях налогообложения прибыли юридических лиц по разным правилам, в зависимости от того относятся ценные бумаги к обращающимся или к необращающимся на рынке ценных бумаг.

Критерии разграничения данных видов ценных бумаг определены в

¹ См.: *Пикетти Т.* Капитал в XXI веке. М., 2016. С. 61.

пункте 9 статьи 280 НК РФ. В частности, к обращающимся относятся такие ценные бумаги, которые допущены к обращению хотя бы одним организатором торговли и по ним в течение трех месяцев, предшествующих сделке с ценными бумагами, хотя бы раз рассчитывалась рыночная котировка (цена), при условии, что информация о котировках данных ценных бумаг публикуется в средствах массовой информации либо может быть предоставлена организатором торговли любому заинтересованному лицу в течение трех лет после даты совершения операций с ценными бумагами.

Доходы, расходы, а также убыток, полученный при совершении операций с обращающимися ценными бумагами, учитываются в общей налоговой базе по налогу на прибыль организаций, в то время как доходы, расходы и убыток по операциям с необрацающимися ценными бумагами подлежат отдельному учету (пункты 21 и 22 статьи 280 НК РФ). Данные условия налогообложения повышают интерес к обращающимся ценным бумагам и, соответственно, активности их владельца в их купле-продаже, поскольку возможные потери от таких операций могут быть учтены в налогообложении общей прибыли юридического лица, уменьшая налоговую базу. Напротив, держание ценных бумаг в более длительные сроки (более трех месяцев) является менее привлекательным для таких владельцев ценных бумаг, т.к. возможный убыток будет учитываться в отдельно рассчитываемой налоговой базе и может оказаться не учтенным в целях налогообложения вообще, если, например, в последующем дохода от операций с необрацающимися ценными бумагами не будет или он будет меньше полученного убытка.

Согласно статье 282.2 НК РФ обладателями ЦФА, в том числе и гибридных, налоговая база по операциям с ними определяется совокупно с необрацающимися ценными бумагами (пункт 1 данной статьи), а лицом, выпустившим гибридное ЦФА – в общей налоговой базе (пункт 2 статьи 282.2 НК РФ). Данное различие объясняется тем, что для лица, выпустившего гибрид-

ное ЦФА, цифровое право на требование предоставления товара, результатов интеллектуальной деятельности, оказания услуги или выполнения работ выступают, по сути, получением аванса по реализации соответствующих объектов и поэтому логично, что учет доходов (расходов, убытков) по таким операциям осуществляется в общей налоговой базе. Однако в гибридном ЦФА присутствует не только утилитарное цифровое право, но и чистое ЦФА, которое по общему правилу должно быть учтено в отдельной налоговой базе, что фактически не распространено на лиц, выпускающих гибридное ЦФА.

Кроме того, нельзя не отметить, что для приобретателей ЦФА, в том числе и гибридных, режим налогообложения операций с ними имеет более рискованный, а, следовательно, менее привлекательный характер.

Характерна данная модель и для налогообложения доходов физических лиц от совершения операций с ЦФА, в том числе гибридными. Статьей 214.11 НК РФ предусмотрен разный порядок учета убытков в зависимости от условий выпуска ЦФА.

В частности, специальный порядок распространен на ЦФА, в условиях выпуска которых предусмотрена выплата денежных средств в сумме дивидендов, полученных лицом, выпустившим такое ЦФА. По таким ЦФА не допускается уменьшение налоговой базы на сумму полученного убытка. По иным ЦФА, в том числе гибридным, условия выпуска которых предусматривают выплаты иных денежных средств (кроме дивидендов) убыток учитывается при исчислении налоговой базы по доходам от операций с ЦФА. Более того, доходы от операций с ЦФА могут быть также уменьшены на убыток, полученный от операций с необращающимися ценными бумагами. Но при этом не допускается перенос убытка от операций с ЦФА, в том числе гибридными, на будущие периоды (пункт 6 статьи 214.11 НК РФ).

Необходимо подчеркнуть, что в этом ограничении имеется существенное различие в порядке учета убытка от операций с ценными бумагами при

исчислении налога на доходы физических лиц. По операциям с ценными бумагами налоговая база в целях исчисления НДФЛ определяется совокупно по всем видам ценных бумаг, как обращающихся, так и не обращающихся на организованном рынке ценных бумаг (пункт 1 статьи 214.1 НК РФ). Но убыток, полученный по операциям с обращающимися бумагами, уменьшает финансовый результат только по данной категории операций (с обращающимися ценными бумагами), соответственно убыток от операций с необрацающимися ценными бумагами уменьшает финансовый результат только по операциям с ними (пункты 12, 15 статьи 214.1 НК РФ). При этом убыток по операциям с необрацающимися ценными бумагами не может быть перенесен на будущие периоды (пункт 16 данной статьи). Убыток по операциям с обращающимися ценными бумагами, не только подлежит учету при определении налоговой базы в будущих периодах (перенос убытка на будущее) в течение 10 лет, но и компенсируется посредством механизма налогового вычета, предусмотренного статьей 220.1 НК РФ. Данный вычет предоставляется в размере полученного убытка в пределах размера налоговой базы по доходам от операций с обращающимися ценными бумагами в течение последующих лет, на которые осуществляется перенос убытка.

Изложенные правила учета убытка от операций с обращающимися ценными бумагами являются существенной гарантией, компенсирующей риски операций с ними, но, как уже было отмечено, он не распространен на операции с необрацающимися ценными бумагами и ЦФА, которые в своем правовой статусе приравнены именно к необрацающимся бумагам. Затруднительно обозначить данную правовую модель налогообложения как стимулирующую интерес к новому сегменту финансового рынка.

Традиционно налоги выполняют четыре основные функции: фискальную, регулирующую, распределительную и контрольную. По мнению Н.В. Медведевой, «налоговое регулирование основано на комплексном использо-

вании всех функций налогов в их взаимосвязи и формировании мультипликационного (интеграционного) эффекта налогообложения, который характеризует общую направленность действия налоговой системы в целом, определяет ее влияние на развитие производства и экономический рост»¹. Налоговое регулирование ЦФА является важным аспектом экономической политики государства, направленным на установление четких и понятных критериев для всех субъектов, осуществляющих операции с криптоактивами. Налоговое регулирование ЦФА предполагает не только установление налоговых ставок, но и создание благоприятных условий для развития цифровой экономики, что в свою очередь способствует формированию позитивного инвестиционного климата и поддержанию конкурентоспособности национальной экономики на международной арене.

В процессе налогообложения операций с ЦФА реализуются все традиционные функции налогообложения, однако преобладающее значение, думается, должна выполнять регулирующая функция. Налоговое регулирование операций с ЦФА способно создавать финансовую основу для целесообразности вложения ресурсов в экономику отдельных хозяйствующих субъектов, так как именно налоговые инструменты обеспечивают или повышение заинтересованности субъектов предпринимательства и инвесторов во вложении капитала в цифровые финансовые активы, или, наоборот, значительно снижают такую заинтересованность². Регулирующее воздействие на сферу обращения ЦФА способны оказывать такие налогово-правовые инструменты как освобождение от налогообложения, налоговые льготы, пониженные налоговые ставки. Данное регулирующее воздействие обеспечивает благоприятные условия для формирования инвестиционных ресурсов для россий-

¹ См.: *Медведева Н.В.* Налоговое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. экон. наук. М., 2007. С. 7.

² См.: *Сиротская Д.Е.* Финансово-правовое регулирование региональной инвестиционной деятельности (на примере Краснодарского края): дисс. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2022. С. 117

ской экономики за счет внутренних источников.

ЦФА, в том числе и гибридные, общепризнанно являются новым форматом привлечения инвестиций, функциональность которого пока что мало понятна широкому кругу как потенциальных инвесторов, так и лиц, привлекающих такие средства. Благоприятный налоговый режим способен существенно повысить интерес к развитию нового сегмента на финансовом рынке. Справедливо отмечается, что налоговая политика государства является важным фактором принятия решений об инвестировании¹. Зарубежные государства на фоне проблемы низкого или недостаточного экономического роста трансформируют налоговую политику в целях стимулирования инвестиционной активности как корпораций, так и физических лиц, основными инструментами которой выступают снижение налоговых ставок и введение налоговых льгот².

Привлечение инвестиций выступает задачей, которая ясно обозначается в документах стратегического планирования в Российской Федерации. Большинство данных документов закрепляют нацеленность на формирование благоприятных условий для привлечения инвестиций в различные отрасли экономики и сферы государственного управления в перспективе до 2030-2035 годов. В частности, можно указать: Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»³; Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁴; Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности

¹ См.: *Хайретдинов А.К.* Совершенствование механизмов налогообложения как метод стимулирования прямых иностранных инвестиций в Россию // *Экономические исследования и разработки.* 2023. № 1. С. 194.

² См.: *Беломытцева О.С.* Аналитический обзор зарубежных исследований о влиянии налогообложения на инвестиции корпораций // *Bakal Research Journal.* 2021. Т. 12. № 4.

³ Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2021. № 27 (часть II). Ст. 5351.

⁴ Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // *СЗ РФ.* 2024. № 10. Ст. 1373.

Российской Федерации на период до 2030 года»¹; Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы»²; Указ Президента РФ от 06 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 27 марта 2023 г.)³.

Стратегии развития конкретных экономических областей, утверждаемые Правительством Российской Федерации, также обычно акцентируют значимость задачи по привлечению инвестиций⁴.

¹ Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

² Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

³ Указ Президента РФ от 06 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 27 марта 2023 г.) // СЗ РФ. 2019. № 23. Ст. 2927; 2023. № 14. Ст. 2394.

⁴ См., например: Постановление Правительства РФ от 02 марта 2017 г. № 244 «О совершенствовании требований к обеспечению надежности и безопасности электроэнергетических систем и объектов электроэнергетики и внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. от 26 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2017. № 11. Ст. 1562; 2022. № 44. Ст. 7581; Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» (в ред. от 07 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. 2019. № 39. Ст. 5460; 2022. № 7. Ст. 1018; Распоряжение Правительства РФ от 06 июня 2020 г. № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» (в ред. от 07 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. 2020. № 24. Ст. 3843; 2023. № 46. Ст. 8278; Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2022 г. № 2290-р «О Плане мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» (в ред. от 26 января 2024 г.) // СЗ РФ. 2022. № 34. Ст. 6044; 2024. № 5. Ст. 762; Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2017 г. № 1756-р «Об утверждении Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 13 октября 2022 г.) // СЗ РФ. 2017. № 34. Ст. 5323; 2022. № 43. Ст. 7393; Распоряжение Правительства РФ от 07 июля 2017 г. № 1455-р «Об утверждении Стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 29. Ст. 441; Распоряжение Правительства РФ от 05 ноября 2020 г. № 2869-р «Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года» // СЗ РФ. 2020. № 46. Ст. 7316; Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 2581-р «Об утверждении Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2018. № 49 (часть VI). Ст. 7670; Распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года» // СЗ РФ. 2019. № 35. Ст. 5013; Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. № 4261-р «Об утверждении Стратегии раз-

Традиционным источником инвестиционных ресурсов выступает рынок ценных бумаг. В последние годы наметилась устойчивая тенденция по увеличению числа физических лиц, являющихся клиентами профессиональных участников российского рынка ценных бумаг. Причины возрастающей привлекательности отечественного финансового рынка связываются с тем, что отечественные инвесторы столкнулись с ограничением возможностей вкладываться в иностранные фондовые активы и сосредоточили весь потенциальный спрос на российских ценных бумагах. Это привело к росту числа физических лиц на отечественном рынке акций – уже в 2022 году они составляли 81 %¹.

По данным Центрального банка РФ в конце 2021 года на брокерском обслуживании некредитных финансовых организаций находилось 2080,1 тыс. физических лиц и 18075 тыс. физических лиц обслуживались в кредитных организациях, являющихся профессиональными участниками рынка ценных бумаг. В марте 2024 года эти показатели выросли соответственно до 3285,7 и 37602 тыс. физических лиц. Из них число неквалифицированных инвесторов составило более 19817 тыс.² физических лиц в 2021 году и этот показатель вырос более чем в два раза к марту 2024 года – до 40129 тыс.³ физических лиц⁴.

Немаловажным фактором такого роста являются благоприятные условия налогообложения доходов от операций с обращающимися ценными бу-

вития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года» // СЗ РФ. 2023. № 1 (часть III). Ст. 422; и другие.

¹ См.: *Соколова Е.Ю.* Финансовый рынок России в условиях санкционных ограничений: поиск альтернативных источников формирования инвестиций // Discussion. 2024. № 3. С. 85.

² Суммарно по количеству физических лиц, находящихся на брокерском обслуживании в некредитных и кредитных финансовых организациях.

³ Суммарно по количеству физических лиц, находящихся на брокерском обслуживании в некредитных и кредитных финансовых организациях.

⁴ См.: Динамические ряды основных показателей сегмента брокеров на 06.06.2024. Официальный сайт Центрального банка РФ. URL: https://cbr.ru/securities_market/statistic/ (дата обращения: 10.07.2024).

магами. Новый рынок цифровых финансовых активов по своей форме предполагает более простой, понятный для пользователя формат взаимодействия с финансовыми посредниками и лицами, привлекающими инвестиции, который, как ожидается должен стать и более дешевым по сравнению с рынком ценных бумаг и затратами на услуги его профессиональных участников. Однако этот аспект привлекательности нивелируется невыгодными условиями налогообложения доходов от операций с ЦФА, приравненных к операциям с необращающимися ценными бумагами.

Как было отмечено выше, зарубежные государства идут по пути расширения на криптоактивы, имеющие инвестиционный характер, соответствующих положений о правовом регулировании выпуска и обращения ценных бумаг, в том числе налогообложения доходов от них. Стандартная государственная политика в этой части направлена на создание благоприятных условий для инвестирования в ценные бумаги путем предоставления различных налоговых льгот и пониженных налоговых ставок на доходы от операций с ними.

Так, в Румынии при базовой ставке подоходного налога для физических лиц в 10 %, ставка на доходы в виде дивидендов в два раза меньше – 5 %¹. В Великобритании доход от реализации ценных бумаг облагается налогом на прирост капитала, объектом которого является финансовый результат, исчисляемый как разница между полученным от реализации доходом и расходами на приобретение ценных бумаг. Но эта базовая модель дополняется такими льготами как необлагаемый минимум дохода от прироста капитала в размере 12300 фунтов стерлингов, возможность вычитать из полученного дохода не только стандартные, но и непредвиденные расходы или фактическую

¹ См.: IBFD. Romania-Individual Taxation-Country Tax Guides. URL: https://ezpro.fa.ru:3088/#/doc?url=/collections/ita/html/ita_ro_s_001.html (дата обращения 15.03.2023)

стоимость ценных бумаг в момент продажи¹.

В Сербии налоговая база по доходам от реализации ценных бумаг определяется также как финансовый результат, однако составляющие этой формулы иные. В частности, в случае реализации обращающихся ценных бумаг ценой их приобретения является или их фактическая цена или минимальная котировка данной бумаги, зафиксированная в течение года перед датой продажи. По необразающимся бумагам ценой их приобретения считается либо фактическая цена приобретения, либо номинальная стоимость (по акциям). При этом ряд доходов освобождается от обложения, например, доход от операций с ценными бумагами, которые были приобретены у работодателя под условие работы в данной компании в течение двух лет и невозможности продажи ценной бумаги в течение этого же периода. Не облагается налогом на прирост капитала также доход, полученный от продажи ценных бумаг, находившихся в собственности физического лица в течение более 10 лет².

Изложенное в полной мере позволяет согласиться с тезисом, что закрытие рынков внешнего капитала для российской экономики существенно поднимает значимость внутренних источников финансирования структурной трансформации национальной экономики и необходимость выработки системных мер по развитию финансового рынка в России³. Одним из мероприятий в этом направлении может стать формирование более благоприятных условий налогообложения доходов по операциям реализации ЦФА их обладателями, как физическими, так и юридическими лицами.

Эта цель может быть достигнута путем внедрения в налогообложение доходов от реализации ЦФА их дифференциации на обращающиеся и не об-

¹ См.: *Гилева А.Р.* Зарубежный опыт налогообложения финансовых инвестиций физических лиц // *Налоги и налогообложение.* 2022. № 3. С. 1-15. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38119 (дата обращения: 14.04.2023).

² Там же.

³ См.: *Соколова Е.Ю.* Указ. работа. С. 84.

рашающиеся по аналогии с подобной классификацией ценных бумаг. К не обращающимся ЦФА следует относить такие, по условиям выпуска которых не допускается их реализация первым обладателем. К обращающимся ЦФА следует отнести такие, по условиям выпуска которых допускается их реализация или совершение мены. Модель налогообложения доходов от операций с такими ЦФА следует сформировать по модели налогообложения обращающихся ценных бумаг. В частности, возможно предложить внесение изменений и дополнений в следующие статьи Налогового кодекса РФ:

- пункт первый статьи 282.2 НК РФ изложить в следующей редакции: «1. Налоговая база по операциям с цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, определяется совокупно с операциями с необращающимися ценными бумагами и необращающимися производными финансовыми инструментами в порядке, установленном настоящей статьей и статьей 304 настоящего Кодекса, и отдельно от общей налоговой базы, если условиями выпуска цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, установлен запрет на их реализацию или обмен первым обладателем таких цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, если иное не предусмотрено настоящей статьей.»;

- дополнить статью 282.2 НК РФ пунктом 5.1 следующего содержания: «5.1. Доходы (расходы) по операциям с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, учитываются в общеустановленном порядке в общей налоговой базе.

В целях налогообложения цифровые финансовые активы и (или) циф-

ровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права признаются обращающимися при одновременном соблюдении следующих условий:

1) если условия их выпуска не содержат запрет на их реализацию и обмен в информационных системах, обеспечивающих обмен цифровыми правами в соответствии с законодательством Российской Федерации;

2) если информация об их ценах публикуется в средствах массовой информации (в том числе электронных) либо может быть представлена оператором обмена или иным уполномоченным лицом любому заинтересованному лицу в течение трех лет после даты совершения операций с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права в информационных системах, обеспечивающих обмен цифровыми правами в соответствии с законодательством Российской Федерации;

3) если по ним в течение последовательных трех месяцев, предшествующих дате совершения налогоплательщиком сделки с этими цифровыми правами, хотя бы один раз рассчитывалась рыночная цена.

Если иное не установлено настоящей статьей или статьей 304 настоящего Кодекса, доходы, полученные от операций с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, за отчетный (налоговый) период, не могут быть уменьшены на расходы либо убытки от операций с необрачающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права.»;

- абзац 6 пункта 6 статьи 214.11 НК РФ изложить в следующей редакции:

«Перенос на будущие периоды убытков, полученных по операциям с

необращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, не допускается.»;

- пункт 6 статьи 214.11 НК РФ дополнить абзацем седьмым следующего содержания:

«Перенос на будущие периоды убытков, полученных по операциям с обращающимися цифровыми финансовыми активами и (или) обращающимися цифровыми правами, включающими одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, осуществляется по правилам учета убытков по операциям с ценными бумагами в порядке, установленном пунктом 12 статьи 214.1 и статьей 220.1 настоящего Кодекса.».

В контексте анализа условий, стимулирующих инвестиции со стороны физических лиц, следует обратить внимание и на различие в налоговых ставках в отношении доходов, получаемых в виде дивидендов физическими и юридическими лицами. Для юридических лиц в соответствии со статьей 284 НК РФ по такому виду доходов ставка налога на прибыль составляет 13 % (пункт 4.5 данной статьи)¹. Для физических лиц ставка налога будет составлять 13 %, однако при условии получения общей суммы доходов более 5 млн. руб., независимо от их источника, ставка налога может подняться до 15 % с суммы, превышающей 5 млн. руб. Очевидно, что на подобные инвестиции юридических лиц распространяется пониженная ставка, а для физических лиц ставка не является льготной.

При формировании налоговой политики в части налогообложения операций с ЦФА необходимо учитывать интересы и представителей малого и

¹ Данные размеры не изменяются в связи с повышением базовой ставки налога на прибыль организаций до 25 %. См.: Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. 2024. № 29 (ч. III). Ст. 4105

среднего бизнеса, который не должен пострадать от чрезмерной налоговой нагрузки. Субъекты малого и среднего предпринимательства в целом не имеют высокой рентабельности, а также ограниченное количество денежных средств в обороте или во вложениях в основные средства и запасы, что не позволяет им уплачивать тот уровень налогов и сборов, установленный общей системой налогообложения¹.

Учитывая, что получение дохода от операций с ЦФА представителями малого и среднего бизнеса влечет за собой налоговое обязательство по уплате НДФЛ, при этом имеющиеся в налоговой практике специальные налоговые режимы, применяемые указанными субъектами, не предусматривают каких-либо особенностей, связанных с цифровыми финансовыми активами. С учетом высокой волатильности ЦФА данные лица не будут вкладывать денежные средства в такой рискованный финансовый инструмент как ЦФА. В этой связи в целях вовлечения представителей малого и среднего предпринимательства в оборот криптоактивов и развития института цифровых финансовых активов представляется целесообразным использовать инструменты налогового стимулирования, основными из которых являются снижение налоговых ставок и предоставление налоговых льгот.

Некоторыми специалистами налоговые льготы рассматриваются как легитимная форма уклонения от налогов², что представляется в корне не верным, поскольку в случае предоставления налоговых льгот налогоплательщик не стремится к снижению налогооблагаемой базы и налоговых обязательств, а наоборот, государство предоставляет такие возможности налогоплательщику. Более корректным является понимание льготы как освобождения в ограниченном или полном объеме от некоторых обязательств, преимущество, до-

¹ См.: Джанашвили Н.И. Правовой режим налогообложения доходов организаций в Российской Федерации // Академическая публицистика. 2021. № 9-1. С. 159.

² См.: Залибекова Д.З. Правовое регулирование налоговых льгот и вычетов // Теория и практика общественного развития. 2013. № 4. С. 297

полнительное право, предоставленное определенным категориям плательщиков¹. Устоявшимся является мнение, что установление и предоставление налоговых льгот служит инструментом государственного налогового регулирования².

Исследование, проведенное в данной части, позволило прийти к следующим выводам.

Цифровые права, которые в соответствии со статьей 128 ГК РФ отнесены к разряду иного имущества, прямо в оговорках и определениях, представленных в статье 38 НК РФ не предусмотрены, из чего можно сделать вывод, что они не относятся к имуществу в смысле категорий налогового законодательства, т.е. их реализация не может быть объектом налогообложения ни в виде имущества, ни в виде реализуемого товара.

Между тем это не так, поскольку реализация ЦФА, по сути, признается объектом налогообложения, хотя и освобождается от взимания налога на добавленную стоимость, а реализация утилитарных цифровых прав порождает налоговые обязанности по уплате НДС. Поскольку ЦФА и УЦП представляют собой имущественные права, отличные по своей правовой природе от бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств, их следует перечислить в тексте статьи 38 НК РФ. В этой связи представляется необходимым внести дополнения в абзац второй пункта 2 статьи 38 НК РФ.

Налог на добавленную стоимость по операциям с ЦФА формируется по моделям налогообложения реализации традиционных, нецифровых активов: ценных бумаг (иных финансовых инструментов) или товаров, работ, услуг.

¹ См.: Алиева Э.Б., Гусейнова А.И., Филимонова А.В. К вопросу о проблемах понятия «налоговые льготы» в законодательстве и науке России // Закон и право. 2019. № 3. С. 44; Егорова Д.А. Налоговые льготы и налоговые преференции // Вопросы устойчивого развития общества. 2020. № 9. С. 165.

² См.: Арзуманова Л.Л., Грачева Е.Ю., Болтинова О.В. Налоговое право. Общая часть. М., 2019. С. 102; Жура С.Е., Серебрякова Т.А. Проблемы налогообложения субъектов малого бизнеса // Роль науки и технологий в социально-экономическом развитии регионов. Сборник материалов VI Всероссийской конференции с международным участием. Архангельск, 2023. С. 150.

Сохраняется неясность в отношении налогообложения ЦФА, которое входит в состав гибридного цифрового права. Представляется, что в соответствии с логикой сформированных правил налогообложения, эта часть гибридного цифрового права также освобождена от уплаты НДС. Однако новизна нового цифрового финансового инструмента может вызвать затруднения на практике при оценке проблемных ситуаций. В этой связи предложено внести уточнение в подпункт 38 пункта 2 статьи 149 НК РФ.

Порядок налогообложения прибыли организаций, доходов физических лиц также сформирован по уже известной модели налогообложения финансового результата по операциям с ценными бумагами в отношении доходов, полученных как лицом, выпустившим ЦФА, так и их обладателями в период хранения ЦФА или после их реализации или иного отчуждения.

Однако налогообложение операций с ЦФА не в полной мере дублирует налогообложение операций с ценными бумагами по российскому законодательству. Существенные особенности имеются в учете убытков, полученных в результате операций с ЦФА.

Согласно статье 282.2 НК РФ обладателями ЦФА, в том числе и гибридных, налоговая база по операциям с ними определяется совокупно с необращающимися ценными бумагами (пункт 1 данной статьи), а лицом, выпустившим гибридное ЦФА – в общей налоговой базе (пункт 2 статьи 282.2 НК РФ). Таким образом, обладателями ЦФА возможный убыток будет учитываться в отдельно рассчитываемой налоговой базе и может оказаться не учтенным в целях налогообложения вообще, если, например, в последующем дохода от операций с необращающимися ценными бумагами не будет или он будет меньше полученного убытка. Для приобретателей ЦФА, в том числе и гибридных, режим налогообложения операций с ними имеет более рискованный, а, следовательно, менее привлекательный характер по сравнению с операциями с обращающимися ценными бумагами.

Характерна данная проблема и для налогообложения доходов физических лиц от совершения операций с ЦФА, в том числе гибридными. В частности, не допускается уменьшение налоговой базы на сумму полученного убытка, если условиями выпуска ЦФА предусмотрена выплата дохода в виде дивидендов. По иным ЦФА, в том числе гибридным, убыток учитывается при исчислении налоговой базы по доходам от операций с ЦФА, которая может быть также уменьшена на убыток, полученный от операций с обращающимися ценными бумагами. Но при этом не допускается перенос убытка от операций с ЦФА на будущие периоды (пункт 6 статьи 214.11 НК РФ).

В этом ограничении имеется существенное различие в порядке учета убытка от операций с ценными бумагами при исчислении налога на доходы физических лиц. Убыток, полученный по операциям с обращающимися ценными бумагами, уменьшает финансовый результат только по данной категории операций (с обращающимися ценными бумагами), но при этом он может быть перенесен на будущее и уменьшать данную налоговую базу в течение последующих 10 лет, а также компенсируется посредством механизма налогового вычета, предусмотренного статьей 220.1 НК РФ в размере полученного убытка в течение этого же периода.

Данный механизм учета убытка от операций с обращающимися ценными бумагами не распространен на операции с необращающимися ценными бумагами и ЦФА, которые в своем правовом статусе приравнены именно к необращающимся бумагам. Затруднительно обозначить данную правовую модель налогообложения как стимулирующую интерес к новому сегменту финансового рынка и соответствующую общегосударственной задаче по мобилизации внутренних резервов российской экономики, в том числе средств населения, в качестве инвестиционных ресурсов.

Эта цель может быть достигнута путем внедрения в налогообложение доходов от реализации ЦФА их дифференциации на обращающиеся и не об-

ращающиеся по аналогии с подобной классификацией ценных бумаг. Модель налогообложения доходов от операций с такими ЦФА следует сформировать по модели налогообложения обращающихся ценных бумаг. В частности, предложено внесение изменений и дополнений в статьи 282.1 и 214.11 НК РФ.

В контексте анализа условий, стимулирующих инвестиции, выявлено, что на подобные инвестиции юридических лиц распространяется пониженная ставка, а для физических лиц ставка не является льготной. Представляется целесообразным снижение ставки НДФЛ на доходы от операций с ЦФА до уровня 9-10 %.

Регулирующее воздействие на сферу обращения ЦФА способны оказывать налоговые льготы в различных формах (освобождение от налогообложения, пониженные налоговые ставки и др.). На основании изучения зарубежного опыта в перечень мер, направленных на формирование благоприятных условий налогообложения доходов от операций с ЦФА, осуществляемых физическими лицами также могут быть включены: необлагаемый минимум дохода от таких операций; юридическое обеспечение возможности вычитать из полученного дохода не только стандартные, но и непредвиденные расходы; возможность вычитать из полученного дохода фактическую стоимость ЦФА на момент сделки по продаже; освобождение от налогообложения доходов от продажи ЦФА, находившихся в собственности более 10 лет.

2.3. Проблемы налогового контроля за операциями с цифровыми финансовыми активами

В настоящее время одним из ключевых вопросов налогообложения операций с ЦФА является администрирование и контроль их оборота, по-

сколькo зачастую у налоговых органов отсутствуют сведения об оборотах, суммах полученных доходов и произведенных расходов, а также финансовом результате по операциям с ЦФА.

Под налоговым администрированием в широком смысле понимается комплексное государственное управление налоговой системой с соблюдением паритета интересов налогоплательщиков и государства в целях повышения эффективности функционирования налогового механизма; в узком смысле – деятельность фискальных органов по реализации налоговой политики, осуществлению налогового контроля и обеспечению соблюдения налогового законодательства всеми субъектами экономики¹. Налоговое администрирование напрямую связано с взаимодействием налоговых органов с налогоплательщиками, поэтому необходимо выстраивать доверительные отношения между сотрудниками налоговых органов и налогоплательщиками².

«Эффективное налоговое администрирование» понимается как совокупность организационных действий уполномоченных государственных органов по управлению налоговыми отношениями в России. Концепция эффективного налогового администрирования должна основываться на совершенствовании процедур организации сбора налогов, предотвращении риска налоговых правонарушений со стороны налогоплательщиков и создании условий, побуждающих юридических и физических лиц добровольно (сознательно) выполнять свои налоговые обязательства как одно из средств обеспечения роста собираемости налогов в бюджетную систему страны³.

Эффективность налогового администрирования, направленная на обес-

¹ Корзоватых Ж.М., Морозова Н.Г. Развитие инновационных инструментов налогового администрирования в Российской Федерации // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 10 (456). С. 146.

² Литвинова Ю.М. Защита прав налогоплательщиков в условиях цифровой реальности // Право и современная экономика: опыт и будущее: сб. матер. V Межд. науч.-практ. конф. юридического факультета СПбГЭУ. СПб, 2022. С. 229.

³ Арсланбекова А.З., Мустафаев Р.Э. Содержание, формы и методы налогового администрирования // Юридический вестник ДГУ. 2022. Т. 41. № 1. С. 47.

печение полного и своевременного сбора налогов, определяется необходимостью обеспечения устойчивого формирования бюджетных доходов, стабильной и не чрезмерной налоговой нагрузкой, повышения прозрачности и упрощения процедур взаимодействия налогоплательщиков с налоговыми органами¹.

Для поддержания стабильного роста эффективности деятельности налоговых органов, в том числе в сфере налогообложения операций с цифровыми финансовыми активами, особенно значимыми являются рекомендации, представленные в научной литературе² и направленные на развитие инструментария налогового администрирования. К числу таких направлений следует отнести совершенствование организационно-правового механизма налогового администрирования, включающего инновационные инструменты, активно применяемые налоговыми органами в условиях цифровизации и трансформации контрольно-надзорной деятельности государства.

Немаловажное значение придается вовлечению налогоплательщиков в процессы добровольного исполнения налоговых обязательств и отказа от использования агрессивных схем уклонения от налогообложения, чему может способствовать наделение операторов информационной системы и операторов обмена ЦФА, а также номинальных держателей ЦФА функциями налоговых агентов. Налоговый агент удерживает сумму налога из рублевых денежных средств налогоплательщика, выплачиваемых налогоплательщику либо по его поручению третьим лицам или находящимся в распоряжении налогового агента, в том числе из денежных средств, учитываемых на номинальном счете, открытом оператору информационной системы для учета денежных средств пользователей, что позволяет своевременно и в полном объ-

¹ Пучкова Е.М., Селихов Р.А. Оценка итогов налогового администрирования на региональном уровне в контексте реализации налоговой политики государства // Региональная экономика: проблемы и перспективы развития в современных условиях: сб. матер. Межд. научн.-практ. конф. (16 декабря 2021 г.). Невинномысск, 2022. С. 103.

² Иванов А.Е., Иванов С.А. Налогообложение некоммерческих организаций. М., 2017.

еме исполнять налоговую обязанность, возникающую по результатам операций с ЦФА.

Значимую роль в вопросах совершенствования налогового администрирования играет сохранение курса на сокращение отчетности и упрощение процедур налогового администрирования как для налогоплательщиков, так и для налоговых органов, посредством совершенствования применяемых автоматизированных систем.

На международном уровне ОЭСР в целях обеспечения прозрачности налогообложения разработана Система отчетности о криптоактивах (CARF)¹, позволяющая осуществлять автоматический обмен налоговой информацией о транзакциях с криптоактивами. CARF состоит из правил и комментариев, которые могут быть имплементированы во внутреннее законодательство, регламентирующее отчетность по ЦФА.

Физические лица и организации, осуществляющие операции с ЦФА должны применять процедуры должной осмотрительности для идентификации своих клиентов, а затем сообщать совокупную стоимость таких операций ежегодно. CARF также содержит правила, позволяющие избежать дублирования обязательств по отчетности, когда организация связана с более чем одним государством, путем создания иерархии правил взаимосвязи.

В Российской Федерации налоговый агент обязан представлять информацию об операциях с ЦФА не позднее 1 февраля года, следующего за отчетным налоговым периодом, в отношении каждого кто был стороной таких операций в течение налогового периода. ФНС России в декабре 2022 г. была утверждена форма такой информации и формат ее представления в электронной форме².

¹ Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard. URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/crypto-asset-reporting-framework-and-amendments-to-the-common-reporting-standard.htm> (дата обращения: 12.01.2023).

² Приказ ФНС России от 29 декабря 2022 г. № ЕД-7-11/1293@ «Об утверждении формы информации об операциях по отчуждению цифровых финансовых активов и (или) цифро-

Учитывая, что оборот цифровых финансовых активов осуществляется строго в рамках информационной системы, а сами ЦФА имеют цифровую природу, цифровизация налогового администрирования представляется весьма оправданной и своевременной¹, поскольку лишь посредством использования современных информационных технологий у налоговых органов будет возможность отследить операции с криптоактивами, подлежащие налогообложению.

В современных условиях в процесс налогового администрирования активно внедряются разнообразные цифровые инструменты, что позволяет снижать нагрузку на сотрудников налоговых органов, автоматизировать процессы обработки данных, при этом сохранять устойчивые темпы роста поступлений налогов и сборов в доход соответствующих бюджетов². К числу таких инструментов можно отнести АИС «Налог-3», основное предназначение которой заключается в повышении эффективности реализации полномочий и решения задач налоговых органов. Так, например, один из компонентов указанной системы АСК НДС-2 позволяет пресекать уклонение от уплаты НДС в автоматическом режиме. В целях контроля и администрирования розничных продаж широкую популярность приобрели online-кассы. Предполагается, что последние позволят полностью освободить от отчетности предпринимателей, применяющих упрощенную систему налогообложения³. В

вых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, и формата ее представления в электронной форме» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.01.2023.

¹ Литвинова Ю.М. Правовое регулирование налогообложения в условиях четвертой промышленной революции // Метрологическое обеспечение инновационных технологий: сб. тезисов конференции. СПб, 2020. С. 175.

² Кобзарь-Фролова М.Н. Основные направления цифровизации налогового администрирования // Бачиловские чтения: матер. четвертой межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5-6 февраля 2022 г.) / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. Саратов, 2022.

³ См.: Силантьева И.А. Цифровизация налогового администрирования как инструмент увеличения наполняемости доходной части бюджета // Модернизация правового регулирования бюджетных отношений в условиях цифровизации экономики: сб. науч. тр. по ма-

рамках налогового администрирования операций с ЦФА налоговыми органами используются АИС «Налог-3», «Сервис сдачи налоговой и бухгалтерской отчетности», программы «Налогоплательщик ЮЛ», «Декларация», «Tester», предназначенная для проверки файлов на соответствие форматам представления в электронном виде налоговых деклараций, бухгалтерской отчетности.

Однако нельзя забывать, что внедрение новых информационных технологий в процесс налогового администрирования приводит к возникновению налоговых рисков нового порядка, которые являются одним из факторов, влияющих на информационную безопасность налогоплательщиков и налоговую безопасность государства.

Использование криптоактивов в мировой практике часто проводится в обход официальных регуляторов, поскольку владельцы стремятся оставаться анонимными, что затрудняет либо делает невозможной идентификацию их резидентства. В настоящее время криптоактивы являются важным инструментом для платежей и спекулятивных инвестиций в некоторых странах. Во всем мире масштаб криптоактивов остается относительно небольшим – \$ 2-3 трлн, или около 1 % от общей рыночной стоимости финансовых активов¹.

Поскольку криптоактивы могут использоваться для ухода от налогообложения, обхода норм законодательства, регулирующего рынок ценных бумаг, отмывания денег и легализации доходов, полученных преступным путем, а также мошеннических схем, проблематика отсутствия практики налогового администрирования ЦФА порождает налоговые риски для государства, источниками которых выступают: изменения законодательства Россий-

тер. Межд. науч.-практ. конф. в рамках V Саратовских финансово-правовых чтений научной школы имени Н.И. Химичевой. В 2х частях. Ч. 1. Саратов, 2020. С. 242.

¹ *Dong He, Annamaria Kokenyne Ivanics, Xavier Lavayssière, Inutu Lukonga, Nadine Schwarz, Nobuyasu Sugimoto, Jeanne Verrier.* Capital Flow Management Measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2022/05/09/Capital-Flow-Management-Measures-in-the-Digital-Age-516671> (дата обращения: 11.05.2022)

ской Федерации о налогах и сборах, трудность его восприятия; несовершенство законодательства, регулирующего операции с цифровыми финансовыми активами; проведение налоговых проверок, по результатам которых будут выявлены налоговые нарушения; искажение информации о налогообложении при осуществлении операций с ЦФА; отсутствие механизма налогового контроля за оборотом цифровых финансовых активов.

Исходя из понятий «риск» и «налог», налоговый риск определяется как «вероятность финансовых потерь, которые может понести предприятие из-за неблагоприятного изменения налогового законодательства в процессе финансовой деятельности или в результате налоговых ошибок, которые были допущены при исчислении налоговых платежей»¹. Под налоговым риском операций с цифровыми финансовыми активами следует понимать неопределенность процесса расчета и уплаты налогов, обусловленную несовершенством налогового законодательства, а также вероятность возникновения потерь при осуществлении операций с цифровыми финансовыми активами.

Налоговому риску подвержено не только государство, но и иные субъекты налоговых правоотношений: налогоплательщики, налоговые агенты. В частности, в условиях неопределенности (пробельности) законодательства в части налогообложения операций с ЦФА указанные субъекты могут быть подвержены риску неэффективного налогообложения, выраженному в излишне начисленной и (или) уплаченной сумме налога.

В настоящее время разработаны 12 критериев налоговых рисков², размещение которых в открытом доступе позволяет налогоплательщикам самостоятельно выявить и исправить допущенные при исчислении налогов ошибки.

¹ *Полищук Е.А.* Управление налоговыми рисками как метод повышения экономической безопасности // Синергия наук. 2021. № 66. С. 23.

² Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» // Финансовая газета. 2007. 21 июня. № 25.

Риск-ориентированный подход при осуществлении операций с криптоактивами предусматривает реализацию мер по следующим основным направлениям: лицензирование провайдеров услуг в сфере криптоактивов, надзор и мониторинг за их деятельностью; идентификация клиентов провайдеров услуг в сфере криптоактивов; отслеживание транзакций с использованием криптоактивов¹.

Риск-ориентированный подход, нацеленный на проверку операций налогоплательщиков с высокой вероятностью риска, позволяет существенно снизить административную нагрузку на хозяйствующих субъектов, сократить временные и финансовые издержки налоговых органов и налогоплательщиков, и вместе с тем повысить эффективность контрольных мероприятий, в том числе в части соблюдения субъектами операций с ЦФА законодательства о налогах и сборах.

В соответствии с Законом о ЦФА оператор информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, оператор обмена ЦФА должен создать службу управления рисками либо назначить должностное лицо, ответственное за организацию системы управления рисками. Управление рисками помогает организации выявлять, приоритизировать и сосредотачивать внимание на тех рисках, которые могут помешать созданию, сохранению и реализации стоимости ЦФА². Однако при этом в Правилах зарегистрированных информационных систем не содержится положений, регламентирующих применение риск-ориентированного подхода при осуществлении операций с ЦФА, что не способствует минимизации рисков обращения криптоактивов.

В этой связи представляется целесообразным внедрение в практику де-

¹ Санникова Л.В. Факторы риска использования криптоактивов в России и потенциал их снижения // Финансовый журнал. 2022. Т. 14. № 6. С. 132.

² Басс А.Б., Каратаев М.В. Основы управления риском вовлечения банка в процессы легализации преступных доходов // Финансы и кредит. 2010. № 26 (410). С. 29-38.

тельности операторов информационных систем, осуществляющих выпуск ЦФА, и операторов обмена ЦФА риск-ориентированного подхода, в основу которого должны быть положены методы, позволяющие выявлять налоговые риски, качественно их оценивать и учитывать при принятии управленческих решений. Учитывая, что операции с ЦФА являются высокорискованными, следует законодательно установить обязательность закрепления в Правилах информационной системы мер по минимизации рисков нарушения законодательства о налогах и сборах при осуществлении операций с ЦФА. Для этого предлагается дополнить пункт 3 статьи 5 Закона о ЦФА подпунктом 11.1 следующего содержания: «11.1) меры по минимизации рисков совершения сделок с цифровыми финансовыми активами».

Успешное функционирование системы налогового администрирования не представляется возможным без соблюдения и достижения баланса как интересов государства, так и интересов налогоплательщиков, поскольку любая налоговая система представляет собой часть общественного договора, заключенного между государством и налогоплательщиками. Необходимо также подчеркнуть, что налоговое администрирование должно осуществляться с соблюдением принципа добросовестности поведения, при котором обычно презюмируется учет законных интересов налогоплательщиков и недопустимость создания условий, при которых с налогоплательщиков будут взиматься необоснованно высокие налоги¹. Выполняя возложенные на них функции налоговые органы должны способствовать реализации и обеспечению прав налогоплательщиков, обязаны всесторонне оценивать доказательства и устанавливать размер действительной налоговой обязанности. В противном случае будет наблюдаться противоречие добросовестности налогового администрирования, что позволит ФНС формализовать применение норм права, выйдя за пределы взимания налогов сверх предусмотренного за-

¹ См.: *Пепеляев С.Г.* Добрая совесть налоговой инспекции // *Налоговед.* 2018 № 4. С. 4-7.

КОНОМ.

Использование методов налогового администрирования в виде налогового планирования, прогнозирования, учета налогоплательщиков и поступающих налогов, анализа, регулирования и контроля¹, в отношении криптоактивов не представляется возможным из-за отсутствия необходимой учетной информации. В соответствии с пунктом 1 статьи 4 Закона о ЦФА учет цифровых финансовых активов ведется в информационной системе, в которой осуществляется их выпуск. Допуск налоговых органов к данной информации ограничен, она предоставляется исключительно по требованию налогового органа, когда информация необходима для осуществления ими своих функций, что регламентировано в Правилах информационной системы.

При этом складывающееся в настоящее время правовое регулирование оборота ЦФА лишает налоговый орган и возможности осуществлять функцию контроля операций с криптоактивами, поскольку ЦФА функционируют на основе блокчейна – децентрализованной базы данных. Отсутствие контроля за оборотом цифровых финансовых активов способно стимулировать широкое использование налоговых манипуляций со стороны участников рынка, что влечет за собой уклонение от уплаты налогов, а, следовательно, потери для бюджетной системы.

Поскольку криптоактивы рассматриваются как потенциальный источник дохода, требуется закрепить законодательные требования к контролю оборота виртуальных инструментов в стране в целях налогообложения и взимания различных платежей.

Представляется, что наиболее оптимальной формой налогового контроля за операциями с цифровыми финансовыми активами, которые осуществляются непосредственно в информационной системе, может стать налоговый мониторинг, признанный Организацией экономического сотру-

¹ См.: *Романова И.Б.* Налоговое администрирование: учеб. пособие. Ульяновск, 2018. С. 4.

ничества и развития примером лучшей международной практики по выстраиванию цифрового взаимодействия между государством и бизнесом. По мнению О.Ю. Бакаевой и Е.В. Покачаловой «налоговый мониторинг по своей природе является методом контроля, поскольку в целом он выражается в применении такого приема, как наблюдение, проводимого в отношении подконтрольного лица»¹.

Мониторинг как наиболее мягкая форма налогового контроля широко применяется налоговыми администрациями зарубежных стран. Однако практика осуществления мониторинга за рубежом свидетельствует о разных подходах законодателя к сущности и механизму его проведения. Так, например, налоговой службой Нидерландов с 2005 г. активно применяется горизонтальный мониторинг, в т.ч. в отношении малых и средних предприятий на добровольной основе, в рамках которого налогоплательщик обязан обратиться в налоговую службу в случае налогового риска, а налоговый орган обязан сформулировать свое мнение относительно запроса в течение определенного времени². В США, Швеции и Бельгии получило распространение предварительное соглашение с налоговым органом, в соответствии с которым налоговые органы берут на себя условное одностороннее обязательство относительно порядка применения закона к ситуации или сделке, которая на момент обращения еще не имеет налоговых последствий³. В основе налогового мониторинга в Великобритании, являющимся обязательным для крупных компаний, лежит риск-ориентированный подход, предусматривающий сбор информации о подконтрольном субъекте и оценку его налогового риска, а так-

¹ Бакаева О.Ю., Покачалова Е.В. Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2018. № 4.

² *Huiskers-Stoop E., Gribnau H. Cooperative Compliance and the Dutch Horizontal Monitoring Model (January 9, 2019) // Journal of Tax Administration. 2019. Vol 5:1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3333347> (дата обращения: 28.04.2022).*

³ Взаимосогласительные процедуры при разрешении налоговых споров в досудебном порядке: монография / Отв. ред. А. Ю. Ильин. М., 2017.

же взаимодействие с таким субъектом для оказания ему помощи в устранении причин, порождающих налоговый риск.

Как видим, за рубежом суть мониторинга сводится к оценке налогового риска, в том числе при осуществлении операций с криптоактивами. Российский законодатель предполагает иной подход к проведению налогового мониторинга, в основу которого положена оценка уже осуществленных операций хозяйствующими субъектами с точки зрения наличия или отсутствия в их действиях нарушений законодательства о налогах и сборах.

В Российской Федерации налоговый мониторинг представляет собой форму налогового контроля, в рамках которой организации предоставляют удаленный доступ к своим учетным системам. В отличие от иных форм налогового контроля, налоговый мониторинг предполагает расширенное информационное взаимодействие налогоплательщиков и налоговых органов: налоговики получают удаленный доступ к информационным системам налогоплательщика, которые используются для введения бухгалтерской и налоговой отчетности, а налогоплательщики, подписавшие соглашение о проведении налогового мониторинга, гарантированно освобождаются от ответственности в случае выявления нарушений, которые оперативно устраняются уже в процессе контроля¹.

Представляется, что налоговый мониторинг, предусмотренный разделом V.2 НК РФ, является наиболее оптимальной формой налогового контроля за деятельностью операторов информационной системы и операторов обмена ЦФА, а также организаций, являющихся стороной сделок с ЦФА. Применительно к сфере цифровых финансовых активов налоговый мониторинг целесообразно проводить посредством обеспечения удаленного доступа к информационной системе, в которой осуществляется выпуск и обмен ЦФА.

¹ См.: Баранова Л.Г., Федорова В.С. Налоговый мониторинг – тренд налогового администрирования в условиях цифровизации // Совершенствование налогового администрирования: матер. VI Респуб. научн.-практ. конф. (23 декабря 2021 г.). Уфа, 2022. С. 103.

В отношении физических лиц, осуществляющих операции с ЦФА, проведение налогового мониторинга невозможно, поскольку пункт 1 статьи 105.26 НК РФ императивно устанавливает его проведение лишь в отношении налогоплательщиков-организаций. В этой связи в отношении физических лиц целесообразным представляется проведение налоговых проверок в соответствии со статьями 87-89.2 НК РФ. При этом вся информация, необходимая для проведения камеральной проверки, может предоставляться как непосредственно налогоплательщиком, так и посредством предоставления информации по каналам связи через оператора информационной системы. Оператором указанной информационной системы должны быть предоставлены налоговому органу сведения о сделках, совершенных конкретным пользователем, о расчетах по данным сделкам, о реквизитах владельца ЦФА.

Для осуществления налогового мониторинга операций с ЦФА необходимо предварительное согласование между налогоплательщиком и налоговым органом: алгоритма предоставления сведений об обязательных платежах в электронной форме, а также доступа к ним через информационные системы субъекта хозяйствования; порядка ознакомления с оригиналами документов, предоставляемых должностным лицам налогового органа; времени доступа к информации, включая три последующих года после окончания периода налогового мониторинга; перечня показателей, раскрываемых через информационную систему налогоплательщика в его регистрах налогового и бухгалтерского учета.

В пункте 3 статьи 105.26 НК РФ регламентированы условия, при соблюдении которых организация вправе обратиться в налоговый орган с заявлением о проведении налогового мониторинга. Анализ указанных условий позволяет сделать вывод, что данная форма налогового контроля применима в отношении крупных и стабильно работающих предприятий, а также круп-

нейших налогоплательщиков. В этой связи видится целесообразным в целях совершенствования института налогового контроля за операциями с ЦФА не применять пороговые требования для налогоплательщиков, осуществляющих операции с цифровыми финансовыми активами, которые вправе обратиться с заявлением о проведении налогового мониторинга операций с ЦФА.

Внедрение налогового мониторинга в систему налогового администрирования операций с цифровыми финансовыми активами, расширение возможностей его применения позволит стандартизировать, автоматизировать, упростить и ускорить процедуру проверки выгодоприобретателей по операциям с ЦФА.

Таким образом, рассмотрев наиболее значимые проблемы налогового контроля за операциями с ЦФА и их результатами, можно сделать вывод, что их решению будет способствовать внесение изменений и дополнений в законодательство о налогах и сборах, а также разработка и доведение до заинтересованных лиц разъяснительных писем ФНС России по частным вопросам, связанным с налогообложением операций с цифровыми финансовыми активами.

Совершенствование методологии налогового контроля, в том числе специфики реализации мониторинга в отношении информационных систем и деятельности информационных платформ, является глобальной научной задачей, способной выступить самостоятельным объектом исследований.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

По результатам проведенного исследования были сделаны следующие выводы.

В международной практике такие понятия, как криптовалюта, стейблкоин, цифровые деньги, цифровая валюта и токен обычно охватываются единой собирательной категорией, отражающей все виды цифровых инструментов, основанных на технологии распределенного реестра, обозначая новый цифровой финансовый инструментарий в широком смысле. В качестве такого обобщающего понятия обычно используются такие термины, как криптоактивы, виртуальные активы, цифровые активы, криптовалюта.

Российский законодатель ввел такие понятия как «цифровая валюта», «цифровые финансовые активы», «утилитарные цифровые права», а также «цифровые права», в том числе «цифровые права, включающие цифровые финансовые активы и иные цифровые права», «цифровые права, включающие одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права». Российский закон не закрепляет общего понятия для указанных категорий, подразумевая в этом качестве понятие «цифровые права». Однако предложенный законодателем подход фактически не был воспринят научным сообществом. В силу чего наметилась проблема раздвоения терминологии, поскольку понятие «цифровые финансовые активы» стало использоваться в двух значениях: в широком (как обобщающее для всех перечисленных форм криптоактивов) и в узком (в соответствии с определением, зафиксированном в Законе о ЦФА).

Предложено в качестве обобщающего понятия использовать понятие «цифровые финансовые инструменты». Обычно под финансовыми инструментами понимаются средства, используемые на финансовом рынке для финансовых вложений и извлечения на их основе прибыли или дохода в буду-

щем, что присутствует во всех видах криптоактивов в настоящее время. С учетом того, что цифровая форма присуща многим традиционным финансовым средствам, в частности, электронным деньгам и производным финансовым инструментам, аргументировано, что понятие «цифровые финансовые инструменты» должно включить себя и производные финансовые инструменты, но не может включать электронные деньги, поскольку они не выполняют обычно функции инвестиционного инструмента.

Новые криптоинструменты отличаются своей основанностью на технологии распределенного реестра, которая напрямую определяет особенности их выпуска и обращения. Благодаря используемой технологии цифровые финансовые инструменты по сравнению с традиционными обладают специфическими характеристиками: относительная простота эмиссионного механизма и доступа к рынку; отсутствие или минимизация числа посредников при осуществлении оборота цифрового инструмента; уменьшение стоимости цифровых транзакций; открытость технологических аспектов криптоактива. Хотя новые технологические решения не свободны и от рисков.

В российском законодательстве технологический аспект новых финансовых инструментов также закреплен: ЦФА может быть выпущен в информационной системе на основе распределенного реестра или в иной информационной системе (пункт 2 статьи 1 Закона о ЦФА). Основное смысловое содержание этой оговорки не в ее необязательности, а в нежелании ограничивать ЦФА только данным типом технологии, которые стремительно развиваются. В мировой практике это называется принципом технологического нейтралитета, согласно которому при установлении правового регулирования совершения операций с криптоактивами закрепляется технологический аспект такого актива, но сама технология не детализируется и не конкретизируется.

С учетом изложенного группу «цифровые финансовые инструменты»

предложено дифференцировать на две подгруппы: производные финансовые инструменты и криптоинструменты, основанные на технологии распределенного реестра. Все криптоинструменты характеризуются неотъемлемой технологической составляющей определенного типа – технологии распределенного реестра, обеспечивающей технологические гарантии достоверности информации, отраженной в информационной системе, основанной на данной технологии. Это позволяет констатировать их экономико-технологическую природу, требующую отражения и учета в правовом регулировании.

Традиционные финансовые инструменты, а также электронные деньги, обычно основываются на иных технологических решениях, поэтому в настоящее время они не могут относиться к криптоактивам, основанным на технологии распределенного реестра. В будущем традиционные финансовые инструменты также могут перейти на эту технологию, что означает, что они перейдут в группу криптоактивов при условии, что будут использоваться как инструменты финансовых вложений.

Таким образом, поскольку финансовые инструменты вообще могут иметь цифровую форму и содержаться в информационных системах, основанных на иных технологических принципах, то поэтому необходимо различать термины «цифровые финансовые инструменты», криптоактивы как их разновидность (финансовые инструменты, основанные на технологии распределенного реестра или иной аналогичной технологии), а также цифровые права как категорию, распространяющуюся на определенные в законе цифровые финансовые инструменты.

В исследовании были уточнены характеристики цифрового финансового актива в узком значении этого понятия.

Финансовая природа ЦФА характеризуется их выпуском на финансовый рынок с целью получения выгоды от операций с ними, прежде всего, инвестиционного характера. Однако данная функциональность может быть реа-

лизована только в специфичной технологической среде (специальная информационная система и иные технические средства). Это позволяет утверждать, что ЦФА обладают финансово-технологической сущностью, определяющей особенности правового регулирования выпуска и обращения ЦФА, а также налогообложения операций с ними.

В зарубежной правовой доктрине и законодательстве криптоактив обычно определяется как инструмент, направленный на извлечение непосредственной материальной выгоды, т.е. допускаемый в рамках экономического оборота. Обобщенный анализ зарубежного опыта правового регулирования выпуска и оборота новой категории финансовых инструментов, показывает, что пока не сформировано единого терминологического ряда, а модели правового регулирования операций с криптоактивами существенно различаются. С учетом того, что операции с такими активами имеют существенный потенциал трансграничности, разрозненность их правового регулирования в разных странах будет снижать эффективность контроля за ними. Этим обусловлена целесообразность разработки единого подхода к регулированию криптоактивов на международном уровне, в том числе по формированию Конвенции о цифровых финансовых активах. В документе необходимо закрепить понятие и виды таких активов, их отличительные характеристики, особенности обращения, в том числе использования в расчетах, а также порядок осуществления контроля за операциями с такими активами, приемлемые способы разрешения споров, возникающих при наличии иностранного элемента, защиты прав инвесторов, держателей токенов и т.д. Единый международный акт для Евразийского экономического союза позволит унифицировать правила обращения криптоактивов, в том числе ЦФА, на территории входящих в него государств, что будет способствовать развитию финансового рынка.

Использование криптоактивов расширяется во всем мире, странам все

чаще приходится определять и устанавливать соответствующие правовые рамки для этих финансовых инструментов. Законодатели стремятся, с одной стороны, ограничить вредное или рискованное использование новой технологии, с другой, – сформировать благоприятные условия для ее развития, поскольку технология способна формировать новые виды деловой активности и увеличить скорость обращения экономических ресурсов.

На основе проведенного анализа зарубежных подходов к правовому регулированию операций с криптоактивами сформулированы выводы о наличии нескольких разрешительных моделей такого правового регулирования.

Первая модель связана с признанием и законодательным закреплением криптоактивов в качестве платежного и инвестиционного средства (Лихтенштейн, Франция, Мальта, Япония, Сингапур и др.). В этих странах изданы законы или руководящие указания, в которых косвенно или прямо признается, что использование криптоактивов является законным.

Вторая модель связана с признанием легальности криптоактивов, но законодательно не закрепляется для них специальных правил; на правоотношения, связанные с криптоактивами, распространяются нормы законодательства, регламентирующего сходные отношения на финансовых рынках (например, о ценных бумагах), которые дополняются разъясняющими актами национальных финансовых регуляторов (США, Канада, Гонконг, Португалия).

В рамках разрешительной политики регуляторы адаптируют уже действующее законодательство к применению новых инструментов и/или формируют новое и данные подходы все чаще применяются одновременно, что определяется разнообразием криптоактивов. Правовое регулирование нового финансового инструментария формируется по аналогии с похожими по функционалу традиционными финансовыми инструментами, что предполагает адаптацию действующих правил к новым криптоактивам. В отношении

тех разновидностей криптоактивов, которые отличаются от традиционных финансовых инструментов (криптовалюты и утилитарные токены) формируется новое правовое регулирование.

Токены подразделяются на валютные, инвестиционные, утилитарные и гибридные. Утилитарные активы предоставляют обладателям определенные права на получение товара или услуги. Валютные или платежные криптоактивы используются в качестве платежного средства, выступая аналогом виртуальной валюты. Инвестиционные криптоактивы являются аналогом ценных бумаг и используются в качестве инвестиционного инструмента. Распространение на инвестиционные токены действия уже действующих на финансовом рынке правил позволяет обеспечить аналогичные объемы защиты интересов держателей таких токенов, как и «обычным» инвесторам.

Таким образом, подходы к правовому регулированию инвестиционных токенов обычно отличаются от правового регулированию криптовалюты или утилитарных токенов, в отношении которых формируются специальные правила в форме принятия специальных законодательных актов об оказании услуг, связанных с оборотом таких криптоактивов.

Однако такая модель правового регулирования (распространение на инвестиционные токены правового регулирования операций на традиционном рынке ценных бумаг, и специального акта, регламентирующего токены, не подпадающие под действие законодательства о финансовых рынках) затруднительно оценить как эффективную.

Это связано с тем, что криптоактив может иметь гибридный формат, т.е. сочетать в себе функциональность разных видов. Поэтому деятельность, изначально начатая как услуги по криптовалюте, может быть в последующем оценена компетентным органом как инвестиционная и требующая соблюдения обязанностей, установленных законодательством о финансовых рынках. Это справедливо оценивается как состояние правовой неопределенности, в

целях устранения которой в европейской науке предлагается перейти к модели единого правового акта, регулирующего отношения, связанные с выпуском и обращением криптоактивов, независимо от их разновидности.

ЦФА по российскому законодательству, по своей сути, соответствуют модели инвестиционных токенов, представляющих собой совокупность цифровых финансовых инструментов, являющихся в зарубежной практике цифровым аналогом ценных бумаг. Особенностью российского Закона о ЦФА является закрепление дуалистичного правового режима инвестиционных токенов, при котором ЦФА могут выпускаться как в качестве инструментов, связанных с эмиссионными ценными бумагами, так и не связанных с ними, оформляя любые иные денежные требования, опосредуя долговые отношения между эмитентом ЦФА и покупателем ЦФА или отношения долевого участия в капитале эмитента ЦФА. Это придает традиционным типам долговых отношений (займ, выпуск ценных бумаг) новую правовую и организационную форму – форму цифрового права, реализуемого в информационной системе посредством специально созданной инфраструктуры – позволяющей существенно расширить доступность инвестиционных ресурсов.

Анализ признаков ЦФА в соответствии с российским законом позволяет оценивать их как альтернативу ценным бумагам. Сформирован вывод о невозможности отождествления ЦФА с категорией ценных бумаг, в том числе бездокументарных, сознательное разграничение которых прослеживается по российскому законодательству. Объективной основой для этого выступают особенности, присущие выпуску и обращению ЦФА, отличающие их от традиционных, в том числе бездокументарных, ценных бумаг.

В отличие от распространенного зарубежного подхода в России для токенов инвестиционного функционала формируются новые правила, а не распространяются те, которые действуют на рынке ценных бумаг. Отношения по выпуску и обращению ЦФА выступают самостоятельным объектом пра-

вового регулирования и ЦФА не могут быть определены как цифровое представление ценных бумаг. Однако несмотря на это происходит постепенное сближение правового регулирования операций с ЦФА с правовым регулированием ценных бумаг, что обусловлено признанием принципа «одинаковое содержание и риски – одинаковое правовое регулирование».

На этой основе базируется сделанный в работе вывод, что в целях налогообложения может быть учтено сходство данных инструментов, позволяющее формировать в налоговом законодательстве специальные правила или оговорки применения стандартных механизмов налогообложения операций с ценными бумагами в целях налогообложения операций с ЦФА.

Выделены признаки ЦФА, имеющие значение для налогообложения: ЦФА выступают объектом гражданских прав и являются предметом сделок, следовательно, могут являться предметом налогообложения по модели налогообложения операций с имущественными правами; стоимость ЦФА может изменяться и приносить его обладателю доходы/убытки, что должно учитываться в механизме налогообложения по стандартной модели инвестиций, в том числе операций с ценными бумагами. Для налогообложения это означает допустимость формирования в налоговом законодательстве специальных правил или оговорок применения стандартных механизмов налогообложения операций с ценными бумагами.

Обосновано, что хотя общественные отношения, возникающие в связи с выпуском и обращением ЦФА, и обладают финансовой природой, это не делает их предметом финансово-правового регулирования в полном объеме, т.е. поддержана научная позиция о комплексном правовом регулировании отношений, разворачивающихся по поводу выпуска и дальнейшего обращения ЦФА.

Обращение к вопросу о соотношении публично- и частноправового регулирования оборота цифровых финансовых активов, связано с тем, что при-

меняемые в рамках частноправового и публично-правового регулирования операций с ЦФА способы и средства обеспечивают достижение отраслевых задач правового регулирования, но при этом они должны быть направлены на единую цель обеспечения экономического развития и правомерных интересов участников этих операций. В основе этого разграничения лежит понимание того, что императивный финансово-правовой инструментарий может быть эффективным не везде, а чрезмерное его применение препятствует свободному использованию финансовых ресурсов внутри национальной экономики, замедляя экономическое развитие.

В рамках формирования концептуальной основы налогово-правового регулирования отношений, связанных с выпуском и оборотом ЦФА, было осуществлено вычленение тех отношений, которые объективно нуждаются в императивной регламентации, а также определены критерии для такого разграничения и систематизированы финансово-правовые средства, применяемые в российской и зарубежной практике.

Финансовые регуляторы различных государств, в том числе и в России, основную цель императивного регулирования сферы операций с ЦФА и иными цифровыми активами усматривают в нейтрализации угроз: стабильности финансовой системы государства; нарушения прав и интересов потребителей финансовых услуг; использования криптоинструментов, в том числе и ЦФА, в преступной деятельности.

Финансово-правовые средства, обеспечивающие снижение рисков дестабилизации финансовой системы, можно подразделить на две группы: 1) требования императивного характера к операциям с ЦФА; 2) меры, обеспечивающие финансовую стабильность инфраструктуры, формируемой для осуществления операций с ЦФА.

Требования императивного характера к операциям с ЦФА определяются общей моделью правового регулирования таких операций. В целом, рос-

сийскую модель правового регулирования криптоактивов можно отнести к ограничительно-разрешительным, поскольку сформирован комплекс правил для выпуска и обращения ЦФА и утилитарных цифровых прав, но при этом выпуск и обращение цифровых валют имеют лишь частичную легитимизацию.

Российская модель правового регулирования операций с ЦФА может быть обозначена как разрешительная, т.к. нормативно выпуск ЦФА не ограничен какими-либо формами, ЦФА может быть связано с любыми видами денежных обязательств, в том числе имеющих гибридный характер, т.е. сочетающих в себе не только денежные, но и имущественные требования о предоставлении товаров, работ или услуг. Этим определяется потребность в финансово-правовых средствах снижения рисков воздействия данного инструмента на стабильность финансовой системы. Но в силу незначительного пока объема таких операций и императивные их ограничения находятся в процессе формирования.

Приемы правового регулирования, применяемые в том числе и в России, в основном, укладываются в русло реализации единообразных принципов: определение и выражение отношения государственных регуляторов к операциям с криптоактивами как высокорискованным (в случаях, если они не запрещены); стремление к исключению дискриминирующих различий с существующими инвестиционными институтами, т.е. различий в правовом статусе уже существующих финансовых организаций и организаций, формируемых в связи с обращением ЦФА, при сходстве осуществляемых ими операций по существу; реализация принципа «одинаковое содержание и риски – одинаковое регулирование».

Ключевым аспектом обеспечения стабильности инфраструктуры обращения ЦФА выступает противодействие нелегальной деятельности, а также регулирование, контроль и надзор за деятельностью субъектов, формирую-

щих инфраструктуру обращения ЦФА, прежде всего, в части контроля их финансовой стабильности.

Комплекс требований к субъектам такой деятельности признать достаточными пока затруднительно. Обращает на себя внимание тот факт, что законодательно требования к обеспечению финансовой стабильности не закреплены в отношении операторов информационных систем по выпуску ЦФА, хотя его основная функция заключается в обеспечении бесперебойной работы информационной системы, в которой осуществляется выпуск и обращение ЦФА, в том числе в форме возмещения убытков пользователям этой информационной системы, причиненных нарушениями в работе системы. Поэтому представляется логичным распространение на оператора информационной системы таких же требований к размеру уставного капитала, как и к оператору обмена ЦФА. Для этого предложено внести изменения в пункт 1 статьи 5 Закона о ЦФА.

Меры, предпринимаемые для нейтрализации угроз нарушения прав и законных интересов потребителей финансовых услуг, связанных с выпуском и обращением ЦФА, дифференцированы на: 1) меры, предусмотренные Законом о ЦФА или вытекающие из его содержания и 2) иные меры и мероприятия, реализуемые Банком России и другими уполномоченными субъектами.

К первой группе отнесены ограничения на размер операций с ЦФА для неквалифицированных инвесторов. В этой связи аргументирована целесообразность увеличения лимита на приобретение цифровых финансовых активов в течение одного года физическими лицами-неквалифицированными инвесторами.

Важный публичный аспект правового регулирования операций с ЦФА, который в настоящий момент не имеет финансово-правовой формы, но, как представляется, должен ее приобрести связан с регламентацией требований к

правилам информационных систем и систем обмена. Широкие возможности для недобросовестной практики, нарушающей законные интересы потребителей финансовых услуг, могут создаваться, если правила информационных и обменных систем не закрепляют соответствующих обеспечительных механизмов. Требования к правилам информационной системы должны снижать или нейтрализовывать риски злоупотребления со стороны операторов информационных систем; пробелы законодательного регулирования отдельных организационных аспектов функционирования информационных систем; отсутствие детальной нормативной разработки контрольно-надзорных механизмов в указанной сфере. Научное осмысление критериев, по которым необходимо оценивать правила информационных систем, выходит за рамки настоящего исследования, но может стать самостоятельным объектом научных разработок.

Ко второй группе мер обеспечения безопасности потребителей финансовых услуг на рынке ЦФА и иных криптоактивов можно отнести экономические приемы снижения интереса к рискованным криптоактивам, путем формирования альтернативных инструментов для инвестирования.

Угрозы и риски, связанные с использованием цифровых финансовых активов в преступной деятельности, нейтрализуются посредством инструментария, направленного на противодействие отмыванию доходов, полученных преступным путем и финансированию терроризма.

К зарубежным практикам, заслуживающим внимания, можно отнести предупреждение потребителей о высоких рисках, связанных с операциями с виртуальными активами, а также выпуск сборников, в которых обезличенно описываются дела, связанные с отмыванием преступных доходов или финансированию терроризма, выявленные ранее; проведение базовой проверки на предмет профессиональной пригодности и добросовестности в процессе регистрации в качестве провайдера услуг с виртуальными активами; оценка со-

ответствия уровня рисков заявителей их бизнес-планам и присвоение каждому подотчетному провайдеру уровня риска; широкий круг регуляторов и органов контроля.

Исследование налогово-правового регулирования операций с ЦФА и их результатов потребовало предварительной конкретизации субъектно-содержательных аспектов данных операций.

Субъекты правоотношений, возникающих при совершении операций с ЦФА, подразделены на две группы: лица, оказывающие услуги, связанные с выпуском и обращением ЦФА; и лица, осуществляющие пользование данными услугами.

Лица, осуществляющие пользование услугами операторов информационных систем и обмена, в Законе о ЦФА обозначаются как: лицо, выпускающее ЦФА, первый обладатель ЦФА, новый приобретатель ЦФА, обладатель ЦФА, номинальный держатель ЦФА, пользователь информационной системы. Данный терминологический ряд может показаться чрезмерным. В целях налогообложения учитывается в некоторых случаях, является ли субъект первым или не первым обладателем ЦФА, хотя смысл этих правил определяется применяемой моделью налогообложения и может быть уяснен и без выделения таких разновидностей субъектов как первый и последующие приобретатели. Тем не менее, представляется, что на данном этапе развития правового регулирования операций с ЦФА такая детализация круга субъектов и совершаемых ими действий в процессе выпуска и обращения ЦФА является целесообразной, поскольку она позволяет достаточно ясно уяснить функциональные различия и степень участия одних и тех же субъектов в разных операциях. С учетом новизны данной сферы отношений как для участников, так и для правоприменителей такая регламентация не является излишней.

Российский Закон о ЦФА не содержит понятия операции с цифровыми финансовыми активами, а также исчерпывающего их перечня. Однако в рам-

ках российского правового регулирования под операциями с денежными средствами или иным имуществом понимаются действия физических и юридических лиц с денежными средствами или иным имуществом независимо от формы и способа их осуществления, направленные на установление, изменение или прекращение связанных с ними гражданских прав и обязанностей.

В Законе о ЦФА к числу операций отнесены такие действия как выпуск, учет и обращение ЦФА, с чем в полной мере согласиться затруднительно. Отношения, связанные с выпуском и обращением ЦФА, действительно, можно рассматривать как действия, направленные на возникновение, изменение или прекращение гражданских прав и обязанностей, связанных с ними. Учет выступает действием, которое фиксирует совершение перечисленных операций в информационной системе, т.е. подтверждает юридический факт возникновения, изменения или прекращения гражданских прав и обязанностей, не являясь самостоятельной операцией денежного характера.

Выпуск ЦФА следует рассматривать как операцию, поскольку ее осуществление влечет возникновение гражданско-правовых прав и обязанностей у субъектов, участвующих в ней (лица, выпускающего ЦФА, первого приобретателя ЦФА, оператора информационной системы). Совершение действий по выпуску и приобретению выпущенных ЦФА формирует и налоговые правоотношения, т.к. данными субъектами в результате получены доходы и/или осуществлены расходы, подлежащие учету в целях налогообложения.

Сущность выпуска финансовых активов как операции заключается в том, что с учетом специфики их цифровой природы осуществляется процесс создания указанных активов путем токенизации (цифрового обозначения) имущества или денежных обязательств лица, выпускающего ЦФА, предлагаемых и покупаемых через специальную инфраструктуру (информационную систему конкретного оператора). Процедуру выпуска ЦФА следует считать завершенной с момента зачисления выпущенного ЦФА на счет первого об-

ладателя ЦФА.

Помимо выпуска и обращения ЦФА в Законе о ЦФА также фиксируется обязательность совершения действий по погашению ЦФА. В связи с чем возникает вопрос о том, является ли погашение ЦФА операцией по смыслу Закона о ЦФА и налогового законодательства. Неопределенность в этом вопросе связана также с тем, что Налоговый кодекс РФ вводит и использует такое понятие как «выкуп ЦФА», связывая его с погашением ЦФА. Однако термин «выкуп ЦФА» не разъясняется в Законе о ЦФА.

Согласно Закону о ЦФА, погашение ЦФА не может быть осуществлено ранее проведенного выкупа. Термин «погашение ЦФА» отражает действие, которое должно осуществляться в системе учета информационной системы, а термин «выкуп ЦФА» - действия обязанных по ЦФА лиц, порождающие гражданско-правовые последствия и подлежащие отражению в учете. На этой основе аргументировано, что погашение ЦФА не может рассматриваться как операция с такими активами. Характер операции (денежной или с иным имуществом) имеет именно выкуп, а погашение является действием в системе учета таких операций.

На этой основе аргументирована необходимость закрепить в Законе о ЦФА понятие выкупа ЦФА как операции с ними, обуславливающей их погашение в системе учета информационной системы. Исполнение обязательства по выпущенным ЦФА нормативно в Законе о ЦФА сформулировано очень обобщенно как вид и объем прав, удостоверяемых ЦФА, которые должны быть отражены в решении о выпуске ЦФА (подпункт 3 пункта 1 статьи 3 Закона о ЦФА). Отсутствие специальных требований к конкретизации в этой части снижает степень обеспечения интересов инвесторов или иных приобретателей ЦФА. В этой связи предложено внесение уточнений в текст подпункта 3 пункта 1 статьи 3 Закона о ЦФА.

Закон о ЦФА содержит, но не определяет такое понятие как «обраще-

ние цифровых финансовых активов». Его понимание возможно по аналогии с законодательством о ценных бумагах, как заключение гражданско-правовых сделок, влекущих переход прав собственности.

Обращение ЦФА прекращается фактом погашения в системе учета информационной системы данного ЦФА. Погашение ЦФА допустимо по двум основаниям: 1) при исполнении лицом, выпустившим ЦФА, своих обязательств, удостоверенных ЦФА, т.е. на основании выкупа ЦФА; 2) если лицо, выпустившее ЦФА, стало их обладателем на основании совершения каких-либо сделок и остается им по истечении одного года после этого.

В качестве основных операций с ЦФА выделены следующие: выпуск ЦФА; операции, опосредующие обращение ЦФА (купля-продажа ЦФА; обмен ЦФА; иные сделки с ЦФА); прекращение обязательств по ЦФА (выкуп ЦФА или исполнение в иной форме). Данные операции являются юридическими фактами, которые учитываются в целях обложения налогами на добавленную стоимость, прибыль организаций, доходы физических лиц. Как налогооблагаемые события данные операции могут быть конкретизированы дополнительно следующим образом: выпуск цифрового права; отчуждение цифрового права на возмездной (реализация или обмен цифрового права) или безвозмездной основе; приобретение цифрового права на возмездной или безвозмездной основе; выкуп цифрового права. В круг операций с ЦФА следует также добавить услуги операторов информационных систем.

В Законе о ЦФА перечень операций с ними имеет обобщенный характер, но может быть конкретизирован в целях формирования теоретической основы их правового регулирования, а также системности нормативного материала, изложенного в нем и Налоговом кодексе РФ. Перечень операций с ЦФА различается для разных субъектов. Так, для эмитента ЦФА к таким операциям можно отнести выпуск ЦФА и прекращение обязательств по ним в виде выкупа, исполнения в иной форме или прекращения по иным законо-

дательно предусмотренным основаниям. Для приобретателей ЦФА к таким операциям будут относиться: приобретение, хранение, отчуждение ЦФА. Операция приобретения ЦФА может быть дифференцирована в зависимости от стадии жизненного цикла: 1) приобретение первым обладателем в рамках выпуска; 2) приобретение в рамках обращения ЦФА (у первого или последующих обладателей). Операции по приобретению и отчуждению в зависимости от возмездности могут быть подразделены на: 1) возмездное и 2) безвозмездное приобретение (отчуждение). В диссертации также обоснована возможность дифференциации операций с ЦФА на операции с обращающимися и необрацающимися ЦФА. Категоризация ЦФА на обращающиеся и необрацающиеся сформирована по аналогии с с подобной классификацией ценных бумаг. К необрацающимся ЦФА предложено относить такие, по условиям выпуска которых не допускается их реализация первым обладателем. К обращающимся ЦФА – по условиям выпуска которых допускается их реализация или совершение мены. Данная классификация разработана для учета финансовых результатов операций с ЦФА в целях налогообложения.

В исследовании установлено, что цифровые права, которые в соответствии со статьей 128 ГК РФ отнесены к разряду иного имущества, прямо в оговорках и определениях, представленных в статье 38 НК РФ не предусмотрены, из чего можно сделать вывод, что они не относятся к имуществу в смысле категорий налогового законодательства, т.е. их реализация не может быть объектом налогообложения ни в виде имущества, ни в виде реализуемого товара.

Между тем это не так, поскольку реализация ЦФА, по сути, признается объектом налогообложения, хотя и освобождается от взимания налога на добавленную стоимость, а реализация утилитарных цифровых прав (УЦП) порождает налоговые обязанности по уплате НДС. Поскольку ЦФА и УЦП представляют собой имущественные права, отличные по своей правовой

природе от бездокументарных ценных бумаг и безналичных денежных средств, их следует перечислить в тексте статьи 38 НК РФ. В этой связи аргументирована необходимость внести дополнения в абзац второй пункта 2 статьи 38 НК РФ.

Налог на добавленную стоимость по операциям с ЦФА формируется по моделям налогообложения реализации традиционных, нецифровых активов: ценных бумаг (иных финансовых инструментов) или товаров, работ, услуг.

Выпуск ЦФА в целях налогообложения признается реализацией ЦФА, что порождает объект НДС. Если криптоактив представляет собой «чистое» ЦФА, то и первичная и последующие реализации освобождены от НДС в силу прямого указания в законе. Выпуск и реализация гибридных цифровых прав, в отличие от выпуска и реализации ЦФА, не освобождены от обложения налогом на добавленную стоимость. Если криптоактив представляет собой гибридное цифровое право, то обложение НДС сформировано по модели налогообложения поставки товара, выполнения работы или оказания услуги.

Сохраняется неясность в отношении налогообложения ЦФА, которое входит в состав гибридного цифрового права. Представляется, что в соответствии с логикой сформированных правил налогообложения, эта часть гибридного цифрового права также освобождена от уплаты НДС. Однако новизна нового цифрового финансового инструмента может вызвать затруднения на практике при оценке проблемных ситуаций. В этой связи предложено внести уточнение в подпункт 38 пункта 2 статьи 149 НК РФ.

Порядок налогообложения прибыли организаций в отличие от НДС является единым как для операций с чистыми ЦФА, так и гибридными, и сформирован по уже известной модели налогообложения финансового результата по операциям с ценными бумагами в отношении доходов, полученных как лицом, выпустившим ЦФА, так и их обладателями в период хранения ЦФА или после их реализации или иного отчуждения.

Налогообложение доходов физических лиц по этим операциям также формируется по модели обложения финансового результата, порядок исчисления которого различается для дивидендов и иных выплат. По дивидендам налоговую базу будет составлять весь полученный в этой форме доход; по остальным выплатам – доход, уменьшенный на величину расходов на приобретение ЦФА и иных расходов, связанных с обладанием этим ЦФА.

Таким образом, налогообложение доходов, полученных от проведения операций с ЦФА, сформировано по аналогии с налогообложением операций с ценными бумагами и иными финансовыми активами, в чем находит свою реализацию принцип «одинаковое содержание и риски – одинаковое регулирование».

Однако налогообложение операций с ЦФА не в полной мере аналогично налогообложению операций с ценными бумагами по российскому законодательству. Существенные особенности имеются в учете убытков, полученных в результате операций с ЦФА.

При исчислении налога на прибыль, возможный убыток от операций с ЦФА будет учитываться в отдельно рассчитываемой налоговой базе (совместно с необращающимися ценными бумагами) и может оказаться не учтенным в целях налогообложения вообще, если, например, в последующем дохода от операций с необращающимися ценными бумагами не будет или он будет меньше полученного убытка. Исходя из этого для приобретателей ЦФА режим налогообложения операций с ними имеет более рискованный, а, следовательно, менее привлекательный характер по сравнению с операциями с обращающимися ценными бумагами.

Характерна данная проблема и для налогообложения доходов физических лиц от совершения операций с ЦФА. В частности, не допускается уменьшение налоговой базы на сумму полученного убытка, если условиями выпуска ЦФА предусмотрена выплата дохода в виде дивидендов. По иным

ЦФА, в том числе гибридным, убыток учитывается при исчислении налоговой базы по доходам от операций с ЦФА, которая может быть также уменьшена на убыток, полученный от операций с необращающимися ценными бумагами. Но при этом не допускается перенос убытка от операций с ЦФА на будущие периоды (пункт 6 статьи 214.11 НК РФ).

В этом ограничении имеется существенное различие в порядке учета убытка от операций с обращающимися ценными бумагами при исчислении налога на доходы физических лиц, который может быть перенесен на будущее и уменьшать налоговую базу в течение последующих 10 лет, а также компенсируется посредством механизма налогового вычета, предусмотренного статьей 220.1 НК РФ в размере полученного убытка в течение этого же периода.

Данный механизм учета убытка от операций с обращающимися ценными бумагами являются существенной гарантией, компенсирующей риски операций с ними, но, он не распространен на операции с необращающимися ценными бумагами и ЦФА, которые в своем правовом статусе приравнены именно к необращающимся бумагам. Затруднительно обозначить данную правовую модель налогообложения как стимулирующую интерес к новому сегменту финансового рынка.

Аргументировано, что сформированные правила относительно учета доходов от операций с ЦФА в отдельной налоговой базе совместно с необращающимися ценными бумагами, а также ограничения на учет убытков в целях налогообложения доходов по таким операциям не соответствуют общегосударственной задаче по мобилизации внутренних резервов российской экономики, в том числе средств населения, в качестве инвестиционных ресурсов.

Одним из мероприятий в этом направлении может стать формирование более благоприятных условий налогообложения доходов по операциям реа-

лизации ЦФА их обладателями, как физическими, так и юридическими лицами. Эта цель может быть достигнута путем внедрения в налогообложение доходов от реализации ЦФА их дифференциации на обращающиеся и не обращающиеся по аналогии с подобной классификацией ценных бумаг. Модель налогообложения доходов от операций с обращающимися ЦФА следует сформировать по модели налогообложения обращающихся ценных бумаг. Предложены содержательные корректировки положений статьи 282.2 и 214.11 НК РФ.

В контексте анализа условий, стимулирующих инвестиции со стороны физических лиц, следует обратить внимание и на различие в налоговых ставках в отношении доходов, получаемых в виде дивидендов физическими и юридическими лицами, в рамках условий выпущенных ЦФА. Для юридических лиц в соответствии со статьей 284 НК РФ по такому виду доходов ставка налога на прибыль составляет 13 % (пункт 4.5 данной статьи). Для физических лиц ставка налога будет составлять 13 % или 15 % при получении общей суммы доходов более 5 млн. руб. с суммы, превышающей 5 млн. руб. Очевидно, что на подобные инвестиции юридических лиц распространяется пониженная ставка, а для физических лиц ставка не является льготной. Представляется целесообразным снижение ставки НДФЛ на доходы от операций с ЦФА до льготного уровня.

Регулирующее воздействие на сферу обращения ЦФА способны оказывать и другие формы налоговых льгот, которые применяются в зарубежной практике налогообложения доходов по операциям с ценными бумагами: освобождение от налогообложения; пониженные налоговые ставки; необлагаемый минимум дохода от таких операций; возможность вычитать из полученного дохода не только стандартные, но и непредвиденные расходы; возможность вычитать из полученного дохода фактическую стоимость ЦФА на момент сделки по продаже; освобождение от налогообложения доходов от

продажи ЦФА, находившихся в собственности более 10 лет.

Аргументирована целесообразность внедрения в практику деятельности операторов информационных систем, осуществляющих выпуск ЦФА, и операторов обмена ЦФА риск-ориентированного подхода, в основу которого должны быть положены методы, позволяющие выявлять налоговые риски, качественно их оценивать и учитывать при принятии управленческих решений. Учитывая, что операции с ЦФА являются высокорискованными, следует законодательно установить обязательность закрепления в Правилах информационной системы мер по минимизации рисков нарушения законодательства о налогах и сборах при осуществлении операций с ЦФА. Для этого предлагается дополнить пункт 3 статьи 5 Закона о ЦФА.

В настоящее время правовое регулирование оборота ЦФА затрудняет реализацию контроля за операциями с криптоактивами, поскольку ЦФА функционируют на основе информационных систем с ограниченным доступом. Представляется, что наиболее оптимальной формой налогового контроля за операциями с ЦФА, которые осуществляются непосредственно в информационной системе, может стать налоговый мониторинг на основе неприменения пороговых требований, предусмотренных пунктом 3 статьи 105.26 НК РФ.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

I. Нормативные правовые акты

1.1 Международные правовые акты

1. Директива № 2014/65/ЕС Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О рынках финансовых инструментов и об изменении Директивы 2002/92/ЕС и Директивы 2011/61/ЕС (в новой редакции)» (Принята в г. Брюсселе 15.05.2014) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

1.2 Нормативные и иные правовые акты РФ

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г., № 1-ФКЗ) // Рос. газета. – 1993. – 25 дек.; СЗ РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416; Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>, 06.10.2022.

3. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 2024. – 2024. – № 33 (Часть I). – Ст. 4933.

4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2024. – № 33 (ч. I). – Ст. 4933.

5. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31 июля 1998 г. № 146-ФЗ (в ред. от 29 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. – 1998. – № 31. – Ст. 3824; 2024. – № 49 (ч. 1). – Ст. 7409.

6. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. № 117-ФЗ (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340; 2024. – № 53 (Часть I). – Ст. 8540.

7. Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» (в ред. от 28 декабря 2024 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 17. – Ст. 1918; 2024. – № 53 (ч. I). – Ст. 8542.

8. Федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» (в ред. от 07 апреля 2025 г.) // СЗ РФ. – 2001. – № 33 (ч. I). – Ст. 3418; Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru>, 07.04.2025.

9. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (в ред. от 23 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. – 2011. – № 27. – Ст. 3872; 2024. – № 48. – Ст. 7219.

10. Федеральный закон от 27 ноября 2017 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации в связи с реализацией международного автоматического обмена информацией и документацией по международным группам компаний» // СЗ РФ. – 2017. – № 49. – Ст. 7312.

11. Федеральный закон от 27 ноября 2018 г. № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (в ред. от 29 ноября 2024 г.) // СЗ РФ. – 2018. – № 49 (ч. I). – Ст. 7494; 2024. – № 49 (ч. I). – Ст. 7409.

12. Федеральный закон от 02 августа 2019 г. № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 08 августа 2024 г.) // СЗ РФ. – 2019. – № 31. – Ст. 4418; 2024. – № 33 (ч. I). – Ст. 4959.

13. Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в ред. от 25 октября 2024 г.) // СЗ РФ. – 2020. – № 31 (ч. I). – Ст. 5018; 2024. – № 44. – Ст. 6489.

14. Федеральный закон от 14 июля 2022 г. № 324-ФЗ «О внесении изменений в часть вторую Налогового кодекса Российской Федерации» //

СЗ РФ. – 2022. – № 29 (ч. III). – Ст. 5291.

15. Федеральный закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2023. – № 31 (ч. III). – Ст. 5766.

16. Федеральный закон от 12 июля 2024 г. № 176-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации, отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2024. – № 29 (ч. III). – Ст. 4105.

17. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2902.

18. Указ Президента РФ от 09 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017 - 2030 годы» // СЗ РФ. – 2017. – № 20. – Ст. 2901.

19. Указ Президента РФ от 06 июня 2019 г. № 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» (в ред. от 27 марта 2023 г.) // СЗ РФ. – 2019. – № 23. – Ст. 2927; 2023. – № 14. – Ст. 2394.

20. Указ Президента РФ от 02 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2021. – № 27 (часть II). – Ст. 5351.

21. Указ Президента РФ от 28 февраля 2024 г. № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2024. – № 10. – Ст. 1373.

22. Постановление Правительства РФ от 02 марта 2017 г. № 244 «О совершенствовании требований к обеспечению надежности и безопасности электроэнергетических систем и объектов электроэнергетики и внесении из-

менений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (в ред. от 26 октября 2022 г.) // СЗ РФ. – 2017. – № 11. – Ст. 1562; 2022. – № 44. – Ст. 7581.

23. Распоряжение Правительства РФ от 07 июля 2017 г. № 1455-р «Об утверждении Стратегии развития сельскохозяйственного машиностроения России на период до 2030 года» // СЗ РФ. – 2017. – № 29. – Ст. 441.

24. Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2017 г. № 1756-р «Об утверждении Стратегии развития транспортного машиностроения Российской Федерации на период до 2030 года» (в ред. от 13 октября 2022 г.) // СЗ РФ. – 2017. – № 34. – Ст. 5323; 2022. – № 43. – Ст. 7393.

25. Распоряжение Правительства РФ от 26 ноября 2018 г. № 2581-р «Об утверждении Стратегии развития санаторно-курортного комплекса Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2018. – № 49 (часть VI). – Ст. 7670.

26. Распоряжение Правительства РФ от 30 августа 2019 г. № 1930-р «О Стратегии развития морской деятельности в РФ до 2030 года» // СЗ РФ. – 2019. – № 35. – Ст. 5013.

27. Распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2019 г. № 2129-р «Об утверждении Стратегии развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 года» (в ред. от 07 февраля 2022 г.) // СЗ РФ. – 2019. – № 39. – Ст. 5460; 2022. – № 7. – Ст. 1018.

28. Распоряжение Правительства РФ от 06 июня 2020 г. № 1512-р «Об утверждении Сводной стратегии развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2030 года и на период до 2035 года» (в ред. от 07 ноября 2023 г.) // СЗ РФ. – 2020. – № 24. – Ст. 3843; 2023. – № 46. – Ст. 8278.

29. Распоряжение Правительства РФ от 05 ноября 2020 г. № 2869-р «Об утверждении Стратегии развития станкоинструментальной промышленности на период до 2035 года» // СЗ РФ. – 2020. – № 46. – Ст. 7316.

30. Распоряжение Правительства РФ от 17 августа 2022 г. № 2290-р «О Плане мероприятий по реализации в 2022 - 2025 годах Концепции развития креативных (творческих) индустрий и механизмов осуществления их государственной поддержки до 2030 года» (в ред. от 26 января 2024 г.) // СЗ РФ. – 2022. – № 34. – Ст. 6044; 2024. – № 5. – Ст. 762.

31. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2022 г. № 4261-р «Об утверждении Стратегии развития автомобильной промышленности Российской Федерации до 2035 года» // СЗ РФ. – 2023. – № 1 (часть III). – Ст. 422.

32. Приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ «Об утверждении Концепции системы планирования выездных налоговых проверок» (в ред. от 10 мая 2012 г.) // Документы и комментарии. – 2007. – 13 июня. – № 12.

33. Приказ ФНС России от 29 декабря 2022 г. № ЕД-7-11/1293@ «Об утверждении формы информации об операциях по отчуждению цифровых финансовых активов и (или) цифровых прав, включающих одновременно цифровые финансовые активы и утилитарные цифровые права, и формата ее представления в электронной форме» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 27.01.2023.

34. Приказ Минфина России от 28 декабря 2015 г. № 217н «О введении Международных стандартов финансовой отчетности и Разъяснений Международных стандартов финансовой отчетности в действие на территории Российской Федерации и о признании утратившими силу некоторых приказов (отдельных положений приказов) Министерства финансов Российской Федерации» (в ред. от 11 июля 2016 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 08.02.2016.

35. Положение Банка России от 16 декабря 2020 г. № 746-П «О ведении Банком России реестра операторов информационных систем, в которых осу-

ществляется выпуск цифровых финансовых активов, реестра операторов обмена цифровых финансовых активов, о порядке и сроках представления операторами информационных систем, в которых осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и операторами обмена цифровых финансовых активов в Банк России сведений о лицах, распоряжающихся акциями (долями) указанных операторов, а также о порядке представления и согласования Банком России изменений в правила информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, изменений в правила обмена цифровых финансовых активов» (в ред. от 08 сентября 2023 г.) // Вестник Банка России. – 2021. – 29 января. – № 7; 2023. – 25 октября. – № 68.

36. Положение Банка России от 15 ноября 2021 г. № 779-П «Об установлении обязательных для некредитных финансовых организаций требований к операционной надежности при осуществлении видов деятельности, предусмотренных частью первой статьи 76.1 Федерального закона от 10 июля 2002 года № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», в целях обеспечения непрерывности оказания финансовых услуг (за исключением банковских услуг)» // Вестник Банка России. – 2022. – 13 апреля. – № 22.

37. Указание Банка России от 25 ноября 2020 г. № 5635-У «О признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых может осуществляться только лицом, являющимся квалифицированным инвестором, о признаках цифровых финансовых активов, приобретение которых лицом, не являющимся квалифицированным инвестором, может осуществляться только в пределах установленной Банком России суммы денежных средств, передаваемых в их оплату, и совокупной стоимости иных цифровых финансовых активов,, передаваемых в качестве встречного предоставления, об указанных сумме денежных средств и совокупной стоимости цифровых финансовых активов» (в ред. от 15 июня 2022 г.) // Вестник Банка России. – 2020. – № 104;

Официальный сайт Банка России <http://www.cbr.ru/>, 25.07.2022.

38. Указание Банка России от 3 декабря 2020 г. № 5647-У «О требованиях к расчету размера чистых активов хозяйственного общества для целей его включения Банком России в реестр операторов обмена цифровых финансовых активов» // Вестник Банка. – 2021. – 04 февраля. – № 6.

39. Письмо Минфина России от 4 декабря 2019 г. № 03-03-06/1/94158 «О налогообложении операций с цифровыми правами» [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

40. Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утв. Президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7 [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

1.3 Нормативные правовые акты зарубежных стран

41. Закон Республики Казахстан от 24 ноября 2015 года № 418-V ЗРК «Об информатизации» (в ред. от 20 августа 2024 г.) // Ведомости Парламента РК. – 2015. – № 22-V. – Ст. 155.

II. Литература

2.1 Литература на иностранном языке

42. *Garrick Hileman*. Cryptocurrency and blockchain [Текст]. – UK: University of Cambridge, 2017. – 115 p.

43. *Chow, Y.L., Tan, K.K.* Is Tokenization of Real Estate Ready for Lift Off in APAC? [Текст] // *Journal of Property Investment and Finance*. – 2022. – Vol. 40, Issue 3. – P. 284-290.

44. *Kaulartz, M.* Die Blockchain-Technologie: Hintergründe zur Distributed Ledger Technology und zu Blockchains // *Computer und Recht*. 2016. Vol. 32. № 7. pp. 474-480.

45. *Lim, G., Yiu, Sh.* Hong Kong [Текст] // *The Virtual Currency Regulation*

Review. Ed. 2 / Editors: M. S. Sackheim and N.A. Howell. Law Business Research Ltd, 2019.

46. *Sharma, A., Bhanawat, S.S., Sharma, R.B.* Adoption of Blockchain Technology Based Accounting Platform [Текст] // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. – 2022. – Vol. 11, Issue 2. – P. 155-162.

2.2 Монографии, учебная

47. *Арзуманова, Л.Л., Грачева, Е.Ю., Болтинова, О.В.* Налоговое право. Общая часть [Текст]. – М.: НОРМА, 2019. – 152 с.

48. *Балихина, Н.В.* Финансы и налогообложение организаций: Учебник [Текст] / Н.В. Балихина, М.Е. Косов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2018. – 623 с.

49. *Барулин, С.В.* Финансы : учебник [Текст] / С.В. Барулин. – М.: КНОРУС, 2010. – 640 с.

50. Взаимосогласительные процедуры при разрешении налоговых споров в досудебном порядке: монография [Текст] / Отв. ред. А. Ю. Ильин. – М.: Проспект, 2017. – 112 с.

51. *Грачева, Е.Ю., Соколова, Э.Д.* Финансовое право: учебник [Текст]. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2021. – 272 с.

52. *Гришаев, С.П.* Эволюция законодательства об объектах гражданских прав [Электронный ресурс] // СПС «Гарант», 2015.

53. *Дорохин, С.В.* Деление права на публичное и частное: конституционно-правовой аспект [Текст]. – М.: Волтерс Клувер, 2008. – 136 с.

54. *Запольский, С.В.* Теория финансового права: Научные очерки. [Текст]. – М.: РАП, Эксмо, 2010. – 160 с.

55. *Иванов, А.Е., Иванов, С.А.* Налогообложение некоммерческих организаций [Текст]. – М.: Кнорус, 2017. – 288 с.

56. *Канашевский, В.А.* Международное частное право [Текст]. – М.: Международные отношения, 2016. – 1006 с.

57. *Пикетти, Т.* Капитал в XXI веке [Текст]. – М.: Ад Маргинем Пресс,

2016. – 592 с.

58. *Романова, И.Б.* Налоговое администрирование: учеб. пособие [Текст]. – Ульяновск: УлГУ, 2018. – 54 с.

59. *Савельев, А.И.* Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование [Текст]. – М.: Статут, 2016. – 638 с.

60. *Санникова, Л.В., Харитонова, Ю.С.* Цифровые активы: правовой анализ: монография [Текст]. – М.: 4 Принт, 2020. – 304 с.

61. *Фабоцци, Ф.* Финансовые инструменты [Текст] / [пер. с англ. Е. Востриковой, Д. Ковалевского, М. Орлова]. – М.: Эксмо, 2010. – 864 с.

62. Финансовое право: учебник [Текст] / отв. ред. Н.И. Химичева, Е.В. Покачалова. – М.: НОРМА, 2020. – 800 с.

63. *Шамраев, А.В.* Международное финансовое регулирование: финансовые технологии: монография [Текст]. – М.: Кнорус, 2021. – 176 с.

2.3 Статьи в научных журналах и иных изданиях

64. *Абрамова, Е.Н.* Цифровой финансовый актив как ценная бумага [Текст] // Гражданское право. – 2024. – № 1. – С. 10-13.

65. *Адаменко, А.А., Хорольская, Т.Е., Горшков, В.С.* Финансовые активы: понятие и оценка [Текст] // Вестник Академии знаний. – 2019. – № 34 (5). – С. 272-277.

66. *Алиева, Э.Б., Гусейнова, А.И., Филимонова, А.В.* К вопросу о проблемах понятия «налоговые льготы» в законодательстве и науке России [Текст] // Закон и право. – 2019. – № 3. – С. 44-46.

67. *Арсланбекова, А.З., Мустафаев, Р.Э.* Содержание, формы и методы налогового администрирования [Текст] // Юридический вестник ДГУ. – 2022. – Т. 41. – № 1. – С. 44-48.

68. *Артемов, К.И.* Современное законодательство и криптовалюта (майнинг криптовалюты) как новое явление в российской экономике [Текст] // International Law Journal. – 2022. – Т. 5. – № 5. – С. 34-39.

69. *Бакаева, О.Ю., Покачалова, Е.В.* Мониторинг и аудит как инструмент достижения баланса частных и публичных интересов в налоговых и таможенных правоотношениях [Текст] // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – № 4. – С. 616-643.

70. *Баранова, Л.Г., Федорова, В.С.* Налоговый мониторинг – тренд налогового администрирования в условиях цифровизации [Текст] // Совершенствование налогового администрирования: матер. VI Респуб. научн.-практ. конф. (23 декабря 2021 г.). – Уфа, 2022. – С. 102-106.

71. *Басс, А.Б., Каратаев, М.В.* Основы управления риском вовлечения банка в процессы легализации преступных доходов [Текст] // Финансы и кредит. – 2010. – № 26 (410). – С. 29-38.

72. *Беломытцева, О.С.* Аналитический обзор зарубежных исследований о влиянии налогообложения на инвестиции корпораций [Электронный ресурс] // *Bakal Research Journal*. 2021. Т. 12. № 4. Порядковый номер 2.

73. *Богатая, И.Н., Евстафьева, Е.М.* Влияние цифровизации экономики на развитие учетно-аналитического обеспечения управления коммерческой организацией [Текст] // Учет и статистика. – 2019. – №3 (55). – С. 34-42.

74. *Бодяко, А.В., Пономарева, С.В., Рогуленко, Т.М.* Идентификация цифровых прав в качестве объекта учета и контроля [Текст] // Учет. Анализ. Аудит. – 2021. – Т. 8. – № 5. – С. 14-27.

75. *Булхов, Н.А., Веремьева, С.М.* Сущность, правовое регулирование и налогообложение «цифровых активов» // Цифровой регион: опыт, компетенции, проекты: Труды II Международной научно-практической конференции, Брянск, 19 ноября 2019 года. – Брянск, 2019. – С. 120-123.

76. *Бутенко, Е.Д., Исахаев, Н.Р.* Электронные деньги и криптовалюты: противоречия и ловушки [Текст] // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2018. – Т. 14. – № 6. – С. 1092-1108.

77. *Вакулина, Г.А.* О видах цифровых прав [Текст] // Хозяйство и право.

– 2023. – № 6. – С. 3-12.

78. *Василевская, Л.Ю.* Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 111-119.

79. *Васильева, Е.А.* К вопросу о понятии финансовых инструментов [Текст] // Социальная политика и социология. – 2014. – Т. 2. – № 4 (105). – С. 44-54.

80. *Власова, А.В.* Право на цифровой финансовый актив [Текст] // Право и современная экономика: материалы I Международной научно-практической конференции Юридического факультета СПбГЭУ (г. Санкт-Петербург, 5 апреля 2018 г.): сб. науч. ст. / науч. ред. Н.А. Крайнова. – СПб., 2018. – С. 70-74.

81. *Городов, О.А.* Приобретение утилитарных цифровых прав как новый способ инвестирования по законодательству России [Текст] // Право и цифровая экономика. – 2020. – № 1. – С. 5-10.

82. *Гринь, О.С.* Обязательственные отношения по поводу цифровых объектов гражданских прав [Текст] // Lex russica. – 2020. – Т. 73. – № 10. – С. 21-31.

83. *Дерюгина, Т.В.* О цифровом финансовом активе как инвестиции и запрете встречного предоставления: коллизии правового регулирования [Текст] // Гражданское право. – 2023. – № 1. – С. 13-16.

84. *Джанашивили, Н.И.* Правовой режим налогообложения доходов организаций в Российской Федерации [Текст] // Академическая публицистика. – 2021. – № 9-1. – С. 55-64.

85. *Дмитриева, Г.К.* Цифровые финансовые активы: проблемы коллизионного регулирования [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 5. – С. 120-128.

86. *Дружинин, И.Д., Муратова, С.А.* Отдельные проблемы правового

регулирования цифровых прав [Текст] // Цивилист. – 2023. – № 6. – С. 31-37.

87. *Егорова, Д.А.* Налоговые льготы и налоговые преференции [Текст] // Вопросы устойчивого развития общества. – 2020. – № 9. – С. 163-175.

88. *Егорова, М.А.* Проблемы соотношения и правового регулирования криптовалюты, биткойна, цифровой и виртуальной валюты: российский и зарубежный опыт [Текст] // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2020. – № 2. – С. 53-57.

89. *Егорова, М.А., Белых, В.С., Решетникова, С.Б.* Технология блокчейн: перспективы применения и значение для целей развития информационного общества [Текст] // Юрист. – 2019. – № 7. – С. 4-9.

90. *Ефимова, Л.Г.* Альтернативный взгляд на правовое регулирование гражданско-правовых отношений в условиях цифровой экономики [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 8. – С. 52-62.

91. *Жданова, О.А.* Цифровые финансовые активы как инструменты финансирования деятельности компании [Текст] // Финансы. – 2022. – № 8. – С. 52-57.

92. *Жура С.Е., Серебрякова Т.А.* Проблемы налогообложения субъектов малого бизнеса [Текст] // Роль науки и технологий в социально-экономическом развитии регионов: сб. матер. VI Всерос. конф. с межд. участием. – Архангельск, 2023. – С. 148-151

93. *Залибекова, Д.З.* Правовое регулирование налоговых льгот и вычетов [Текст] // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 4. – С. 297-299.

94. *Иноземцев, М.И., Бобков, К.А.* ИСО/ИТО как передовой инструмент привлечения инвестиций: вопросы правового регулирования [Текст] // Страховое право. – 2017. – № 4 (77). – С. 37-40.

95. *Казаченок, О.П.* Электронные денежные средства как новый объект гражданских прав в российском и международном праве: ограничение обо-

ротоспособности и перспективы правового регулирования [Текст] // Евразийская адвокатура. – 2019. – № 1(38). – С. 104-108.

96. *Кобзарь-Фролова, М.Н.* Основные направления цифровизации налогового администрирования [Текст] // Бачиловские чтения: матер. четвертой межд. науч.-практ. конф. (г. Москва, 5-6 февраля 2022 г.) / отв. ред. Т.А. Полякова, А.В. Минбалеев, В.Б. Наумов. – Саратов, 2022. – С. 291-300.

97. *Конобеевская, И.М.* Цифровые права как новый объект гражданских прав [Текст] // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. – 2019. – Т. 19. – № 3. – С. 330-334.

98. *Корзоватых, Ж.М., Морозова, Н.Г.* Развитие инновационных инструментов налогового администрирования в Российской Федерации [Текст] // Вестник Челябинского государственного университета. – 2021. – № 10 (456). – С. 145-155.

99. *Красиков, Д.А.* Современные подходы к определению предмета финансового права [Текст] // Современное право. – 2018. – № 9. – С. 58-62.

100. *Куприянова, Т.А.* Инвестиционные инструменты как основа инвестиционной деятельности [Текст] // Финансы и кредит. – 2020. – Т. 26. – № 1. – С. 213-227

101. *Ли, И.С.* Гражданско-правовая природа криптовалют и связанных с ними механизмов (блокчейн, майнинг) [Текст] // Законодательство. – 2018. – № 5. – С. 48-50.

102. *Литвинова, Ю.М.* Защита прав налогоплательщиков в условиях цифровой реальности [Текст] // Право и современная экономика: опыт и будущее: сб. матер. V Межд. науч.-практ. конф. юридического факультета СПбГЭУ. – СПб, 2022. – С. 227-229.

103. *Литвинова, Ю.М.* Правовое регулирование налогообложения в условиях четвертой промышленной революции [Текст] // Метрологическое обеспечение инновационных технологий: сб. тезисов конференции. – СПб,

2020. – С. 175-176.

104. *Литвинова, Ю.М.* Экспериментальные правовые режимы в сфере цифровых инноваций: к вопросу о новеллах финтех-законодательства [Текст] // Право и современная экономика: новые вызовы и перспективы в условиях пандемии: сб. матер. IV межд. науч.-практ. конф. юридического факультета СПбГЭУ / под науч. ред. Н.А. Крайновой. – СПб, 2021. – С. 130-134.

105. *Лутченко, В.А.* Совершенствование понятия цифровой финансовый актив в аспекте бухгалтерского учета [Текст] // Бухгалтерский учет, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития. Материалы XIV межд. науч. конф. студентов, аспирантов, преподавателей. – СПб, 2019. – С. 99-105.

106. *Мельникова, Т.В., Никиташина, Н.А., Шаляева, Ю.В.* Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав [Текст] // Юрист. – 2023. – № 11. – С. 37 - 42.

107. *Михеева, И.Е.* Отдельные правовые особенности залога цифровых прав [Текст] // Право и экономика. – 2022. – N 10. – С. 16 - 23.

108. *Молчанов, А.А.* Законодательное признание цифровых прав как одного из объектов гражданского права [Текст] // Вестник Белгородского юридического института МВД России им.И.Д. Путилина. – 2020. – № 3. – С. 4-8.

109. *Мусалаева, А.* Электронные деньги и платежные системы [Текст] // Проблемы современной экономики. – 2010. – № 4(36). – С. 206-208.

110. *Новоселова, Л.А., Габов, А.В.* и др. Цифровые права как новый объект гражданского права [Текст] // Закон. – 2019. – № 5. – С. 31-55.

111. *Папаскуа, Г.Т.* Краудфандинг: понятие, виды и риски системы [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – Т. 16. – № 7 (128). – С. 77-85.

112. *Папаскуа, Г.Т.* Финансово-правовое регулирование привлечения

инвестиций с использованием инвестиционных платформ [Текст] // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 9 (85). – С. 158-166.

113. *Пепеляев, С.Г.* Добрая совесть налоговой инспекции [Текст] // Налоговед. – 2018. – № 4. – С. 4-7.

114. *Печегин, Д.А.* К вопросу о правовом регулировании криптовалют в Германии [Текст] // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 6. – С. 21-33.

115. *Пещеров, А.И.* Понятие и место криптовалюты в системе денежных средств [Текст] // Юридическая мысль. – 2016. – Т. 95. – № 3. – С. 130-138.

116. *Полищук, Е.А.* Управление налоговыми рисками как метод повышения экономической безопасности [Текст] // Синергия наук. – 2021. – № 66. – С. 22-65.

117. *Понамаренко, В.Е., Дибина, Д.В.* Правовое регулирование криптоактивов в передовых криптоюрисдикциях Европы: Мальта, Лихтенштейн, Швейцария [Текст] // Журнал юридических исследований. – 2021. – Т.6. – № 2. – С. 107-118.

118. *Прохоров, В.В., Пантелеев, В.И.* Цифровые финансовые активы как основа государственно-частного партнерства [Текст] // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2019. – Ч. 2. – № 3. – С. 150-154.

119. *Пучкова, Е.М., Селихов, Р.А.* Оценка итогов налогового администрирования на региональном уровне в контексте реализации налоговой политики государства [Текст] // Региональная экономика: проблемы и перспективы развития в современных условиях: сб. матер. Межд. научн.-практ. конф. (16 декабря 2021 г.). – Невинномысск, 2022. – С. 97-104.

120. *Решетняк, С.Р.* Классификация цифровых прав [Текст] // Вестник экспертного совета. – 2021. – № 1 (24). – С. 96-105.

121. *Рождественская, Т.Э., Гузнов, А.Г.* Цифровые финансовые активы: проблемы и перспективы правового регулирования [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15. – № 6. – С. 43-54.

122. *Рождественская, Т.Э., Гузнов, А.Г.* Реализация подходов ФАТФ к регулированию виртуальных активов в законодательстве Российской Федерации: перспективы развития [Текст] // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2020. – № 9. – С. 138-147.

123. *Рождественская, Т.Э., Гузнов, А.Г.* Цифровая валюта: особенности регулирования в Российской Федерации [Текст] // Правоприменение. – 2021. – Т. 5. – № 1. – С. 58-67.

124. *Рождественская, Т.Э., Гузнов, А.Г.* Особенность правового статуса оператора информационной системы, в которой осуществляется выпуск цифровых финансовых активов, и оператора обмена цифровых финансовых активов как организаций, обеспечивающих цифровые финансовые технологии [Текст] // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2021. – № 9. – С. 124-134.

125. *Савельев, А.И.* Криптовалюты в системе объектов гражданских прав [Текст] // Закон. – 2017. – № 8. – С. 136-153.

126. *Санникова, Л.В.* Факторы риска использования криптоактивов в России и потенциал их снижения [Текст] // Финансовый журнал. – 2022. – Т. 14. – № 6. – С. 124-138.

127. *Санникова, Л.В., Харитонова, Ю.С.* Правовая сущность новых цифровых активов [Текст] // Закон. – 2018. – № 9. – С. 86-95.

128. *Саурин, А.А.* Право собственности на деньги (конституционно-правовой аспект) [Текст] // Конституционное и муниципальное право. – 2018. – № 5. – С. 51-56.

129. *Серебрякова, Т.А.* К вопросу об особенностях развития региональной инвестиционной политики в Российской Федерации [Текст] // Про-

блемы реализации прав человека и гражданина в условиях современных социальных трансформаций: матер. Межд. науч.-практ. конф., посвященной памяти профессора Ф.М. Рудинского / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, Н.М. Ладнушкиной. – Саратов, 2022. – С. 155-159.

130. *Серебрякова, Т.А.* О правосубъектности участников финансовых отношений в условиях формирования цифровой экономики [Текст] // Цифровая экономика как вектор трансформации правосубъектности участников налоговых отношений в России и за рубежом: сб. науч. тр. по матер. Межд. науч.-практ. конф. в рамках IV Саратовский финансово-правовых чтений научной школы Н.И. Химичевой. В 2х частях. Ч. 2. – Саратов, 2020. – С. 60-64

131. *Силантьева, И.А.* Цифровизация налогового администрирования как инструмент увеличения наполняемости доходной части бюджета [Текст] // Модернизация правового регулирования бюджетных отношений в условиях цифровизации экономики: сб. науч. тр. по матер. Межд. науч.-практ. конф. в рамках V Саратовских финансово-правовых чтений научной школы имени Н.И. Химичевой. В 2х частях. Ч. 1. – Саратов, 2020. – С. 239-244.

132. *Ситник, А.А.* Правовое регулирование национального денежного обращения [Текст] // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2015. – № 3 (7). – С. 155-160.

133. *Соколова, Е.Ю.* Финансовый рынок России в условиях санкционных ограничений: поиск альтернативных источников формирования инвестиций [Текст] // Discussion. – 2024. – № 3. – С. 82-90.

134. *Солдаткина, О.Л.* Цифровое право: особенности цифровой среды и субъекты [Текст] // Государство и право. – 2019. – № 12. – С. 113-123.

135. *Сорока, Э.Ю.* Правовая природа цифровых финансовых активов в законодательстве Российской Федерации [Текст] // Вопросы российского и международного права. – 2021. – Т. 11. – № 9-1. – С. 84-92.

136. *Суханов, Е.А.* О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» [Текст] // Вестник гражданского права. – 2021. – № 6. – С. 7-29.

137. *Татоян, А.А.* Операции с цифровыми финансовыми активами в России и за рубежом: понятие, сущность и особенности для целей налогообложения [Текст] // Общество и право. – 2022. – № 12. – С. 101-105.

138. *Татоян, А.А.* Понимание цифровых финансовых активов в аспекте законодательного определения [Текст] // Трансформация правовых институтов и методов обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия и экологической безопасности в России, странах СНГ и Европейского союза, на примере борьбы с коронавирусом COVID-19: матер. VII Межд. науч.-практ. конф. – Саратов, 2021. – С. 213-215.

139. *Татоян, А.А.* Экономико-правовая природа цифровых финансовых активов [Текст] // Образование и право. – 2022. – № 1. – С. 107-111.

140. *Татоян, А.А.* Характеристики цифровых финансовых активов по законодательству зарубежных стран [Текст] // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 3 (166). – С. 218-220.

141. *Татоян, А.А.* Правовое регулирование операций с цифровыми финансовыми активами [Текст] // Бизнес. Образование. Право. – 2022. – №4 (61). – С. 253-257.

142. *Хайретдинов, А.К.* Совершенствование механизмов налогообложения как метод стимулирования прямых иностранных инвестиций в Россию [Текст] // Экономические исследования и разработки. – 2023. – № 1. – С. 190-198.

143. *Цинделиани, И.А.* Правовая природа цифровых финансовых активов: частноправовой аспект [Текст] // Юрист. – 2019. – № 3. – С. 34-41.

144. *Чиклаев, Р.В.* Правовые и экономические основания оборота цифровых прав [Текст] // Ex jure. – 2022. – № 2. – С. 36-49.

145. *Чурилов, А.Ю.* К вопросу о целесообразности введения в Граж-

данский кодекс цифровых прав [Текст] // Правовая парадигма. – 2020. – Т.19. – № 2. – С. 105-109.

146. *Чурилов, А.Ю.* Перспективы цифровизации товарораспорядительных документов [Текст] // Юрист. – 2021. – № 2. – С. 10 - 15.

147. *Шамраев, А.В.* Цифровые финансовые активы: международные подходы к регулированию и их влияние на российское право [Текст] // Банковское право. – 2021. – № 1. – С. 63-75.

148. *Шевченко, О.М.* Влияние новых технологий на развитие законодательства о рынке ценных бумаг [Текст] // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – № 11. – С. 76-86.

2.4 Диссертации и авторефераты диссертаций

149. *Гарькуша, М.С.* Электронные деньги как феномен виртуальной экономики: функции и способы институционализации: дисс. ... канд. экон. наук: 08.00.01 / М.С. Гарькуша. – Краснодар, 2010. – 147 с.

150. *Гудкова, М.В.* Денежная эмиссия и денежное обращение в Российской Федерации: особенности финансово-правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / М.В. Гудкова. – Саратов, 2021. – 270 с.

151. *Медведева, Н.В.* Налоговое регулирование инвестиционной деятельности в Российской Федерации: автореф. ... дис. канд. экон. наук: 08.00.10 / Н.В. Медведева. – М., 2007. – 25 с.

152. *Раздорожный, К.Б.* Финансово-правовое регулирование цифровых финансовых активов в Российской Федерации и в зарубежных странах: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.04 / К.Б. Раздорожный. – М., 2021. – 221 с.

153. *Садков, В.А.* Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / В.А. Садков. – Волгоград, 2022. – 211 с.

154. *Сиротская Д.Е.* Финансово-правовое регулирование региональной инвестиционной деятельности (на примере Краснодарского края): дисс.

... канд. юрид. наук: 12.00.04 / Д.Е. Сиротская. – Саратов, 2022. – 192 с.

155. *Ситник, А.А.* Финансово-правовое регулирование денежного обращения в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14 / А.А. Ситник. – М., 2010. – 230 с.

2.5 Справочная информация, комментарии

156. Комментарий к Федеральному закону от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг», постатейный / Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Белова Л.Г., Костюк И.В., Ротко С.В., Холкина М.Г., Рогалева М.А., Тимошенко Д.А. // Подготовлен для системы КонсультантПлюс, 2020.

157. Развитие рынка цифровых активов в Российской Федерации. Доклад Банка России для общественных консультаций [Текст]. – М., 2022. – 34 с.

III. Материалы правоприменительной практики

158. Решение Арбитражного суда г. Москва по делу № А40–124668/2017 от 24 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/20EHFIeNovUP/> (дата обращения: 10.08.2021).

159. Приговор Петроградского районного суда Петербурга от 30 июня 2020 г. №1-95/2020 [Текст] // СПС «КонсультантПлюс».

IV. Электронные ресурсы

160. *Appel, H.* Quick Guide Crypto Assets. How they Classify within the Framework of Financial Market Law. Springer Gabler Wiesbaden, 2023. 96 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1007/978-3-658-40462-8> (дата обращения: 27.05.2023).

161. Banco Central de Bolivia (2017), Comunicado [Электронный ресурс]. URL: https://www.bcb.gob.bo/webdocs/11_comunicados/04_2017_COMUNICADO_Us_o_monedas.pdf (дата обращения: 26.03.2023)

162. Bundesministerium der Finanzen [BMF], BMF-Schreiben. Um-

satzsteuerliche Behandlung von Bitcoin und anderen sog. virtuellen Währungen; EuGH-Urteil vom 22. Oktober 2015, C-264/14, Hedqvist (BMF letter), Feb. 27, 2018, at 1 & 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://perma.cc/NMB8-6WYV> (дата обращения: 15.03.2022).

163. CP19/3: Guidance on Cryptoassets (January 2019) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fca.org.uk/publication/consultation/cp19-03.pdf> (дата обращения: 26.03.2023).

164. Cryptoassets Taskforce: final report [Электронный ресурс]. URL: https://assets.publishing.service.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/752070/cryptoassets_taskforce_final_report_final_web.pdf (дата обращения: 17.02.2022).

165. Crypto-Asset Reporting Framework and Amendments to the Common Reporting Standard [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/tax/exchange-of-tax-information/crypto-asset-reporting-framework-and-amendments-to-the-common-reporting-standard.htm> (дата обращения: 12.01.2023).

166. Crypto-assets. Work underway, regulatory approaches and potential gaps. 31 May 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fsb.org/wp-content/uploads/P310519.pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

167. Digital Currencies. Bank for International Settlements, The Committee on Payments and Market Infrastructures. 2015. November, p. 5 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bis.org/cpmi/publ/d137.pdf> (дата обращения: 21.11.2022).

168. Directive 2006/112/CE du Conseil, du 28 novembre 2006, relative au système commun de taxe sur la valeur ajoutée (JO L347 du 11 décembre 2006) [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/FR/TXT/HTML/?uri=CELEX:32006L0112> (дата обращения: 09.01.2023).

169. Directive 2013/36/Eu of the European Parliament and of the Council of 26 June 2013 on access to the activity of credit institutions and the prudential supervision of credit institutions and investment firms, amending Directive 2002/87/EC and repealing Directives 2006/48/EC and 2006/49/EC URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:32013L0036> (дата обращения: 17.05.2021).

170. Directive 2014/65/EU of the European Parliament and of the Council of 15 May 2014 on markets in financial instruments and amending Directive 2002/92/EC and Directive 2011/61/EU. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex%3A32014L0065> (дата обращения: 17.05.2021).

171. *Dong He, Annamaria Kokenyne Ivanics, Xavier Lavayssière, Inutu Lukonga, Nadine Schwarz, Nobuyasu Sugimoto, Jeanne Verrier*. Capital Flow Management Measures in the Digital Age: Challenges of Crypto Assets [Электронный ресурс]. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fintech-notes/Issues/2022/05/09/Capital-Flow-Management-Measures-in-the-Digital-Age-516671> (дата обращения: 11.05.2022).

172. IBFD. Romania-Individual Taxation-Country Tax Guides. [Электронный ресурс]. URL: https://ezpro.fa.ru:3088/#/doc?url=/collections/ita/html/ita_ro_s_001.html (дата обращения 15.03.2023).

173. Indonesia regulator says financial firms banned from facilitating crypto sales. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/indonesia-regulator-says-financial-firms-banned-facilitating-crypto-sales-2022-01-25/> [Электронный ресурс] (дата обращения: 26.03.2023).

174. Federal Council report on virtual currencies in response to the Schwaab (13.3687) and Weibel (13.4070) postulates. URL: <https://perma.cc/7VAB-FNBJ> (дата обращения: 10.08.2021).

175. France is on the verge of imposing mandatory KYC rules for all cryp-

to transactions, industry sources say [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theblock.co/post/87001/france-crypto-rules-mandatory-buy-crypto-to-crypto> (дата обращения: 23.11.2022).

176. Franklin R. Edwards, Kathleen Hanley, Robert Litan & Roman L. Weil. Crypto Assets Require Better Regulation: Statement of the Financial Economists Roundtable on Crypto Assets. 02 Apr 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/0015198X.2019.1593766> (дата обращения 21.11.2022).

177. Gesetz vom 3. Oktober 2019 über Token und VT-Dienstleister (Token- und VT-Dienstleister-Gesetz; TVTG) [Электронный ресурс]. URL: <https://perma.cc/H2GT-88CN> (дата обращения: 10.08.2021).

178. Hong Kong to restrict crypto exchanges to professional investors [Электронный ресурс]. URL: <https://www.reuters.com/technology/hong-kong-restrict-crypto-exchanges-professional-investors-2021-05-21/> (дата обращения: 23.11.2022).

179. *Huiskers-Stoop, E., Gribnau, H.* Cooperative Compliance and the Dutch Horizontal Monitoring Model (January 9, 2019) [Электронный ресурс] // *Journal of Tax Administration*.2019. Vol 5:1. URL: <https://ssrn.com/abstract=3333347> (дата обращения: 28.04.2022).

180. Infrastructure Investment and Jobs Act, H.R. 3684 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/legislation/2021/11/15/bill-signed-h-r-3684/> (дата обращения: 23.11.2022).

181. Initial Coin Offerings [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fca.org.uk/news/statements/initial-coin-offerings> (дата обращения: 23.11.2022).

182. *Layr, A.K.* Tokenization of assets: security tokens in Liechtenstein and Switzerland // *Milan Law Review*. 2021. Т. 2. №. 1. С. 64. URL: <https://riviste.unimi.it/index.php/milanlawreview/article/view/16475/14552> (дата

обращения: 03.07.2022)

183. Japan Implements Significant Changes to Cryptocurrency Regulation Today [Электронный ресурс]. URL: <https://news.bitcoin.com/japan-changes-cryptocurrency-regulation/> (дата обращения: 10.08.2021).

184. Judgment of the Court (Fifth Chamber) of 22 October 2015 (request for a preliminary ruling from the Högsta förvaltningsdomstolen — Sweden) — Skatteverket v David Hedqvist [Электронный ресурс]. URL: <https://curia.europa.eu/juris/document/document.jsf?text=&docid=172954&pageIndex=0&doclang=en&mode=req&dir=&occ=first&part=1&cid=3583> (дата обращения: 09.01.2023).

185. Liechtenstein's Parliament Approves Blockchain Act Unanimously. URL: <https://www.liechtensteinusa.org/article/liechtensteins-parliament-approves-blockchain-act-unanimously> (дата обращения: 07.08.2021).

186. LOI № 2019-486 du 22 mai 2019 relative à la croissance et la transformation des entreprises [Электронный ресурс]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT000038496102/> (дата обращения: 17.08.2021).

187. *Narvas, J.M.* How Blockchain Technology Will Impact Accounting [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dvphilippines.com/blog/how-blockchain-technology-will-impact-accounting> (дата обращения: 14.08.2021).

188. Payment Services Act 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mas.gov.sg/regulation/acts/paymentservices-act> (дата обращения: 10.08.2021).

189. Proposal for a REGULATION OF THE EUROPEAN PARLIAMENT AND OF THE COUNCIL on Markets in Crypto-assets, and amending Directive (EU) 2019/1937 COM/2020/593 final [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A52020PC0593> (дата обращения: 22.05.2023).

190. Regulation of Bitcoin in Selected Jurisdictions. P. 6 [Электронный ресурс] // The Law Library of Congress. January 2014 // URL: <https://www.loc.gov/law/help/bitcoin-survey/regulation-of-bitcoin.pdf> (дата обращения: 29.12.2022).

191. Release № 81207 / July 25, 2017 Report of Investigation Pursuant to Section 21(a) of the Securities Exchange Act of 1934: The DAO. URL: <https://www.sec.gov/files/litigation/investreport/34-81207.pdf> (дата обращения: 17.05.2021).

192. Report and Motion (Bericht und Antrag; BuA) of the Government to the Parliament of the Principality of Liechtenstein concerning the creation of a Law on Tokens and TT Service Providers (Token and TT Service Provider Act; TVTG) and the amendment of other laws, № 54/2019. URL: <https://www.naegele.law/files/Downloads/2018-10-05-Unofficial-Translation-of-the-Draft-Blockchain-Act.pdf> (дата обращения: 20.04.2023).

193. Report with advice for the European Commission on crypto-assets [Электронный ресурс]. URL: <https://eba.europa.eu/documents/10180/2545547/EBA+Report+on+crypto+assets.pdf> (дата обращения: 05.08.2021).

194. Securities and Futures Ordinance (Cap. 571). Originally 5 of 2002 — L.N. 106 of 2002 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.elegislation.gov.hk/hk/cap571> (дата обращения: 26.10.2021).

195. *Sheffield, S., Davis, M., Smith, P., Masi, K., Colautti, J., Alhouti, D.* The Virtual Currency Regulation Review: United Arab Emirates [Электронный ресурс]. URL: <https://www.charlesrussellspeechlys.com/en/news-and-insights/insights/litigation--dispute-resolution/2022/the-virtual-currency-regulation-review-united-arab-emirates/> (дата обращения: 26.06.2023).

196. The Law Library of Congress, G. (2018), Regulation of Cryptocurrency Around the World [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/cryptocurrency-world-survey.pdf>
(дата обращения: 26.03.2023).

197. The Virtual Regulation Review. Fifth Edition. Law Reviews, 2022. China. P. 79-93. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hankunlaw.com/upload/portal/20221008/ab0b36fc53656a8b3269e6ee6d965dd4.pdf> (дата обращения: 08.02.2023).

198. Updated Guidance for a Risk-Based Approach to Virtual Assets and Virtual Asset Service Providers, FATF. Paris, 2021. С. 7-16, 20. URL: www.fatf-gafi.org/publications/fatfrecommendations/documents/Updated-Guidance-RBA-VA-VASP.html (дата обращения: 05.04.2022).

199. URL: <https://www.fatf-gafi.org/glossary/u-z/> (дата обращения: 10.08.2021).

200. URL: <https://www.sberbank.ru/ru/legal/services/digital-assets?tab=release> (дата обращения: 25.08.2022).

201. URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Pd1700008&p1=1&p5=0> (дата обращения: 10.08.2021).

202. URL: https://www.coinbase.com/legal/securities-law-framework.pdf?clickId=TAAnQt1W0pxyOW4%3AwUx0Mo3EWUki1h-wdNSc9Wk0&utm_source=affiliate&utm_medium=cpc&utm_campaign=Viglink%20Primary&utm_conte (дата обращения: 10.08.2021).

203. Zhang, L. Regulation of Cryptocurrency: China . In Library of Congress, Regulation of Cryptocurrency in Selected Jurisdictions. Jun 2018 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.loc.gov/law/help/cryptocurrency/index.php> (дата обращения: 29.12.2022).

204. Virtual financial assets act [Электронный ресурс]. URL: <https://legislation.mt/eli/cap/590/eng/pdf> (дата обращения: 10.08.2021).

205. Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.csr.ru/upload/iblock/855/2xdr6q540ixfyb5pmkiszegtlqgh54dh.pdf>
(дата обращения: 23.05.2023)

206. *Гилева, А.Р.* Зарубежный опыт налогообложения финансовых инвестиций физических лиц // *Налоги и налогообложение*. 2022. № 3. С. 1-15. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38119 (дата обращения: 14.04.2023).

207. Динамические ряды основных показателей сегмента брокеров на 06.06.2024 [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/securities_market/statistic/ (дата обращения: 10.07.2024).

208. Доклад Центра стратегических разработок «Виртуальные активы: токенизация и эмиссия токенов» (июль 2022 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/855/2xdr6q540ixfyb5pmkiszegtlqgh54dh.pdf> (дата обращения: 20.11.2022).

209. Законопроект № 270838-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с внедрением цифрового рубля» [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/270838-8> (дата обращения: 16.01.2023).

210. Криптовалюты: актуальная регуляторная повестка. Февраль 2022. URL: <https://www.csr.ru/upload/iblock/695/2obclrtmbh4bsddf4amse6qya75yxb76.pdf> (дата обращения: 16.04.2023).

211. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций [Электронный ресурс] // Банк России. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 20.05.2022).

212. *Кудь, А.А.* Обоснование понятия «цифровой актив»: экономико-правовой аспект [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bitbon.space/ru/obosnovanie-ponyatiya-cifrovoj-aktiv> (дата обраще-

ния: 15.07.2021).

213. Модельный закон от 14 апреля 2023 года «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс] // Межпарламентская ассамблея государств – участников Содружества независимых государств. URL: https://iacis.ru/baza_dokumentov/modelnie_zakonodatelnie_akti_i_rekomendatcii_mpra_sng/modelnie_kodeksi_i_zakoni (дата обращения: 17.09.2023).

214. На полях ПМЮФ-2022 состоялась деловая сессия под эгидой РСПП на тему: «Цифровые активы: цифровая альтернатива финансирования» [Электронный ресурс]. URL: <https://rspp.ru/events/news/na-polyakh-pmyuf-2022-sostoyalas-delovaya-sessiya-pod-egidoy-rspp-na-temu-tsifrovye-aktivy-tsifrovaya-62bf13f5e0064/> (дата обращения: 21.11.2022).

215. Обзор платформенных сервисов в России (операторы инвестиционных платформ, операторы информационных систем и операторы финансовых платформ). Информационно-аналитический материал Банка России. М., 2023. С. 10-11, 14. URL: https://www.cbr.ru/content/document/file/146720/platform_services_20230515.pdf (дата обращения: 18.07.2023)

216. Официальный отзыв Правительства РФ на законопроект № 424632-7 от 11 апреля 2018 г. № 2.3.3-11/484 [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/2F4B32FD-CA5C-4F8E-A0C9-B99E6ED68612> (дата обращения: 20.03.2022).

217. Официальный сайт компании Atomyze. URL: <https://atomyze.ru/about> (дата обращения: 17.04.2022).

218. Проект закона «О цифровых финансовых активах» [Электронный ресурс]. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/01/main/Zakonoproekt_o_TS_FA_250118_na_sayt.docx (дата обращения: 30.06.2021).

219. Реестр операторов информационных систем, в которых осу-

ществляется выпуск цифровых финансовых активов по состоянию на 23.05.2024 г. // Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/finmarkets/files/supervision/list_ois.xlsx (дата обращения: 23.05.2024).

220. Реестр операторов обмена цифровых финансовых активов по состоянию на 24.05.2024 г. // Банк России. URL: https://cbr.ru/vfs/registries/admissionfinmarket/list_oocfa.xlsx (дата обращения: 24.05.2024).

221. Решение о выпуске цифровых финансовых активов на платформе А-Токен. [Электронный ресурс]. URL: https://цфа.рф/files/Reshenie_o_vypuske_CFA_Rostelekom_10042023.pdf (дата обращения: 29.05.2023)

222. Решение о выпуске цифровых финансовых активов на платформе Атомайз [Электронный ресурс]. URL: https://цфа.рф/files/-----_-.pdf (дата обращения: 29.05.2023).

223. Росбанк стал первым банковским партнером оператора цифровых финансовых активов в России. URL: <http://ifin.ru/news/read/19976.stm> (дата обращения: 17.09.2022).